Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

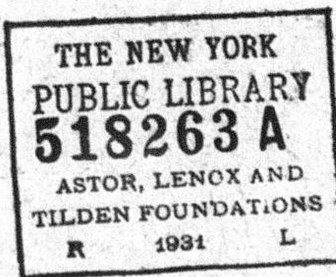
БОЛЬШЕВИК

№ 1 15 ЯНВАРЯ № 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 3 0
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—54631 Тираж 150.000 экз.
Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.

По ленинскому пути.

В истории борьбы за социализм можно встретить не мало политических деятелей, не мало ярких фигур, которые при жизни играли значительную роль в работе той или иной партии рабочего класса. Но вряд ли можно встретить после имен Маркса и Энгельса еще какое-нибудь имя, с которым рабочее движение было бы так крепко связано в наши дни, как с именем В. И. Ленина.

Годы проверки, в условиях самой ожесточенной борьбы, теории Ленина и ленинского плана социалистического строительства все ярче и ярче подтверждают гениальность предвидения Ленина, правильность его линии. Шестая годовщина смерти Ленина еще более ярко это подчеркивает, когда партия, основанная Лениным, имеет возможность сказать, что в советском государстве создана уже материальная база для замены крупного кулацкого производства крупным производством колхозов. Если в 1917 году и в последующие годы речь шла об уничтожении эксплоататорских классов, господствовавших в доктябрьской России, класса помещиков и капиталистов,—то через 6 лет после смерти Ленина речь идет уже о ликвидации кулачества как класса. Партия считает, что у рабочего класса и трудовых масс крестьянства имеется «полное основание перейти в своей практической работе от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». (Постановление ЦК ВКП(б)). Таким образом, мы подошли к новому этапу на ленинском пути—этапу выкорчевывания последних корней капитализма в нашей стране, ибо переход миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств к обобществленному крупному производству при гигантском темпе развертывания крупной промышленности СССР, тракторостроения, строения сложных сельскохозяйственных машин, комбайнов означает возможность в ближайшие же годы ликвидировать в основном индивидуальное крестьянское хозяйство.

Конечно, этот переход к новому этапу связан был с величайшими трудностями. Эти трудности кое-кого испугали, часть членов нашей партии качнулась вправо, в поисках более легкого пути. Правые пытались изобразить путь Ленина как путь, неизбежно ведущий к смягче-

нию классовой борьбы, требующий смягчения класовой борьбы. Правые изображали учение Ленина как учение, замалчивающее, что десятки миллионов мелко-товарных крестьянских хозяйств составляют почву, на которой ежедневно и ежечасно вырастают новые капиталисты и капиталистики, с которыми неизбежна беспощадная борьба. Ведь уже после того, как в основном были выкорчеваны классы помещиков и капиталистов, осенью 1921 года Ленин в речи на II Всероссийском с'езде политпросветов говорил, что вся теперешняя борьба сводится к вопросу: «Кто победит, кто скорее воспользуется: капиталист, которого мы уже пускаем в дверь, или даже в несколько дверей и во много таких дверей, которых мы сами не знаем и которые открываются помимо нас и против нас, или пролетарская государственная власть». (Ленин, том XVIII, ч. I, стр. 374).

С этим капиталистом, который проникал в первые годы нэпа «в дверь, или даже в несколько дверей», в щели и поры хозяйственной жизни, мы ведем борьбу, которая подводит нас вплотную к полному вытеснению частного капитала не только из промышленности, но и торговли. Однако, до тех пор, покуда существует мелко-товарное хозяйство, остается почва, на которой снова и снова будет вырастать кулак, этот капиталист, эксплоатирующий труд крестьянской бедноты, труд батрака, эксплоатирующий рабочего путем спекулятивных цен на сельскохозяйственные продукты, эксплоатирующий кустаря. Чем больше вытесняется частник из области торговли и промышленности, тем более цепко пытается удержаться кулак на территории, все более и более суживающейся под напором наступающего социализма. Поэтому понятны вопли кулака и тех прослоек, на которые кулак имеет еще влияние, о непосильных темпах индустриализации, об опасности форсирования коллективизации деревни, о необходимости сократить программу крупного машиностроения для большего развития легкой индустрии. Но ленинский путь — испытанный путь и новый этап этого пути еще больше подтверждает его правильность. Огромный рост индустриализации, гигантский размах машиностроения, в особенности тракторостроения, дает рабочему классу новые крепкие опорные пункты, усиливающие его ведущую роль. Это уже не тот рабочий, который в годы разрухи, в годы военного коммунизма, сражаясь полураздетый, полуразутый, полуголодный на фронте, должен был в тылу, в самой нищенской обстановке чинить негодные паровозы, который делал зажигалки и сковородки, чтобы питаться, — это рабочий, который строит гигантские Днепрострои и Тракторострои, это рабочий, который организует уже сегодня сотни машинно-тракторных станций, который посылает 25 тысяч передовых организаторов-бригадиров для того, чтобы двинуть вперед дело социалистической организации коллективного хозяйства, это рабочий, который от коммунистических субботников, направленных к восстановлению разрушенного хозяйства, перешел к ударным бригадам, ударным цехам и ударным предприятиям социалистической фабрики, гигантов-заводов, который

вызвал на социалистическое соревнование деревню, который свой энтузиазм передал миллионам трудовых масс деревни.

Ленин видел этот путь, когда развертывал план электрификации и крупного машиностроения, когда он предсказывал гигантское ускорение всего нашего движения на пути к социализму, если нам удастся сомкнуться с широкой массой крестьянства, когда он говорил о смычке нашей социалистической промышленности с крестьянским хозяйством.

Упорно, настойчиво партия шла по этому пути, несмотря на все трудности, которые она встречала. Троцкисты упрекали партию за ее медлительность, когда нужно было терпеливо работать над укреплением этих связей рабочего класса с основной массой крестьянства; они не прочь были «временно» поссориться с середняком, подвергая тем самым риску самый союз рабочего класса с крестьянством. Партия Ленина доказала, что и эта «новая» оппозиция по сути дела является лишь отголоском мелкобуржуазных настроений мелкобуржуазных прослоек. На крики о термидоре, о сползании с пролетарской линии она ответила усилением социалистического строительства, усилением наступления на кулака, ведя одновременно борьбу как против правых оппортунистов, так и против левых фразеров и всех, кто проповедывал примиренческую позицию по отношению к правым и по отношению к троцкистам.

И это надо особенно подчеркнуть, что успехи партии на ленинском пути достигнуты именно благодаря этой идеологической непримиримой борьбе против уклонов от ленинской линии. Именно благодаря этой непримиримой борьбе основные кадры оппозиции и «слева» и справа должны были признать свою неправоту, свои ошибки, а те, кто этих ошибок не признает, те, кто вздумал бы продолжать борьбу против ленинской линии, против линии ВКП(б), безжалостно будут отброшены партией, отброшены от политической жизни рабочим классом.

Глубочайшие изменения произошли во всей народно-хозяйственной жизни за эти шесть лет. Десятилетний план электрификации, намеченный при жизни Ленина, выполнен почти полностью. К десятилетию со времени утверждения этого плана он будет значительно превзойден. Вырастают гигантские зерновые фабрики, являющиеся вместе с машинно-тракторными станциями опорными пунктами социалистической переделки крестьянского хозяйства, агитирующие показом, примером, производящие революцию в сельском хозяйстве. Пролетариат имеет гораздо более прочную основу для переустройства всего народного хозяйства на социалистических началах. Нет такой области этого хозяйства, где бы пролетариат не переходил ко все более и более плановому вмешательству, плановому руководству. Необходимо в особенности помнить, что ленинский путь это есть путь, когда рабочие сохраняют свое руководство над крестьянством, когда они завоевывают

доверие крестьян по отношению к себе, когда пролетариат достигает полного осуществления руководства всеми трудящимися эксплоатируемыми. К этому моменту мы подходим вплотную, ибо только теперь и создается почва, на которой пролетариат может руководить в самом доподлинном смысле социалистической переделкой крестьянского хозяйства, когда он может направить творческую энергию трудовых крестьянских масс по ленинскому пути в русло коллективистического кооперативного строительства, когда он может отразить силами этих масс всякие попытки кулачества помешать строительству социализма.

Само собой разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что нынешний этап этого строительства означает обострение классовой борьбы внутри СССР. Однако, это обострение происходит в такой обстановке, когда все шансы победы на стороне пролетариата в союзе с переходящими на рельсы коллективизма трудовыми массами крестьянства. Здесь всякие колебания, всякая уступчивость остаткам капиталистических слоев могли бы привести только к болезненной затяжке этой борьбы. Партия Ленина считает, что в пределах ближайшего 1930/31 года может быть решена задача коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств, завершена сплошная коллективизация таких важнейших зерновых районов как Нижняя Волга, Средняя Волга, Северный Кавказ, что не позже весны 1932 года может быть в основном закончена коллективизация остальных зерновых районов. Проведение этого плана, составляющего часть ленинского плана социалистического переустройства, потребует от всей партии, от всего рабочего класса, от передовых крестьян, бедняков, батраков гигантского напряжения, преодоления больших трудностей. Но это единственно правильный путь к социализму. Вряд ли кто-нибудь теперь найдет серьезную поддержку среди трудящихся в своих призывах их на иной путь. Даже наши враги в странах капитализма вынуждены признать громадное значение этих успехов, гигантские последствия этих наших побед. И именно поэтому так ожесточенно борются против этого плана все наши классовые враги—кулаки, нэпманы, попы, специалисты-вредители, все обломки прежних господствующих классов, все остатки паразитов внутри СССР и их вдохновители за границей, ибо они знают: выполнение этого плана вколачивает осиновый кол в могилу капитализма не только в нашей стране. Гигантские успехи дела Ленина в СССР все больше и больше вдохновляют на борьбу рабочих капиталистических стран, трудовые массы колоний и полуколоний.

План Ленина, воплощенный в пятилетку, становится орудием борьбы за социализм, за коммунизм во всех капиталистических странах. При том обострении классовой борьбы, которое мы наблюдаем всюду, при тех обострениях социальных противоречий, какие мы видим в капиталистических

странах, знамя Ленина становится все больше и больше знаменем десятков миллионов рабочих, сотен миллионов угнетенных во всех странах. Если коммунистам-ленинцам в СССР удалось, несмотря на неслыханные трудности достигнуть беспримерных темпов в деле расцвета социалистической промышленности и социалистического земледелия, то капиталистический мир переживает в шестую годовщину смерти Ленина острые социально-экономические потрясения, чреватые новыми войнами и революциями.

Снова в бою рабочие капиталистических стран, рабочие и крестьяне Китая, Индии. Снова классовые бои разгораются в странах, где фашизм, казалось, придушил революционную волю и энергию рабочего класса как в Италии, Румынии, Болгарии. Как никогда происходит большевизация компартий. Теоретические споры о стабилизации капитализма разрушаются быстро в свете переживаемого этими странами кризиса. Влияние учения Ленина на широкие массы трудящихся во всех странах усилилось, как никогда. Оно усилилось благодаря тому, что ленинизм получил такую глубокую проверку. Трудящиеся массы все больше убеждаются в том, что нет иного пути, кроме ленинского, для разрешения тех глубоких противоречий, какие порождает ежедневно, ежечасно капитализм. Иного выхода, как в социалистической революции, иного выхода, как на пути, указанном Марксом-Лениным, нет. Все видят, как на этом пути страна, самая отсталая, нищенская, некультурная, страна, разоренная войной — империалистической и гражданской — достигает светлых вершин социализма.

Она тем успешнее и быстрее достигнет этих вершин, чем последовательней и тверже партия Ленина будет с ленинской непримиримостью отстаивать принципиальные путеводные линии, которые в основном были намечены при жизни Ленина. Партия Ленина отстояла этот путь. Она беспощадно боролась и будет бороться со всеми уклонами от этого ленинского пути.

И. Сталин.

О правых фракционерах в американской компартии.

1. Речь в американской комиссии президиума ИККИ.

(*6 мая 1929 г.*)[1].

Товарищи, так как здесь речей сказано немало и политическая позиция обеих групп компартии Соединенных Штатов Америки выяснена в достаточной мере, то я не буду долго распространяться. Я не буду касаться политической позиции руководителей большинства и меньшинства. Не буду касаться, так как обе группы, как это выяснено здесь в ходе прений, допускают основную ошибку насчет преувеличения специфических черт американского капитализма. Вы знаете, что это преувеличение является базой всех и всяких оппортунистических ошибок, как группы большинства, так и группы меньшинства. Было бы неправильно не учитывать специфических особенностей американского капитализма. Компартия должна их учитывать в своей работе. Но было бы еще более неправильно базировать деятельность компартии на этих специфических чертах, ибо основой деятельности всякой компартии, в том числе и американской, на которой она должна базироваться, являются общие черты капитализма, одинаковые в основном для всех стран, а не специфические его черты в данной стране. На этом и зиждется интернационализм компартий. Специфические черты являются лишь дополнением к общим чертам. Ошибка обеих групп состоит в том, что они преувеличивают значение специфических черт американского капитализма и забывают, тем самым, об основных чертах американского капитализма, присущих всему мировому капитализму. Вот почему, когда руководители большинства и меньшинства обвиняют друг друга в наличии элементов правого уклона, то в этом, несомненно, имеется доля правды. Нельзя отрицать, что американская действительность представляет благоприятную среду для того, чтобы компартия могла впасть в заблуждение и преувеличить силу и прочность американского капитализма. Она, эта обстановка, и толкает наших товарищей из Америки, как из большинства, так и из меньшинства, на ошибки типа правого уклона. Эта обстановка и является источником того, что то одна, то другая часть компартии Америки не замечает в той или иной мере реформизма в Америке, недооценивает полевение рабочего класса и вообще склонна рассматривать

[1]) Публикуется впервые.

американский капитализм как нечто, стоящее вне и над мировым капитализмом. В этом основа принципиальной невыдержанности как одной, так и другой части американской компартии.

После этих общих замечаний перейдем к практически-политическим вопросам.

В чем состоят основные недостатки в практике руководителей большинства и меньшинства?

В том, во-первых, что они, и прежде всего руководители большинства, в своей повседневной работе руководствуются соображениями беспринципной фракционности и интересы своей фракции ставят выше интересов партии.

В том, во-вторых, что обе группы, особенно же группа большинства, до того заражены фракционной болезнью, что в основу своих отношений к Коминтерну ставят не принцип доверия, а политику гнилой дипломатии, политику дипломатической игры.

Возьмем несколько примеров. Я беру такой простой факт, как спекуляция на разногласиях в ВКП, практикуемая как руководителями большинства, так и руководителями меньшинства. Вы знаете, что как одна, так и другая часть компартии Америки вперебежку друг с другом, перегоняя друг друга, как на скачках, усиленно стараются спекулировать существующими и несуществующими разногласиями в ВКП. Для чего они это делают? Может быть, этого требуют интересы партии в Америке? Нет. Конечно, нет! Они делают это для того, чтобы доставить выгоду своей фракции и нанести вред другой фракции. Фостер и Биттельман не видят ничего предосудительного в том, чтобы об'явить себя «сталинцами», демонстрируя этим свою верность ВКП. Но это же прямое неприличие, дорогие товарищи! Разве вам не известно, что нет и не должно быть никаких «сталинцев»? Для чего допускается это неприличие со стороны меньшинства? Для того, чтобы ущемить группу большинства, группу тов. Ловстона, для того, чтобы показать, что группа Ловстона против ВКП и, стало быть, против основного ядра Коминтерна. Это, конечно, неверно и несерьезно. Но меньшинству нет дела до этого, — главная цель его состоит в том, чтобы ущемить, дискредитировать большинство в интересах фракции меньшинства.

А как поступает, в связи с этим, группа Ловстона? Может быть, она ведет себя приличнее, чем группа меньшинства? К сожалению, нет. К сожалению, она ведет себя еще более неприлично, чем группа меньшинства. Судите сами. Группа Фостера демонстрирует свою близость к ВКП, об'являя себя «сталинцами». Ловстон видит, что от этого кое-что теряет его собственная фракция. Поэтому, чтобы не остаться в долгу, она, группа Ловстона, делает вдруг «головокружительный» скачок и проводит на с'езде американской компартии решение о снятии тов. Бухарина с Коминтерна. Получается игра вперегонки по принципу: кто кого перещеголяет. Вместо принципиальной борьбы получается, таким образом, беспринципнейшая спекуляция на разногласиях в ВКП.

Вот вам результаты политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии.

Другой пример. Я имею в виду дело тов. Пеппера. С историей этого дела вы все более или менее знакомы. Коминтерн требовал дважды отзыва тов. Пеппера в Москву. ЦК американской компартии сопротивлялся и по сути дела нарушил ряд постановлений ИККИ насчет Пеппера. Большинство американской компартии тем самым демонстрировало свою близость к Пепперу, оппортунистические колебания которого известны всем. Наконец, приезжает делегация ИККИ на с'езд компартии Америки, требуя вновь от имени ИККИ немедленного отзыва тов. Пеппера. Большинство во главе с Ловстоном и Гитлоу вновь сопротивляется, не считая нужным провести в жизнь решение ИККИ. Группа Фостера использует это дело против группы Ловстона, утверждая, что большинство американской компартии идет против Коминтерна. Группа Ловстона смекает, наконец, что она может проиграть на этом, с точки зрения интересов своей фракции, если она окажется в оппозиции к Коминтерну, поэтому группа Ловстона делает еще один «головокружительный» скачок и исключает из партии т. Пеппера, того самого Пеппера, которого вчера еще отстаивала она против КИ. Опять борьба наперегонки, — кто кого переплюнет. Чем об'ясняется, что большинство сопротивлялось и не проводило решения Коминтерна насчет Пеппера? Конечно, не интересами партии. Об'ясняется это исключительно интересами фракции большинства. Чем об'ясняется, что большинство вдруг перевернулось и неожиданно исключило из партии Пеппера? Может быть, интересами партии? Конечно, нет. Об'ясняется это лишь интересами фракции Ловстона, не желавшей дать лишний козырь своему противнику в лице фракционной группы Фостера и Биттельмана. Интересы фракции превыше всего!

Группа Фостера желает демонстрировать свою верность ВКП и об'являет себя «сталинцами»? Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше группы Фостера и потребуем снятия тов. Бухарина с Коминтерна. Пусть попробуют догнать нас фостеровцы! Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже!

Группа Фостера желает демонстрировать свою близость к Коминтерну и добивается исполнения решения Коминтерна насчет отзыва Пеппера? Очень хорошо. Мы, ловстоновцы, пойдем дальше и исключим т. Пеппера из партии. Пусть-ка попробуют догнать нас фостеровцы. Пусть знают там, в Москве, как мы, американцы, умеем играть на бирже.

Вот вам плоды фракционности большинства и меньшинства.

Но, товарищи, Коминтерн ведь не биржа. Коминтерн есть святая святых рабочего класса. Нельзя поэтому смешивать Коминтерн с биржей. Либо мы — ленинцы и наши отношения друг к другу, также как и отношения секций к Коминтерну и обратно, должны строиться на взаимном доверии, должны быть чисты и прозрачны, как кристалл, — и тогда не должно быть места в наших рядах гнилой дипломатической игре. Либо мы — не ленинцы, — и тогда гнилая дипломатия и беспринципная фракционная борьба получают в наших отношениях полный простор. Одно из двух. Тут надо выбирать товарищи.

Для характеристики того, как чистые коммунистические нравы извращаются и покрываются грязью в ходе фракционной борьбы, можно было бы еще сослаться на такой факт, как, скажем, моя беседа с тт. Фостером и Ловстоном. Я говорю о беседе, имевшей место во время VI конгресса. Характерно, что в переписке со своими друзьями тов. Фостер изображает эту беседу как нечто таинственное, о чем не следует говорить вслух. Характерно также, что тов. Ловстон, пред'являя обвинительный акт тов. Фостеру, в связи с этой беседой, ссылается на свою беседу со мной и хвастает здесь, что он, тов. Ловстон, не в пример Фостеру, умеет держать тайну и ни в коем случае не согласен разглашать содержание его беседы со мной. Откуда эта мистика и для чего она нужна, дорогие товарищи? Что же таинственного могло быть в моей беседе с тт. Фостером и Ловстоном? Слушая этих товарищей, можно подумать, что я говорил с ними о вещах, о которых здесь стыдно рассказывать. Но это же нелепо, товарищи. И для чего эта игра в мистику? Разве трудно понять, что мне нечего скрывать от товарищей? Разве трудно понять, что я всегда готов в любой момент рассказать товарищам с начала и до конца о содержании моей беседы с Фостером и Ловстоном? Что станется тогда с пресловутой мистикой, усердно распространяемой здесь Фостером и Ловстоном?

О чем говорил со мной тов. Фостер? Он жаловался на фракционность и беспринципность группы тов. Ловстона. Что я ему ответил? Я признал наличие этих грехов за группой тов. Ловстона, но там же добавил, что эти же грехи присущи и группе тов. Фостера. Тов. Фостер делает на этом основании странный вывод о том, что я сочувствую группе меньшинства. Спрашивается — на каком основании? Где те основания, в силу которых Фостеру угодно думать, что я не вижу недостатков группы меньшинства и даже сочувствую этой группе? Разве не ясно, что *желаемое* представляется тов. Фостеру как *действительное*?

О чем говорил со мной т. Ловстон? О негодности группы т. Фостера и Биттельмана. Что же я ему ответил на это? Я ему ответил, что обе группы страдают существенными недостатками и посоветовал ему принять меры к ликвидации фракционности. Вот и все.

Что же тут таинственного, о чем будто бы не следует говорить вслух? Не странно ли, что из этих простых и ясных фактов товарищи из группы большинства и меньшинства делают тайну, могущую вызвать лишь смех у серьезных людей? Не ясно ли, что этой мистификации не было бы здесь, если бы мы не имели фракционной атмосферы, отравляющей жизнь компартии Америки и грязнещей простые и чистые коммунистические нравы?

Или, например, взять другой факт. Я говорю о беседе с тов. Ловстоном, имевшей место *на-днях*. Характерно, что тов. Ловстон и об этой моей беседе с ним распространяет нелепые слухи, делая из нее тайну. Какое-то непонятное для меня пристрастие к «таинственному»... О чем он говорил на-днях со мной? О том, чтобы президиум ИККИ отменил решение об его отзыве из Америки. О том, что он, Ловстон, берется проводить в жизнь предполагаемое решение президиума ИККИ, если оно не будет заострено

против руководителей большинства компартии Америки. О том, что он обещается быть верным солдатом Коминтерна и показать это на деле, если Коминтерн даст ему соответствующее поручение. О том, что он не добивается никаких высоких постов в американской компартии, что он просит только о том, чтобы его испытали и дали ему, тов. Ловстону, показать свою верность Коминтерну. Что же я ему ответил на это? Я ответил, что опыты с проверкой верности тов. Ловстона Коминтерну проделываются вот уже три года, но из этого ничего хорошего не получилось. Я ответил, что выгоднее будет, и для компартии Америки, и для Коминтерна, оставить на время тт. Ловстона и Биттельмана в Москве. Я ответил, что такой способ действий со стороны Коминтерна является одним из вернейших средств излечить компартию Америки от фракционности и спасти ее от разложения. Я ответил, что, несмотря на такое мое мнение, я согласен передать предложение тов. Ловстона на рассмотрение русских товарищей и обязуюсь сообщить ему мнение русских товарищей.

Кажется, ясно. А между тем, тов. Ловстон вновь пытается сделать из этих ясных вещей тайну, распространяя всякие нелепые слухи о беседе с ним.

Ясно, что этой мистификации не было бы и простые вещи не превращались бы в таинственные легенды, если бы не было политики, ставящей интересы фракции выше интересов партии, интересы дипломатической игры выше интересов Коминтерна.

Чтобы ликвидировать все эти безобразия и поставить американскую компартию на рельсы ленинской политики, надо, прежде всего, покончить с фракционностью в этой партии.

Вот к какому выводу приводят изложенные выше факты.

Где выход?

Тов. Фостер наметил один из выходов. Из его предложения выходит, что нужно передать руководство меньшинству. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя принять. Делегация ИККИ допустила ошибку, когда она, резко отмежевавшись от большинства, не отмежевалась вместе с тем столь же резко и от меньшинства. Было бы печально, если бы комиссия президиума повторила эту ошибку делегации ИККИ. Я думаю, что комиссия президиума ИККИ должна отмежеваться в своем проекте как от ошибок большинства, так и от ошибок меньшинства. И именно потому, что она должна отмежеваться и от тех и от других, она не может предлагать передачу руководства меньшинству. Следовательно, предложение тов. Фостера со всеми вытекающими из него последствиями отпадает само собой.

Американская делегация предложила другой выход, прямо противоположный предложению тов. Фостера. Предложение американской делегации, как известно, состоит из десяти пунктов. Содержание этого предложения сводится к тому, чтобы полностью реабилитировать руководителей большинства, признать фракционную работу большинства правильной, отменить постановление президиума ИККИ об отзыве тов. Ловстона и подтвердить, таким образом, практику удушения меньшинства. Можно ли принять этот выход? Нет, нельзя. Нельзя, так как такой выход означал бы не ликвидацию фракционности, а возведение ее в принцип.

Где же выход?

Выход в следующем:

1) нужно одобрить в основном деятельность и предложения делегации ИККИ, исключив из этих предложений те пункты, которые приближаются к предложениям тов. Фостера;

2) надо послать от имени ИККИ открытое письмо к членам американской компартии с изложением ошибок обеих частей партии и с заострением вопроса на том, чтобы ликвидировать корни всякой фракционности;

3) нужно осудить деятельность руководителей большинства на с'езде компартии Америки и, в частности, по вопросу о Пеппере;

4) нужно ликвидировать нынешнее положение компартии Америки, когда вопросы положительной работы, вопросы борьбы рабочего класса с классом капиталистов, вопросы о зарплате, о рабочем дне, о работе в профсоюзах, о борьбе с реформизмом, о борьбе с правым уклоном, — когда все эти вопросы остаются в тени и подменяются ничтожными вопросами фракционной борьбы между группой Ловстона и группой Фостера;

5) нужно обновить секретариат ЦК американской компартии и включить туда таких работников, которые способны, кроме борьбы фракционной, признавать еще борьбу класса рабочих с классом капиталистов, которые способны интересы партии и ее единства ставить выше интересов отдельных групп и их лидеров;

6) нужно отозвать тт. Ловстона и Биттельмана в распоряжение Коминтерна для того, чтобы работники компартии Америки поняли, наконец, что Коминтерн берется вести борьбу против фракционности со всей серьезностью.

Таков, по-моему, выход.

Два слова о задачах и миссии американской компартии. Я думаю, товарищи, что американская компартия является одной из тех немногих компартий в мире, на которую возложила история решающего характера задачи с точки зрения мирового революционного движения. Сила и мощь американского капитализма вам хорошо известны. Многим кажется теперь, что общий кризис мирового капитализма не коснется Америки. Это, конечно, неверно. Совершенно неверно, товарищи. Кризис мирового капитализма развивается усиленным темпом и он не может не коснуться американского капитализма. 3 миллиона безработных, имеющихся теперь в Америке, — это первая ласточка, говорящая о том, что кризис назревает и в Америке. Обострение антагонизма между Америкой и Англией, борьба за рынки и сырье, наконец, колоссальный рост вооружений, — вот вам второй признак, говорящий о надвигающемся кризисе. Я думаю, что не далек тот момент, когда революционный кризис развернется в Америке. И когда революционный кризис развернется в Америке, это будет началом конца всего мирового капитализма. Необходимо, чтобы американская компартия была способна во всеоружии встретить этот исторический момент и возглавить грядущие классовые бои в Америке. К этому надо готовиться, товарищи, всеми силами, всеми средствами. Для этого надо улучшать и большевизировать американскую компартию. Для этого надо работать над ликвидацией всякой фракционности и

всяких уклонов в этой партии. Для этого надо работать над воссозданием единства компартии Америки. Для этого надо работать над выковкой действительно революционных кадров и действительно революционных руководителей пролетариата, способных вести многомиллионный американский рабочий класс к классовым революционным боям. Для этого надо отбросить все и всякие личные моменты и фракционные соображения, поставив во главу угла революционное воспитание рабочего класса Америки.

Вот почему я думаю, что нужно отнестись, товарищи, со всей серьезностью к тем предложениям комиссии президиума ИККИ, которые вносятся сюда на ваше усмотрение, ибо они, эти предложения, направлены на то, чтобы оздоровить компартию Америки, уничтожить там фракционность, создать единство, укрепить партию и обольшевизировать ее.

2. Первая речь в президиуме ИККИ по американскому вопросу.

(14 мая 1929 г.) [1].

Товарищи, мы стоим сейчас перед исключительным фактом, на который следовало бы обратить серьезнейшее внимание. Вот уже месяц, как американская делегация приехала в Москву. Проходит месяц, как мы занимаемся с нею, обсуждаем наболевшие вопросы американской компартии и намечаем пути выхода из создавшегося положения. Каждый член делегации имел возможность использовать свое право высказаться и критиковать не согласных с ним товарищей. Вы знаете, что это их право было ими использовано здесь полностью, без каких бы то ни было препятствий со стороны ИККИ. Вы знаете, что тов. Ловстон требовал, чтобы обязательно высказались русские товарищи. Вы знаете, что русские товарищи уже высказались по существу вопроса. Стало быть, комиссия выполнила все условия, необходимые для того, чтобы найти выход и довести дело до конца.

И что же? Вместо вдумчивого отношения к делу и готовности ликвидировать, наконец, фракционность, мы имеем новый взрыв фракционности среди членов американской делегации, новые попытки сорвать дело единства американской компартии. Несколько дней назад у нас не было еще проекта решения Коминтерна по американскому вопросу. У нас была тогда лишь наметка общих основ решения вопроса, наметка, рассчитанная на ликвидацию фракционности. И вот, вместо того, чтобы дождаться момента появления проекта решения, американская делегация без лишних слов разразилась декларацией от 9 мая, декларацией архифракционной, декларацией антипартийной. Вы знаете, до чего враждебно встретили эту декларацию члены комиссии президиума ИККИ. Вы знаете, что комиссия не оставила камня на камне от этой декларации. Можно было подумать, что американская делегация одумается и исправит свои ошибки. На деле, однако, получилось нечто прямо противоположное. Стоило появиться проекту предложения комиссии, розданному теперь всем членам президиума ИККИ и американской делегации, чтобы

[1]) Публикуется впервые.

американская делегация разразилась новой декларацией от 14 мая, декларацией еще более фракционной и антипартийной, чем декларация от 9 мая. Она, эта декларация, вам известна, конечно. Ее зачитал здесь в своей речи тов. Гитлоу. Основная черта этой декларации состоит в том, что она провозглашает тезис неподчинения решениям президиума ИККИ. Это значит, что крайняя фракционность руководителей большинства толкнула их на путь неподчинения, стало быть, — на путь борьбы с Коминтерном.

Нельзя отрицать, что товарищи американцы, как и все коммунисты, имеют полное право не соглашаться с проектом решения комиссии, имеют право бороться с ним. И пока они ограничиваются использованием этого своего права, в этом нет и не может быть ничего плохого. Но беда состоит в том, что декларация от 14 мая на этом не останавливается. Она идет дальше и считает, что борьба должна быть продолжена и после того, когда проект станет решением президиума ИККИ. Поэтому мы должны членам американской делегации поставить ребром вопрос: считают ли они для себя допустимым после того, как проект примет силу обязательного решения Коминтерна, не подчиняться этому решению? Мы вели прения в комиссии в продолжение целого месяца, мы имели ряд дискуссий, мы потратили на это дело уйму времени, при чем время это могло быть потрачено на более полезные вещи, мы пришли, наконец, к тому, что период дискуссии исчерпан и стоим накануне принятия решения, которое должно быть обязательным для всех членов Коминтерна. И вот вопрос: считают ли члены американской делегации, как коммунисты, как ленинцы, допустимым неподчинение решению президиума ИККИ по американскому вопросу?

В этом теперь все дело, товарищи.

Позвольте теперь перейти к разбору самой декларации по существу.

Она, эта декларация от 14 мая, составлена довольно хитро. Я не сомневаюсь, что эту декларацию писал какой-нибудь хитроумный юрист, какой-нибудь адвокат-крючкотворец. Судите сами. С одной стороны, в декларации говорится о полной лойяльности в отношении Коминтерна, о нерушимой верности авторов декларации Коммунистическому Интернационалу не только в прошлом и не только в настоящем, но и в будущем, Это, конечно, хорошо, если это не есть пустое обещание. С другой стороны, в декларации говорится, что авторы ее не могут взять на себя ответственности за проведение в жизнь решения президиума Исполкома Коминтерна. Там прямо сказано:

> «Есть весьма веские причины, в силу которых мы не можем принять этот новый проект письма и взять на себя ответственность за выполнение этого письма перед членскими массами, одобрить тот неминуемый, непоправимый вред, который не сможет не принести нашей партии принятие этого нового проекта».

Не угодно ли: с одной стороны—полная лойяльность, с другой стороны—отказ проводить в жизнь решение Коминтерна. И все это называется верностью Коминтерну! Вот это действительно адвокатское крючкотворство! Разве можно представить, чтобы коммунист, не бумажный, а настоящий

коммунист, говорил о лойяльности к Коминтерну и, вместе с тем, отказывался брать на себя ответственность за проведение в жизнь решений Коминтерна? Какая же это лойяльность, дорогие товарищи? Что же называется тогда нелойяльностью? Для чего понадобилась эта фальшь, это фарисейство? Не ясно ли, что громкие слова о лойяльности и верности Коминтерну понадобились тов. Ловстону для того, чтобы обмануть «членские массы»?

Невольно вспоминаешь незабвенного Чемберлена, который, с одной стороны, стоит за мир, за сокращение вооружений, а, с другой стороны, принимает все меры к тому, чтобы вооружения росли и подготовка войны шла полным ходом. Чемберлену нужна шумиха о мире для того, чтобы прикрыть ею подготовку к новой войне. Тов. Ловстону нужны громкие фразы о лойяльности и верности Коминтерну для того, чтобы прикрыть ими подготовку борьбы против решений Коминтерна. Тов. Ловстон, конечно, не Чемберлен. Здесь нет и не может быть между ними никакой аналогии. Но тот факт, что его «маневры» напоминают «маневры» Чемберлена, это должно служить ему достаточным предостережением.

Но декларация на этом не останавливается. Она идет дальше и, переходя от обороны к нападению, провозглашает необходимость борьбы с решениями президиума Исполкома Коминтерна, как с решениями, идущими будто бы в разрез с линией VI конгресса КИ. Она прямо говорит, что проект решения, проект открытого письма Коминтерна, который встречает здесь, в президиуме, всеобщее одобрение и который по всем данным будет одобрен президиумом ИККИ, — она прямо говорит, что этот проект «противоречит букве и духу линии VI конгресса КИ». Декларация прямо говорит, что «проект дает работе нашей партии (т.-е. компартии Америки) и ее руководству такую оценку, которая идет по важнейшим вопросам в разрез с линией и решениями VI всемирного конгресса».

Я не буду доказывать, что эти утверждения декларации являются мелкой и недостойной клеветой на Коминтерн и его исполнительные органы. Не стоит также доказывать, что не кто иной, как нынешние руководители большинства компартии Америки нарушали и нарушают основные постановления конгрессов Коминтерна и его исполнительных органов по вопросу о ликвидации фракционности в американской компартии. Тов. Куусинен вполне доказал в своей речи, что обе фракции американской компартии, особенно же фракция большинства, систематически нарушали основные решения конгрессов Коминтерна о ликвидации фракционности и восстановлении единства, начиная с 1925 года. Стоит познакомиться с резолюциями конгрессов Коминтерна, чтобы убедиться в том, что в лице руководителей нынешнего большинства мы имеем неисправимых нарушителей духа и буквы решений Коминтерна.

Что касается VI конгресса Коминтерна, то он прямо говорит в своем решении об американской компартии, что «важнейшая задача партии состоит в том, чтобы положить конец фракционной борьбе, которая не опирается на сколько бы то ни было серьезные принципиальные разногласия». Что сделано группой тов. Ловстона для того, чтобы провести в жизнь это решение

VI конгресса? Вы сами видите, товарищи, что ею ничего для этого не сделано пока что. Но зато ею сделано и делается все для того, чтобы превратить это решение VI конгресса в пустую бумажку.

Таковы факты.

И если, несмотря на все эти факты, декларация все же обвиняет президиум ИККИ в нарушении «духа и буквы линии VI конгресса», то что это значит? Это значит, что авторы декларации хотят противопоставить решениям президиума ИККИ линию VI конгресса, которую сами же они нарушали и продолжают нарушать. А для чего они это делают? Для того, чтобы, фарисейски прикрывшись флагом VI конгресса, повести борьбу с решениями президиума ИККИ. Поступая так, авторы декларации как бы говорят: мы, группа Ловстона, за VI конгресс, но проект открытого письма президиума ИККИ противоречит линии VI конгресса, поэтому мы должны и будем бороться с решениями президиума ИККИ.

Авторы декларации думают, должно быть, что они этим фальшивым «маневром» делают что-то новое и что мы не расшифруем внутреннего смысла их «маневров». Но это неверно, товарищи. Они ошибаются в своих расчетах. История Коминтерна говорит, что товарищи, отходившие от Коминтерна, начинали дело всегда с таких именно «маневров». Когда Зиновьев отходил от Коминтерна, он начинал свое дело с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома Коминтерна. И он это делал для того, чтобы прикрыть свою борьбу против Исполкома Коминтерна разговорами о линии Коминтерна. То же самое было с Троцким, который начинал свой отход от Коминтерна с противопоставления линии Коминтерна решениям Исполкома и президиума Исполкома Коминтерна. Это есть старая проторенная дорога оппортунизма, которая также стара, как мир. Печально, что авторов декларации потянуло на эту именно дорогу.

Противопоставляя Коминтерн Исполкому Коминтерна, авторы декларации думают, так же, как думали раньше Зиновьев и Троцкий, — отделить Исполком Коминтерна от Коминтерна. Смешная и глупая надежда! Авторы декларации забывают, очевидно, что истолкователем решений конгрессов Коминтерна является лишь Исполком и его президиум, а не они. Авторы декларации ошибаются, если они думают, что их комментариям американские рабочие поверят больше, чем комментариям президиума Исполкома Коминтерна.

Такова сущность декларации американской делегации.

Декларация американской делегации есть, таким образом, платформа борьбы с линией Коминтерна во имя оппортунистических шатаний, во имя беспринципной фракционности, во имя нарушения единства американской компартии.

Перейдем к проекту комиссии.

На чем строится проект комиссии, предлагаемый ныне вниманию президиума ИККИ? На идее отстаивания линии Коминтерна в рядах компартии Америки, на идее большевизации американской компартии, на идее борьбы

с уклонами от марксистской линии, и, прежде всего, с правым уклоном, на идее ленинского единства партии, наконец, и прежде всего, на идее ликвидации всякой фракционности. Ибо надо, наконец, признать, товарищи, что фракционность есть основное зло американской компартии.

В истории революционного движения рабочего класса нам, большевикам, нередко приходилось вести фракционную борьбу против оппортунизма. Это было в то время, когда большевики и меньшевики находились в одной общей партии, когда большевики были обязаны организоваться во фракции, для того, чтобы подорвать авторитет социал-демократов, организовать раскол против социал-демократии и создать свою собственную коммунистическую партию. Тогда фракционность была полезна и необходима. А теперь? Теперь—другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь мы имеем свои собственные монолитные коммунистические партии, секции Коммунистического Интернационала. Теперь фракционность опасна и вредна, ибо она ослабляет коммунизм, ослабляет силу натиска коммунизма против реформизма, подрывает борьбу коммунизма против социал-демократизма в рабочем движении. Этой коренной разницы между прошлым и настоящим не понимают, очевидно, наши американские товарищи.

В чем состоит вред фракционности в рядах компартий?

Прежде всего в том, что фракционность ослабляет чувство партийности, притупляет революционное чутье и ослепляет деятелей партии до того, что они вынуждены в своем фракционном увлечении ставить интересы фракции выше интересов партии, выше интересов Коминтерна, выше интересов рабочего класса. Она, фракционность, нередко доводит дело до того, что деятели партии, ослепленные фракционной борьбой, склонны расценивать все факты, все события в жизни партии не с точки зрения интересов партии и рабочего класса, а с точки зрения интересов своей фракционной колокольни, с точки зрения интересов своей фракционной кухни.

Разве тов. Ловстон и его друзья не знали, что надо держаться в стороне от Пеппера, что надо отмежеваться от него для того, чтобы не компрометировать себя, как революционеров? Почему же они от него не отмежевались в свое время, несмотря на ряд предупреждений со стороны Коминтерна? Потому, что они действовали, прежде всего, как фракционеры. Потому, что для фракционной борьбы дорога каждая щепка, каждая веревка, каждый, даже плохой, солдат, каждый, даже плохой, офицер. Потому, что для фракционной борьбы могут пригодиться даже такие люди, как Пеппер. Потому, что фракционное ослепление заставляло их ставить интересы своей фракции выше интересов партии.

Разве тов. Фостер не знал, что надо держаться в стороне от скрытых троцкистов, имевшихся у него в группе? Почему же он не отмежевался от них своевременно, несмотря на ряд предупреждений? Потому, что он вел себя, прежде всего, как фракционер. Потому, что для фракционной борьбы против группы Ловстона ему могли пригодиться и скрытые троцкисты. Потому, что

фракционное ослепление притупляет у людей чувство партийности и делает их неразборчивыми в средствах. Правда, такая политика вредна и не совместима с интересами партии. Но фракционеры склонны обычно забывать об интересах партии, — они видят лишь свою собственную фракционную колокольню.

Во-вторых, в том, что фракционность мешает воспитывать партию в духе принципиальной политики, она мешает воспитывать кадры в духе честной, пролетарской, неподкупной революционности, свободной от гнилой дипломатии и беспринципного комбинаторства. Ленинизм говорит, что принципиальная политика есть единственно правильная политика. Фракционность, наоборот, думает, что фракционная дипломатия и беспринципное фракционное комбинаторство есть единственно правильная политика. Этим, собственно, и об'ясняется, что атмосфера фракционной борьбы культивирует не принципиальных политиков, а ловких фракционных гешефтмахеров, опытных жуликов и меньшевиков, умеющих обжулить «противника» и прятать концы в воду. Правда, подобная «воспитательная» работа фракционеров противоречит коренным интересам партии и рабочего класса. Но фракционерам нет дела до этого, — они признают лишь свою фракционную дипломатическую кухню и ее кухонные интересы. Неудивительно поэтому, что принципиальные политики и честные пролетарские революционеры не встречают сочувствия у фракционеров. Зато у них в большом почете фракционные ловкачи и гешефтмахеры, беспринципные комбинаторы и закулисных дел мастера по организации беспринципных блоков.

В-третьих, в том, что фракционность, ослабляя волю партии к единству и подрывая железную дисциплину партии, создает в партии такой специфический фракционный режим, при котором вся внутренняя жизнь в партии оказывается деконспирированной перед лицом классовых врагов, а сама партия становится перед опасностью быть превращенной в игрушку в руках агентов буржуазии. Происходит это, обычно, таким образом. Скажем, решается какой-либо вопрос в Политбюро ЦК. В Политбюро имеются меньшинство и большинство, рассматривающее каждое решение со своей, фракционной, точки зрения. Если в партии царит фракционный режим, то гешефтмахеры обеих фракций моментально оповещают свою периферию о таком-то решении Политбюро, пытаясь ее подготовить в свою пользу и накачать ее соответственным образом. Такой порядок оповещения повторяется обычно систематически. А повторяется он систематически потому, что каждая фракция считает своим долгом по-своему оповещать свою периферию и держать ее в мобилизационной готовности для драчки с фракционным противником. В результате важные секретные решения партии становятся достоянием улицы. А так как улица сливается с окружающей средой, то агенты буржуазии получают доступ к секретным решениям партии и облегчают себе возможность использовать данные о внутренней жизни партии против интеерсов партии. Правда, такой режим угрожает партии полной деморализацией ее рядов. Но фракционерам нет дела до этого, ибо они ставят превыше всего интересы своей группы.

Наконец, вред фракционности состоит в том, что она, фракционность, подрывает в корне всякую положительную работу в партии, отбивает у партийных работников охоту заниматься вопросами повседневных нужд рабочего класса (заработная плата, рабочий день, улучшение материального положения рабочего класса и т. д.), ослабляет работу партии по подготовке рабочего класса к классовым битвам с буржуазией и создает, таким образом, такую обстановку, при которой авторитет партии должен неминуемо падать в глазах рабочих, а рабочие, вместо того, чтобы вливаться в партию целыми отрядами, — вынуждены покидать ряды партии. Это именно и наблюдается теперь в американской компартии. Чем, главным образом, занимались последнее время фракционные руководители большинства и меньшинства? Фракционной склокой, всякими фракционными мелочами, составлением никчемных платформ и платформишек, составлением десятков и сотен поправок и поправочек к этим платформам. Недели и месяцы тратятся на то, чтобы поймать фракционного противника, изловить его, выкопать что-нибудь из личной жизни своего фракционного противника, а если нет возможности выкопать, — то сочинить какую-либо небылицу. Ясно, что в такой атмосфере положительная работа должна страдать, жизнь партии должна измельчать, авторитет партии должен падать, а рабочие, лучшие и революционно-настроенные рабочие, требующие дела, а не склоки,—должны уходить от партии.

Вот в чем выражается, в основном, вред фракционности в рядах коммунистических партий.

Поэтому, важнейшая задача американской компартии состоит в том, чтобы ликвидировать фракционность и излечить себя, наконец, от этой болезни.

На этом именно и базируется предлагаемый вашему вниманию проект комиссии.

Несколько слов о хвастливой манере группы тов. Ловстона говорить и выступать здесь от имени всей партии, от имени 99% компартии Америки. Они иначе не выступают, как от имени 99% партии. Можно подумать, что у них в кармане сидят эти 99%. Это плохая манера, товарищи из американской делегации. Напомню вам, что Зиновьев и Троцкий тоже козыряли одно время процентами, уверяя всех, что они добились или, во всяком случае, добьются 99% большинства в рядах ВКП. Вы знаете, товарищи, каким фарсом кончилось это хвастовство Троцкого и Зиновьева. Не советовал бы вам поэтому козырять процентами. Вы уверяете, что у вас имеется обеспеченное большинство в компартии Америки, что это большинство останется за вами при всяких условиях. Это неверно, товарищи из американской делегации, совершенно неверно. Вы имели большинство потому, что в вашем лице американская компартия видела до сих пор решительных сторонников Коммунистического Интернационала. И именно потому, что она видела в вашем лице друзей Коминтерна, вы имели большинство в рядах американской компартии. Но как будет обстоять дело, если американские рабочие узнают, что вы

намерены ломать единство рядов Коминтерна и думаете вести борьбу против его исполнительных органов, — вот в чем вопрос, дорогие товарищи. Думаете ли вы, что американские рабочие пойдут за вами против Коминтерна, что они предпочтут интересы вашей фракционной группы интересам Коминтерна? История Коминтерна знает целый ряд случаев, когда популярнейшие руководители, более авторитетные, чем вы, оказывались изолированными, как только они поднимали знамя борьбы против Коминтерна. Думаете ли вы, что вам повезет больше, чем этим руководителям? Плохая надежда, товарищи! Сейчас у вас есть еще формальное большинство. Но завтра не будет никакого большинства и вы окажетесь полностью изолированными, если вы попытаетесь повести борьбу против решений президиума Исполкома Коминтерна. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

О тов. Ловстоне говорят, как о талантливом руководителе, как о создателе компартии Америки. Говорят, что компартия Америки не может обойтись без тов. Ловстона, что снятие тов. Ловстона может загубить партию. Это неверно, товарищи. Более того, это не искренно. Плоха была бы партия, которая не могла бы обойтись без того или иного руководителя. Компартия Америки не так уже слаба, как думают некоторые товарищи. Во всяком случае, она много сильнее, чем ее изображают. Партия создается рабочим классом, а не отдельными руководителями. Смешно было бы утверждать обратное. К тому же тов. Ловстон не такой уж большой руководитель. Он, конечно, способный и талантливый товарищ. Но на что ушли его способности? На фракционную склоку, на фракционные комбинации. Тов. Ловстон бесспорно ловкий и талантливый фракционный гешефтмахер. В этом ему нельзя отказать. Но нельзя смешивать фракционное руководство с партийным руководством. Руководитель партии — это одно. Руководитель фракции — это нечто совершенно другое. Не всякому руководителю фракции дано быть руководителем партии. Я очень сомневаюсь, чтобы тов. Ловстон мог быть на данной стадии руководителем партии.

Так обстоит дело, товарищи.

А выход какой, спросите вы. Выход, по-моему, состоит в том, чтобы принять проект комиссии, отвергнуть декларацию американской делегации и обязать всех членов компартии Америки беспрекословно проводить решения президиума. Либо американские товарищи будут без колебаний подчиняться решениям ИККИ и будут их активно проводить, — и это будет серьезный шаг в сторону уничтожения фракционности, в сторону мира в партии. Либо они останутся при своей декларации и откажутся подчиняться решениям ИККИ. Но это будет означать не мир, а войну против Коминтерна, войну в рядах американской компартии. Мы предлагаем мир и единство. Примут наши предложения товарищи из американской делегации, — хорошо, не примут, — тем хуже для них. Коминтерн возьмет свое при всяких условиях. В этом вы можете быть уверены, дорогие товарищи.

Наконец, два слова о новых процессах большевизации секций Коминтерна, происходящих в данный момент.

Тов. Ловстон на-днях, в беседе со мной, говорил, что у него сорвалась как-то фраза насчет «раковой опухоли» в аппарате Коминтерна. Он уверял, что эта фраза у него случайная, не имеющая никакой связи с вопросом об его отношениях к Коминтерну. Я ему ответил, что если фраза сорвалась у него действительно случайно, то не стоит на нее обращать внимания, хотя фраза сама по себе безусловно неправильна и ошибочна. Однако, спустя некоторое время после этого я ознакомился с докладом тов. Ловстона на VI с'езде американской компартии, где он говорит о той же «раковой опухоли», но уже не в отношении аппарата Коминтерна, а в отношении мирового капитализма. Видимо, фраза о «раковой опухоли» не совсем случайна у тов. Ловстона. «Раковая опухоль» в отношении мирового капитализма означает, надо полагать, кризис мирового капитализма, процесс его разложения. А что должна означать в устах тов. Ловстона «раковая опухоль» в аппарате Коминтерна? Видимо тот же кризис и разложение в аппарате Коминтерна. Что же еще иное может означать эта фраза? Что могло заставить тов. Ловстона говорить о «раковой опухоли» или о кризисе в аппарате Коминтерна? Должно быть, то же самое, что заставляет правых уклонистов в рядах ВКП говорить о кризисе и разложении Коминтерна. Говоря о разложении Коминтерна, правые уклонисты обычно ссылаются на такие факты, как изгнание правых из германской компартии, разгром правых в чехо-словацкой компартии, изоляция правых во французской компартии, борьба за изоляцию неисправимых фракционеров в американской компартии и т. д. и т. п. Что же, может быть, эти факты в самом деле представляют признак серьезной болезни в Коминтерне, признак его разложения, признак «раковой опухоли» в Коминтерне? Конечно, нет, товарищи. Так могут думать лишь партийные филистеры и обыватели. На самом деле это есть благодетельный процесс очищения секций Коминтерна от правых и примиренцев, благодетельный процесс очищения Коминтерна от оппортунистических и колеблющихся элементов. Партии большевизируются и укрепляются тем, что очищают себя от скверны. Вот в чем смысл последних событий в германской, чехо-словацкой, американской, французской и других партиях. Партийным филистерам кажется все это признаком разложения Коминтерна, потому что они ничего дальше своего носа не видят. Революционные же марксисты знают, что это есть благодетельный процесс большевизации наших братских партий, что без этого благодетельного процесса невозможно подготовить партии и пролетариат к грядущим классовым битвам.

Многие думают, что в международной обстановке, за последнее время, ничего не изменилось, что все осталось по-старому. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем обострение классовой борьбы во всех капиталистических странах, рост революционного кризиса в Европе, нарастание условий нового революционного под'ема. Вчера об этом сигнализировала нам общая забастовка в Лодзи. Недавно мы имели еще сигнал в Берлине. Завтра пойдут новые сигналы во Франции, в Англии, в Чехо-Словакии, в Америке, в Индии, в Китае. Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма. Задача компартий состоит в том, чтобы начать теперь же и развить массовую

подготовительную работу к грядущим классовым битвам, чтобы готовить рабочий класс и эксплоатируемые массы к новым революционным боям. Надо усилить борьбу с реформизмом, с социал-демократизмом. Надо усилить борьбу за завоевание миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма. Надо усилить борьбу за выковку действительно революционных кадров партии и за отбор действительно революционных лидеров в партии, людей, способных итти в бой и вести за собой пролетариат, людей, которые не сдрейфят перед бурей и не будут метаться в панике, а пойдут навстречу буре. Но чтобы выполнить эти задачи, нужно теперь же, не теряя ни одной минуты, — ибо время не ждет, — заняться очищением компартий от правых и примиренческих элементов, представляющих об'ективно агентуру социал-демократии в рядах компартий. И заняться надо этим делом не в обычном темпе, а в темпе ускоренном, ибо, повторяю, время не ждет и мы не можем допустить, чтобы события застали нас врасплох. Можно было бы не спешить с этим делом года два назад, рассчитывая на то, что молекулярный процесс большевизации компартий постепенно откинет прочь правые и колеблющиеся элементы, всех этих Брандлеров и Тальгеймеров, всех и всяких фракционных гешефтмахеров и т. д. и т. п. Можно было бы не спешить, так как не было опасности опоздать. Но теперь — другое дело. Теперь медлить значит опоздать, а опоздать значит быть застигнутым врасплох грядущим революционным кризисом. Поэтому происходящий теперь процесс очищения компартий от неустойчивых элементов есть благодетельный процесс укрепления Коминтерна и его секций. Филистеры боятся этого благодетельного процесса исперепугу болтают о разложении Коминтерна, потому что они есть филистеры. Революционеры, наоборот, всегда будут приветствовать этот благодетельный процесс, потому что он есть вместе с тем составная часть того великого дела подготовки рабочего класса к грядущим классовым битвам, которое составляет теперь основную задачу компартий всего мира.

Достоинство проекта комиссии состоит, между прочим, в том, что он облегчает компартии Америки выполнение этой основной задачи.

3. Вторая речь в президиуме ИККИ по американскому вопросу.

(14 мая 1929 г.) [1].

Мне кажется, товарищи, что некоторые американские делегаты не уясняют себе того положения, которое создалось у нас теперь, после принятия президиумом проекта комиссии. Видимо, товарищи не вполне отдают себе отчет в том, что отстаивать свои убеждения, пока еще не принято решение, — это одно, а подчиниться воле Коминтерна, после того, как принято решение, — это другое. Можно и нужно было критиковать и бороться с проектом комиссии, поскольку члены делегации считают его неправильным. Но теперь, когда проект комиссии стал решением президиума, американские делегаты должны найти в себе мужество для того, чтобы подчиниться воле

[1]) Публикуется впервые.

коллектива, воле Коминтерна и взять на себя ответственность за проведение решения Коминтерна.

Нужно уметь ценить ту стойкость и то упорство, которое проявляют здесь 8 товарищей из 10 американских делегатов в своей борьбе против проекта комиссии. Но нельзя одобрить того, что эти 8 товарищей отказываются подчинить свою волю воле высшего коллектива, воле президиума ИККИ, после того как их взгляды потерпели здесь полное поражение. Настоящее мужество состоит не в том, чтобы поставить свою индивидуальную волю выше воли коллектива, выше воли Коминтерна. Настоящее мужество состоит в том, чтобы найти в себе силы, перебороть себя, преодолеть себя и подчинить свою волю воле коллектива, воле высшей партийной инстанции. Без этого нет коллектива. Без этого нет и не может быть никакого коллективного руководства.

Я думаю, что вы не будете отказывать русским большевикам в мужестве, в твердости, в умении отстаивать свои убеждения. Как поступала обычно та или иная группа русских большевиков, когда она оказывалась в меньшинстве? Не желая ломать железную дисциплину партии, меньшинство обычно подчинялось воле большинства. В истории нашей партии бывали десятки и сотни случаев, когда одна часть большевиков, будучи убеждена в том, что ЦК партии большевиков принял неправильное решение, — все же после дискуссии, после жарких споров, после отстаивания своих убеждений, об'являла о своей полной готовности подчиниться решениям высшего руководящего коллектива и проводить их в жизнь. Я мог бы сослаться хотя бы на такой факт, как случай в 1907 г., когда одна часть большевиков стояла за бойкот Думы, а большая часть большевиков за поворот в политике в пользу участия в Думе и когда меньшинство беспрекословно подчинилось воле большинства. Русские большевики погубили бы дело русской революции, если бы они не умели подчинять волю отдельных товарищей воле большинства, если бы они не умели действовать коллективно. Так воспитывались мы, русские большевики, те самые большевики, которые свергли буржуазию, установили Советскую власть и теперь потрясают основы мирового империализма. Умение действовать коллективно, готовность подчинять волю отдельных товарищей воле коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством. Потому что без такого мужества, без умения преодолеть, если хотите, свое самолюбие и подчинить свою волю воле коллектива,—без этих качеств — нет коллектива, нет коллективного руководства, нет коммунизма. И это верно не только в отношении отдельных партий и их центральных комитетов. Это особенно верно в отношении Коминтерна и его руководящих органов, об'единяющих все партии коммунистов во всем мире.

Товарищи Гитлоу и Ловстон с апломбом заявляли здесь, что их совесть, их убеждения не позволяют им подчиняться решениям президиума и проводить их в жизнь. То же самое говорила здесь и т. Влор. У них выходило так, что если они не согласны с решением президиума, то они не могут подчиняться этому решению и проводить его в жизнь. Но так могут говорить лишь

анархисты, индивидуалисты, а не большевики, а не ленинцы, которые обязаны ставить волю коллектива выше своей индивидуальной воли. Они говорят о своей совести и о своих убеждениях. Но члены президиума ИККИ тоже ведь имеют свою совесть, свои убеждения. Как быть, если совесть и убеждения президиума ИККИ сталкиваются с совестью и убеждениями отдельных членов американской делегации? Как быть, если американская делегация получила в президиуме за свою декларацию лишь один голос, голос тов. Гитлоу, а остальные члены президиума единогласно высказались против декларации американской делегации и за проект комиссии? Думаете ли вы, товарищи из американской делегации, что совесть и убеждения тов. Гитлоу стоят выше совести и убеждений подавляющего большинства президиума ИККИ? Начинаете ли вы понимать, что если каждый из нас начнет действовать по своей воле, не желая считаться с волей коллектива, то у нас никогда не будет никакого решения, никакой коллективной воли, никакого руководства?

Возьмем какую-либо фабрику или завод. Допустим, что большинство рабочих данной фабрики проявляет склонность бастовать, а меньшинство, ссылаясь на свои убеждения, высказывается против забастовки. Начинается борьба мнений, собираются митинги, в конце концов громадное большинство фабрики решает бастовать. Чтобы вы сказали о тех 10 или 20 рабочих, представляющих меньшинство фабрики, которые заявили бы, что они не могут подчиниться решению большинства рабочих, так как они не согласны с этим решением? Как бы вы их назвали, дорогие товарищи? Вы знаете, что таких рабочих обычно именуют штрейкбрехерами. Не ясно ли, что забастовки, демонстрации и другие коллективные действия масс были бы совершенно невозможны, если бы меньшинство не подчинялось большинству? Не ясно ли, что мы не имели бы никогда никакого решения и никакой коллективной воли, ни в отдельных партиях, ни в Коминтерне, если бы отдельные лица и вообще меньшинство не подчинялось воле большинства, воле высшего коллектива? Вот как оборачивается дело, товарищи из американской делегации.

Наконец, два слова о судьбах американской компартии в связи с принятием решения президиума ИККИ. Товарищи из американской делегации представляют дело слишком трагически. Они уверяют, что после принятия проекта комиссии американская компартия либо погибнет, либо, во всяком случае, окажется на краю пропасти. Это неверно, товарищи. Более того, это прямо смехотворно. Американская компартия живет и будет жить вопреки пророчествам товарищей из американской делегации. Более того, американская партия будет расти и процветать, если она изгонит из своей среды беспринципную фракционность. Значение принятого президиумом решения в том именно и состоит, что оно облегчает американской компартии ликвидировать беспринципную фракционность, установить единство в партии и выйти, наконец, на широкую дорогу массовой политической работы. Нет, товарищи, американская компартия не погибнет. Она будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса. Погибнет лишь одна маленькая фракционная группа, если она будет и впредь упорствовать, если она не будет подчиняться воле Коминтерна, если она будет и впредь настаивать на своих ошибках. Но судьбу

одной маленькой фракционной группы ни в коем случае нельзя отождествлять с судьбой американской компартии. Из того, что одна маленькая фракционная группа может погибнуть политически, вовсе не следует, что должна погибнуть американская компартия. И если этой маленькой фракционной группе суждено погибнуть, пусть гибнет на здоровье, — лишь бы здравствовала и развивалась американская компартия. Вы слишком пессимистически смотрите на дело, дорогие товарищи из американской делегации. Я смотрю на дело более оптимистически.

О. В. Куусинен.

Сталин и большевизация компартий.

Коммунистический Интернационал в последние годы, как известно, провел решительный поворот в своем политическом курсе в соответствии с наступлением нового этапа в развитии международного положения. Это изменение курса, — имевшее решающее значение для всей политики Коминтерна, — произошло под руководством т. Сталина, и в дальнейшем мы поставим себе задачей охарактеризовать процесс осуществления этого поворота, особо учитывая при этом руководящую роль т. Сталина.

Первые признаки изменения курса наметились еще в 1926 г., с одной стороны, в связи с английской всеобщей стачкой (открытое письмо ВЦСПС и тезисы ИККИ об уроках английской всеобщей стачки), с другой стороны, в связи с китайской революцией (речь т. Сталина в китайской комиссии VII пленума ИККИ 30 ноября 1926 г. и резолюция этого пленума по китайскому вопросу). С той поры наступило значительное обострение противоречий мирового империализма, в особенности противоречий между английским империализмом и СССР, так что уже на VIII пленуме ИККИ, в мае 1927 г., пришлось конкретно поставить вопрос о борьбе против опасности войны. На ряду с этим появился целый ряд предвестников нового революционного под'ема и к концу того же года—на XV с'езде ВКП(б) — тов. Сталин в своем анализе мирового положения уже был в состоянии наметить контуры начавшегося (а кой-где еще только намечающегося) нового периода, который с момента VI всемирного конгресса мы привыкли называть «третьим периодом» всеобщего кризиса послевоенного капитализма.

Этим новым анализом мирового положения собственно и было положено начало крупному повороту в ориентировке Коминтерна.

При перечислении в хронологической последовательности основных этапов, пройденных в процессе изменения курса Коминтерном, в соответствии с новым периодом, можно отметить следующие вехи:

1. Новая оценка мирового положения в отчете ЦК на XV с'езде ВКП(б) в декабре 1927 г.

2. IX пленум ИККИ в феврале 1928 г. (резолюции по английскому, французскому и китайскому вопросам, а также соглашение по германскому вопросу).

3. IV конгресс Красного Профинтерна в марте 1928 г.

4. VI всемирный конгресс Коминтерна июль — сентябрь 1928 г.

5. Борьба с правыми в германском вопросе осенью 1928 г. (ликвидация «дворцового переворота», произведенного примиренцами и правыми в ЦК партии и бунта брандлеровцев, схватки с Эмбер-Дро, Серра и Бухариным).

6. Борьба с правым уклоном в ВКП(б), в частности на апрельском пленуме ЦК и ЦКК.

7. Обсуждение вопросов американской компартии в мае 1929 г.

8. X пленум ИККИ (тезисы по вопросу о международном положении и очередных задачах Коммунистического Интернационала, тезисы об экономической борьбе и резолюция о т. Бухарине).

В дальнейшем мы не можем точно придерживаться этой хронологической последовательности во избежание излишних длиннот и повторений. Мы об'единим важнейшие моменты в две основные группы, поскольку они касаются: 1) оценки экономического и политического положения и 2) введения новой тактики в политическую практику Коммунистического Интернационала.

I. Оценка нового периода.

Отмечая в отчете ЦК на XV с'езде ВКП(б) факт достижения и превышения довоенного уровня в производстве и торговле капиталистических стран, а также технический прогресс капиталистической промышленности, т. Сталин ставит вопрос: Означает ли все это, что тем самым стабилизация капитализма стала прочной, устойчивой? И отвечает: «Конечно, нет».

«Наоборот, из самой стабилизации, из того, что производство растет, из того, что торговля растет, из того, что технический прогресс и производственные возможности возрастают, в то время как мировой рынок, переделы этого рынка и сферы влияния отдельных империалистических групп остаются более или менее стабильными,—именно из этого вырастает самый глубокий и самый острый кризис мирового капитализма, чреватый новыми войнами и угрожающий существованию какой бы то ни было стабилизации».

Одновременно с этим т. Сталин подчеркнул сугубое значение «н е р а в н о м е р н о г о развития производства и торговли мирового капитализма», — т.-е. того обстоятельства, что это развитие совершается «путем вытеснения и упадка одних стран, путем выдвижения и под'ема других стран, в порядке смертельной борьбы континентов и стран за первенство на рынке».

Вопрос, действительно ли новый период ведет к дальнейшему расшатыванию стабилизации, к усилению кризиса капитализма, который «разваливает стабилизацию», как утверждал т. Сталин, или к укреплению капиталистической стабилизации, как говорили правые, — имел решающее значение для всего Коммунистического Интернационала и фактически играл крупную роль в борьбе, которая происходила внутри Коминтерна в 1928 — 29 г.

Проект тезисов т. Б у х а р и н а к VI всемирному конгрессу «О международном положении и задачах Коммунистического Интернационала», опубликованный без предварительного просмотра его делегацией ВКП(б), не содержал прямой и ясной позиции по этому кардинальному вопросу. Но из данной в этом проекте тезисов характеристики мирового положения вытекало, что ничего нового, расшатывающего капиталистическую стабилизацию, не происходит в данный момент, что, наоборот, капитализм реконструируется и держится в основном более или менее прочно. Указывая на этот решающий дефект бухаринского проекта на апрельском пленуме ЦК в 1929 г., т. Сталин заявил:

«Ясно, что с такой характеристикой так называемого третьего периода, т.-е. того периода, который мы теперь переживаем, делегация ВКП не могла согласиться. Она не могла согласиться с этим, так как сохранение такой характеристики третьего периода могло бы дать пищу нашим критикам говорить о том, что мы становимся на точку зрения так наз. «оздоровления» капитализма, т.-е. на точку зрения Гильфердинга, на точку зрения, на которой мы, коммунисты, не можем стоять. В виду этого делегация ВКП внесла поправку, из которой видно, что капиталистическая стабилизация непрочна, и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, ввиду обострения кризиса мирового капитализма».

Соответствующая поправка, внесенная в текст тезисов, принятых конгрессом, гласит:

«Обостряя все международные противоречия (противоречия между капиталистическими странами и СССР, военная оккупация Северного Китая, как начало раздела Китая и борьбы между империалистами и т. д.), обостряя внутренние противоречия в капиталистических странах (процесс полевания масс рабочего класса, обострение классовой борьбы), развязывая колониальное движения (Китай, Индия, Египет, Сирия),—этот период неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма».

Разумеется, это—не единственная существенная поправка, внесенная в проект тезисов, представленный т. Бухариным, но это, несомненно, важнейшая. Можно ли считать ошибку т. Бухарина в этом пункте только случайным упущением? Против этого предположения говорит не только вся установка в проекте т. Бухарина, но и три следующих важных момента:

1) В заключительном слове по первому пункту порядка дня на VI конгрессе т. Бухарин, на основе своей односторонней оценки капиталистической стабилизации, делал соответствующий ошибочный п о л и т и ч е с к и й в ы в о д, отодвинув на задний план в н у т р е н н и е п р о т и в о р е ч и я в капиталистических странах по сравнению с противоречиями м е ж д у н а р о д н ы м и—опасностью войны. Вместо того, чтобы попытаться охватить в е д и н о м к о м п л е к с е обострение внешних и внутренних противоречий, в соответствии с конкретной действительностью, тов. Бухарин упорно настаивал на ошибочном п р о т и в о п о с т а в л е н и и тех и других. В случае войны, — говорил он, — революционная ситуация абсолютно н е и з б е ж н а; она в о з м о ж н а и б е з войны, «но с т е п е н ь в е р о я т н о с т и революции — поскольку мы говорим вообще—в том и в другом случае неодинакова».

Это ошибочное противопоставление, в основе которого лежит правая недооценка обострения внутренних противоречий, в том числе и классовых противоречий отдельных капиталистических стран, было впоследствии окончательно отвергнуто X пленумом ИККИ. При этом, разумеется, не было сделано ни малейшей уступки в сторону недооценки опасности войны или пренебрежения задачей борьбы с этой опасностью. В этом вопросе точка зрения Коминтерна была сформулирована X пленумом не менее четко, чем VI конгрессом. Как известно, именно X пленум ИККИ положил начало практике революционных массовых выступлений против опасности войны в международном масштабе (Красный день).

2) После VI конгресса т. Бухарин в целом ряде статей старался экономически, теоретически, обосновать свою одностороннюю политическую установку, попытавшись с этой целью омолодить свою старую антимарксистскую теорию «замирания конкуренции внутри капиталистической страны» и докатившись до теории «организованного капитализма». Это было симптомом весьма опасным, так как т. Бухарину было известно, что эта теория решительно отвергнута еще т. Лениным: когда т. Бухарин, например, при выра-

ботке тезисов к I конгрессу Коминтерна внес формулировку, гласившую: «Место бешеной анархии заступает организация», тов. Ленин предложил вычеркнуть это утверждение. Известно также, что в заметках на книге Бухарина «Экономика переходного периода», в том месте, где говорится: «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупных капиталистических стран», Ленин перечеркнул слово «уничтожил» и написал на полях: «не уничтожил».

В резолюции X пленума ИККИ теория т. Бухарина, «служащая идейной базой для всех правых элементов в Коминтерне», получила такую оценку:

«Представление примиренцев о притуплении внутренних противоречий в капиталистических странах и о возможности организации внутреннего рынка при сохранении анархии исключение на мировом рынке опровергается всем развитием капитализма на протяжении последних лет и на деле означает капитуляцию перед реформистской идеологией.»

3) Когда т. Эмбер-Дро — в заседании политсекретариата ИККИ 4/XII 1928 г., нападая на линию КПГ, — исказил в грубо оппортунистическом духе линию VI всемирного конгресса, т. Бухарин (сам уже не являвшийся тогда на заседания Коминтерна) разослал эту речь Эмбер-Дро членам делегации ВКП(б) при ИККИ, ни единым словом не отмежевываясь от нее. Сущность этой речи заключалась в защите германских примиренцев — Эверта, Герхарда и других, которые в своем декабрьском меморандуме возвещали «экономическое усиление нынешней основы относительной стабилизации, а стало быть и политической власти буржуазии». Рядом с т. Эмбер Дро в ту пору боролся в политсекретариате и президиуме ИККИ один из итальянских правых — Серра, исключенный осенью 1929 г. итальянской компартией из ее рядов. Еще в феврале 1929 г. он в своем докладе упорно настаивал на наличии «некоторого укрепления капиталистической стабилизации», раз'ясняя, что еще при обсуждении директив для итальянской делегации на VI всемирный конгресс, он «подчеркивал относительное укрепление буржуазии в национальном масштабе».

В заседаниях президиума ИККИ 19 декабря 1928 г. Сталин, выступая против этих оппортунистов, сказал между прочим следующее:

«... Коминтерн исходит из того, что нынешняя капиталистическая стабилизация есть стабилизация временная, непрочная, шаткая, гнилая, которая будет все более расшатываться в ходе дальнейшего развития капиталистического кризиса. Это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что капиталистическая техника и рационализация растут. Более того, именно на базе этого роста развертывается внутренняя гнилость и несостоятельность стабилизации»... Далее. Ленин говорил, что развитие капитализма в условиях империализма представляет двухсторонний процесс в некоторых странах, с одной стороны, загнивание капитализма в других странах — с другой стороны. Правилен ли этот тезис Ленина? И если он правилен, не ясно ли, что капиталистическая стабилизация не может не быть гнилой?»

Таким образом, здесь мы видим ту же «диалектику развития капитализма», вскрытую т. Сталиным еще за год до того.

Как на XV с'езде ВКП(б), так и на всем протяжении борьбы с попытками протащить в Коминтерн оппортунистическую точку зрения на капиталистическую стабилизацию, т. Сталин обосновывал свою оценку, на конкретном анализе, на наличии целого ряда предвестников нового революционного под'ема. Сюда были отнесены троякого рода показатели:

1) Рост революционного движения в Китае, Индонезии и Индии. «Тот факт, — говорил тов. Сталин, — что китайская революция не привела еще

к прямой победе над империализмом, этот факт не может иметь решающего значения в смысле перспектив революции. Великие народные революции никогда вообще не побеждают до конца в первом туре своих выступлений. Они растут и укрепляются в порядке приливов и отливов. Так было везде, в том числе и в России».

2) В рабочем движении Европы — явные признаки полевения рабочих низов и революционного оживления: «Такие факты, как английская общая и угольная забастовка, революционное выступление рабочих в Вене, революционные демонстрации во Франции и Германии в связи с убийством Сакко и Ванцетти, избирательные успехи германской и польской компартий, явная диференциация рабочего движения в Англии, в силу которой рабочие идут влево, а вожди вправо, в лоно явного социал-империализма, вырождение II Интернационала в прямой придаток империалистической Лиги Наций, падение авторитета социал-демократических партий в широких массах рабочего класса, повсеместный рост влияния и авторитета Коминтерна и его секций среди пролетариев всех стран, рост авторитета СССР среди угнетенных классов всего мира, конгресс «друзей СССР» и т. д., — все эти факты с несомненностью говорят о том, что Европа вступает в новую полосу революционного под'ема».

3) Рост и развитие Советского Союза именно как страны строящегося социализма. «Самое существование СССР, как страны строящегося социализма, является одним из величайших факторов разложения мирового империализма и подрыва его устойчивости как в Европе, так и в колониях. СССР явным образом становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных народов колоний».

Полтора года спустя, в мае 1929 г., при обсуждении американского вопроса в президиуме ИККИ, т. Сталин имеет возможность отметить новые факты революционного под'ема, не только подтверждающие прежнюю оценку, но и свидетельствующие о том, что прогноз дальнейшего революционного развития был сделан на XV с'езде правильно и своевременно.

«Многие думают, что в международной обстановке за последнее время ничего не изменилось, что все осталось по-старому. Это неверно, товарищи. На самом деле мы имеем обострение классовой борьбы во всех капиталистических странах, рост революционного кризиса в Европе, нарастание условий нового революционного под'ема. Вчера об этом сигнализировала нам всеобщая забастовка в Лодзи. Недавно мы имели еще сигнал в Берлине. Завтра пойдут новые сигналы во Франции, в Англии, Чехо-Словакии, в Америке, в Индии, в Китае. Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма».

Мы привели столь подробные цитаты из речей т. Сталина, чтобы наглядно показать читателю корни тезисов X пленума ИККИ, которые, на ряду с тезисами VI всемирного конгресса, образуют в данный период твердую основу политики Коминтерна. Решающее место резолюции X пленума, относящееся к оценке нынешнего периода, гласит:

«Вопреки пророчествам социал-демократии и вторившим ей правым и примиренческим элементам, стабилизация капитализма не только не стала прочной, а, наоборот, все более и более расшатывается. Все более наглядно подтверждается правильность данной VI конгрессом оценки теперешнего, третьего периода послевоенного капитализма как периода нарастания его общего кризиса, ускорящего обострения основных внешних и внутренних противоречий империализма, ведущих с неизбежностью к империалистиче-

ским войнам, величайшим классовым конфликтам, к полосе развертывания нового революционного под'ема в основных капиталистических странах, к великим антиимпериалистическим революциям в колониальных странах».

Основная мысль этого тезиса была в кратком сжатом виде выражена т. Сталиным уже на XV с'езде в следующих словах:

«Мы живем накануне нового революционного под'ема как в колониях, так и в метрополиях».

«Из стабилизации вырастет новый революционный под'ем».

Разумеется, в момент X пленума ИККИ (июль 1929 г.) можно было в известной степени конкретизировать характеристику нового периода, данную т. Сталиным в конце 1927 г., напр., в той ее части, где речь идет о «постепенной фашизации политики буржуазных правительств», «о повсеместном наступлении буржуазии на пролетариат», о процессе фашизации реформистской профсоюзной бюрократии и соц.-демократической партии («социал-фашизм»), а также о дальнейшем развитии наступательного характера массовых боев пролетариата. На последнем, имеющем важное значение факторе мы остановимся в следующей главе.

В одном основном пункте X пленуму ИККИ пришлось существенно дополнить оценку нового периода, данную т. Сталиным на XV с'езде ВКП(б), не в том смысле, что эту оценку пришлось изменить или урезать, а в том, что явилась возможность на основе новых исключительной важности фактов еще сильнее ее развить, при чем в том направлении, которое указывал и предсказывал т. Сталин. Речь идет о роли СССР—в тесной связи с огромным усилением и размахом социалистического строительства в СССР в год «великого перелома».

X пленум ИККИ, констатировавший победоносное наступление на капиталистические элементы города и деревни, могучий размах коллективизации сельского хозяйства на основе его технической индустрии, энтузиазм пролетариата, строящего социализм,—тот энтузиазм, который теперь находит все более могучее выражение в развертывающемся социалистическом соревновании, подчеркнул, в частности, что «пятилетний план социалистического строительства... является величайшим достижением не только трудящихся масс СССР, но и всего международного пролетариата».

Начатое уже успешное осуществление этого великого плана»—говорится в тезисах X пленума ИККИ—«укрепляет социалистические основы пролетарской диктатуры, повышает ее обороноспособность и, следовательно, укрепляет боевые позиции мирового пролетарского революционного движения. Успешное продвижение СССР по пути социализма является важнейшим фактором подрыва капиталистической стабилизации и обострения общего кризиса капитализма».

II. Подготовка рабочего класса к грядущим классовым боям.

1. Отчетливее и резче выявлять самостоятельную линию компартии, обострять борьбу против социал-демократии.

Нынешний период нарастания нового революционного под'ема товарищ Сталин иногда одновременно определяет, как «период подготовки рабочего класса к грядущим классовым боям». В этой последней формулировке уже совершенно ясно выражена основная цель революционной стратегии этого периода,—актуальная, непосредственно вытекающая из описанного выше

характера этого периода основная задача Коминтерна: «Скоро начнет гореть почва под ногами мирового капитализма. Задача компартии состоит в том, чтобы начать теперь же развивать массовую подготовительную работу к грядущим классовым битвам, чтобы готовить рабочий класс и эксплоатируемые массы к новым революционным боям».

Революционная подготовка широких масс, прежде всего, совершается путем накопления их боевого опыта, опыта классовых боев нынешнего периода, под руководством коммунистических партий.

Великий революционный опыт китайского рабоче-крестьянского движения эпохи революционного под'ема 1925—27 г.г. подытожен тов. Сталиным в его отчете на XV с'езде в следующих сжатых словах:

«Самым важным результатом китайской революции является тот факт, что она разбудила от вековой спячки и привела в движение сотни миллионов эксплоатируемых и угнетенных, разоблачила вконец контрреволюционность генеральских клик, сорвала маску с гоминдановских прислужников контрреволюции, укрепила авторитет коммунистической партии среди народных низов, подняла движение в целом на высшую стадию, на стадию организации советов и пробудила новые надежды среди миллионов угнетенных классов Индии, Индонезии и т. д.».

Хотя история китайской революции 1926—27 г.г. не имеет прямого отношения к нашей теме, а лишь к «предистории» характеризуемого здесь поворота в курсе Коминтерна—все же уместно отметить, что руководство Коминтерна при этом в течение долгого времени вело упорную, хотя—по ряду причин—и не вполне успешную борьбу против оппортунистических ошибок и колебаний коммунистической партии Китая. «Китайская компартия сможет выполнить лежащие на ней задачи», говорил ИККИ, «поскольку она сама, как авангард рабочего класса, будет иметь свое собственное лицо, отличное от политического лица даже самых левых мелкобуржуазных революционеров». Уже в речи тов. Сталина в китайской комиссии ИККИ от 30 ноября 1926 г. имеются указания на роковую опасность недооценки роли пролетариата и самостоятельности рабочего движения в Китае, на необходимость систематической работы в армии, решительного развязывания крестьянской революции, чтобы таким путем предупредить перерождение революции в контрреволюцию. Впоследствии ИККИ не раз обращал внимание китайской компартии на то, что она «не обнаруживала достаточную твердость в критике лидеров гоминдана»; что в партии наблюдалась «известная боязнь перед развертыванием массового движения, в первую очередь, движения среди крестьян в пользу захвата земель, изгнания джентри и помещиков»; далее, что партия не поняла перехода одного этапа революции в другой и необходимости своевременно готовиться к отпору и т. д. Правильное и своевременное разрешение этих крупных, действительно трудных задач, поставленных революцией перед молодой, малоопытной китайской компартией, в обстановке концентрированного нападения мирового империализма и всех его китайских агентов, оказалось выше ее сил.

Уроки китайской революции были в полном об'еме учтены в тезисах VI всемирного конгресса по колониальному вопросу, на основе которых теперь идет работа Коминтерна в колониальных и полуколониальных странах. При этом, VI конгресс, как известно, ликвидировал колебания и в направлении социал-демократической теории деколонизации.

Из компартий империалистических стран, прежде всего, следует упомянуть о четырех, которые со своей стороны приступили к осуществлению поворота в своей политике и к переустановке ее на рельсы нового периода

еще до VI конгресса. Это были коммунистические партии Германии, Польши, Англии и Франции.

Германская компартия после банкротства брандлеровского ЦК в 1923 году и фишер-масловского руководства в 1925 году многому научилась в борьбе против правого и «левого» оппортунизма. Она имела возможность с полным правом указать на Эссенском с'езде (февраль 1927 г.) на значительные успехи в области большевизации партии со времени открытого письма ИККИ (1925 г.). Эссенский с'езд констатировал начинающийся процесс полевения германского рабочего класса и немедленно извлек отсюда правильный политический вывод: «Самая ожесточенная борьба против социал-демократической партии!» Он охарактеризовал «левых» вождей социал-демократии, как опаснейших врагов, которых коммунисты должны в первую очередь разоблачать и «беспощадно бить, чтобы освободить большинство германского рабочего класса из-под ига реформистского влияния». Для того времени это было немало. Новый период тогда еще не начинался, происходил лишь переходный процесс. Эссен еще не мог быть выражением законченного курса нового периода (как Веддингский с'езд в марте 1929 года). Но он был значительным шагом вперед и имел основание говорить о себе:

«XI (Эссенский) с'езд образует переход от партийных дискуссий прошлого к усиленной революционной массовой работе, к организации приближающихся массовых битв, в которых коммунистическая партия Германии должна будет выдержать проверку, как фактор взрыва капиталистической стабилизации, как авангард германского рабочего класса, как будущий вождь пролетарской диктатуры».

Польская компартия, которая на ряду с КПГ считалась самой опытной коммунистической партией в капиталистических странах, также проделала как правый, так и ультра-левый кризис и несмотря на это впала — в связи с фашистским переворотом в мае 1926 г.— в величайшую оппортунистическую ошибку. Однако, партия, опираясь на открытое письмо ИККИ, подвергла эту ошибку серьезнейшей самокритике и вполне исправила ее на своем IV с'езде (1927 г.). Партия взяла установку «не на автоматический крах фашистской диктатуры и возвращение к буржуазной демократии, а на свержение этой диктатуры путем пролетарской революции, путем вооруженного восстания». В ближайшей перспективе IV с'езд партии предвидел рост внутренних противоречий капиталистической стабилизации, ускорение темпа развития классовой борьбы, созревание революционного сознания и активности трудящихся масс города и деревни. «От степени большевистской зрелости КПП, от полного преодоления ею всех остатков правых и ультра-левых уклонов зависит использование этих противоречий для углубления борьбы, преодоление наступления фашизма, срыв капиталистической стабилизации». Правый уклон был охарактеризован партией как «опаснейший для данного момента».

Английская компартия во время всеобщей стачки (май 1926 г.) в общем и целом выполнила свой долг, но для нее оказалось трудным немедленно и улубоко усвоить уроки стачки; она испугалась за существование англо-русского профсоюзного комитета, когда ВЦСПС немедленно и открыто, без всяких прикрас, осудил предательство стачки генеральным советом английских профсоюзов. Исполком Коминтерна в то время подчеркнул, как важнейший урок стачки, необходимость беспощадной критики и беспощадного разоблачения не только правых предателей, но и «левых» капитулянтов из генсовета. «Без сокрушения оппортунизма в рабочем движении нельзя сокрушить и капиталистический режим».

Но оказалось, что партруководство КПА еще в начале 1928 г. не сумело извлечь политических выводов из факта полевения рабочих масс и неуклонного обострения классовой борьбы, которая сопровождалась все более тесным сближением реформистских лидеров с буржуазией для борьбы против революции. IX пленум ИККИ указал КПА со всей решительностью на необходимость поворота курса партии, в частности на «повелительную необходимость выступать со все более отчетливой и резкой тактикой борьбы против лейбор-партии и лидеров профсоюзов, все отчетливее и резче выявлять свою особую политическую линию, коренным образом отличающуюся от линии реформистов, как во всех общих политических вопросах, так и в вопросах повседневной борьбы рабочего класса». Необходимо также начать решительную борьбу против дисциплины, навязываемой рабочему движению бюрократией лейбор-партии, вырождающейся все больше в обычную с.-д. партию. В парламентских выборах КПА предлагалось выступать в качестве самостоятельной партии и заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства. Этот поворот оказался для английской партии очень трудным делом. Даже после 9-го пленума ИККИ, после формального согласия на поворот, английская партия выдвинула — в качестве центрального лозунга — лозунг «рабочего правительства под контролем исполкома лейбор-партии, что было отменено ИККИ и осуждено 6-м конгрессом Коминтерна.

Французская компартия при поддержке ИККИ положила начало в конце 1927 г. и в начале 1928 г. коренному повороту в своей тактике, решительного проведения, которого еще раз настойчиво потребовал IX пленум ИККИ. В своей критике Коминтерн осудил прежде всего позицию КПФ по отношению к социалистической партии и в особенности к т. н. «левому» крылу этой партии, (которое она рассматривала не как преграду, мешающую социалистическим рабочим притти к коммунизму, а как коммунистическую группу, способную привлечь рабочих на сторону компартии), отсутствие достаточной инициативы в борьбе против социалистической партии для разоблачения ее роли как агента империализма и опоры реакции; непроведение достаточно четкой грани между социалистической и коммунистической партиями (тактика выставления совместных кандидатских списков, переговоры о единстве и т. д.). КПФ должна была изменить свою тактику, усилить борьбу с социалистической партией и реформистской ВКП и более отчетливо выявить свое самостоятельное революционное лицо.

Хотя и не без трудностей и не без противодействия в собственных рядах КПФ все же в общем и целом провела этот курс уже на парламентских выборах весною 1928 г. под общим лозунгом «класс против класса».

Подводя итоги опыту первых шагов проведения новой тактики, политическая резолюция VI конгресса Коминтерна, между прочим, указывает, что «в связи с новой насквозь буржуазной и активной империалистической идеологией соц.-демократии должна быть обострена борьба с этой «буржуазной рабочей партией». Обострение этой борьбы вытекает из изменившегося соотношения сил и изменившейся позиции социал-демократии, вступившей в более «зрелый», с точки зрения империализма, период своего развития».

При этом VI конгресс обратил особое внимание на возможное усиление, так наз. «левого» крыла социал-демократии (австро-марксизм, транмелизм и т. д.), «которое обманывает рабочие массы методами более тонкими и поэтому более опасными для дела пролетарской революции». Об этом, как отметил т. Сталин на апрельском пленуме ЦК 1929 года, ничего не было сказано в проекте тезисов т. Бухарина, а между тем, в Германии, на-

пример, соответствующая формулировка Эссенского с'езда уже больше года была предметом спора между партией и правыми. Вставки, принятые VI конгрессом в этом пункте, вполне подтвердили точку зрения Эссенского с'езда КПГ, напр., в § 23 тезисов конгресса:

> «Учитывая процесс полевения рабочих и внутри социал-демократии, стараясь оказывать на них возрастающее влияние, коммунисты должны самым решительным образом разоблачать «левых» социал-демократических вождей, как наиболее опасных проводников буржуазной политики в рабочем классе, отвоевывая неизбежно отходящую от них рабочую массу».

2. Большевистское руководство экономическими и политическими частичными боями.

Практическое применение нового курса скоро приобрело важнейшее значение, при этом не столько в области парламентской борьбы, сколько в области экономических частичных боев. IX пленум ИККИ и IV конгресс Красного Профинтерна (март 1928 г.) уже поставили в этой области первые новые задачи — прежде всего задачу самостоятельного руководства стачками («помимо и против воли реформистских руководителей») и осуществления «единого фронта снизу» непосредственно на предприятиях.

Но международная волна стачек высоко поднялась только после IV конгресса Профинтерна — вспомним хотя бы борьбу на Руре и бои металлистов в Германии, лодзинскую всеобщую забастовку в Польше, бои текстильщиков во Франции, Польше, Чехо-Словакии и Бомбее и целый ряд других массовых экономических боев. Эмбер-Дро, Серра, германские примиренцы не увидели в этих боях ничего нового. По их мнению, эти стихийные бои рабочего класса с капиталистами по сути своей имели только оборонительный характер. «Правильно ли это? — спрашивал т. Сталин на заседании президиума ИККИ 19 декабря 1928 г. и отвечал: «Нет, не правильно. Утверждать это — значит тащиться в хвосте за событиями».

> «Тов. Эмбер-Дро забывает, что борьба рабочего класса происходит теперь на базе расшатывающейся стабилизации, что бои рабочего класса носят нередко характер встречных боев, контрнаступления и прямого наступления на капиталистов».

Стачечное движение выявило активную роль в этих массовых боях неорганизованных масс, которые по своему революционному настроению нередко оказывались впереди организованных в реформистских профсоюзных рабочих. Это было установлено, например, для рурских боев. Но тов. Эмбер-Дро отказывался признать эти факты, утверждая, что этого быть не могло. Против такого утверждения решительно выступил т. Сталин.

> «Странное дело!», сказал тов. Сталин. «Почему не могло быть? В Руре имеется около миллиона рабочих. Из них организовано в профсоюзы около двухсот тысяч. Профсоюзами руководят бюрократы-реформисты, связанные всеми нитями с классом капиталистов. Что же тут удивительного, если неорганизованные рабочие оказались революционнее организованных? Да разве могло быть иначе? Я мог бы рассказать вам из истории революционного движения в России факты, более «удивительные». У нас нередко бывало, что массы оказывались революционнее своих (некоторых) коммунистических вождей. Это хорошо известно всем русским большевикам. Из этого именно исходил Ленин, когда он говорил, что нужно не только учить массы, но и учиться у масс».

Чем наглее, с одной стороны, срослая с капитализмом реформистская профбюрократия сопротивляется всякому стачечному движению и чем решительнее, с другой стороны, рабочие массы рвутся в борьбу, тем неизбежнее в практике коммунистов вырастала задача брать инициативу и руководство стачками в свои руки. Этого, разумеется, невозможно добиться без прорыва профсоюзного легализма, без «известной ломки существующих реформистских рамок профсоюзов». Но такая ломка не нравится правым и примиренцам, Эмбер-Дро, Серра и др. И Серра критикует германских коммунистов за то, что они в борьбе за организацию локаутированных металлистов расшатали рамки реформистских профсоюзов. Он требует, чтобы коммунисты работали только внутри существующих профсоюзов. Возражая ему, тов. Сталин показывает, куда ведет такой гнилой оппортунизм:

> «Говорить так — это значит похоронить идею руководящей роли компартии в рабочем движении. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они не дали себя запугать болтовней о «профсоюзных рамках» и перешагнули через эти рамки, организуя борьбу неорганизованных против воли профбюрократов. Заслуга германских коммунистов в том именно и состоит, что они искали и нащупали новые формы и организации неорганизованных рабочих».

Речь, разумеется, идет не о прекращении нашей работы в реформистских профсоюзах. Нет, эта работа по революционизированию и завоеванию массы должна попрежнему со всей энергией вестись внутри реформистских профсоюзов везде, где только они являются массовыми организациями. Необходимо даже в тех странах, где нет революционных профсоюзов, привлекать в эти реформистские профсоюзы новых членов из неорганизованных — на основе платформы революционной оппозиции. Но, подчеркивает тов. Сталин, из этого вовсе не следует, что мы должны ограничивать свою массовую работу работой в реформистских профсоюзах, что мы должны стать рабами норм и требований этих союзов. На основании опыта частичных экономических боев уже осуществляется ряд новых целесообразных форм забастовочной борьбы и организации: забастовочные комитеты, революционные уполномоченные, делегатские конференции рабочих от предприятий, выставление самостоятельных списков при выборах в фабзавкомы, систематическая работа по превращению фабзавкомов в органы подлинной классовой борьбы, различные формы сплочения и укрепления борющейся в рядах реформистских профсоюзов революционной оппозиции и т. д., и т. п. И, как заметил тов. Сталин в своей речи, на которую я уже здесь несколько раз ссылался, — «вполне представима такая обстановка, при которой может оказаться необходимым создание параллельных массовых об'единений рабочего класса, вопреки воле продавшихся капиталистам профсоюзных бонз. Мы имеем уже такую обстановку в Америке. Вполне возможно, что к этому же пойдет дело и в Германии».

X пленум ИККИ потом конкретно указал, при каких условиях необходимо и возможно создание коммунистами новых профсоюзов.

Борьба рабочего класса за повышение уровня жизни в нынешний период неизбежно перерастает в борьбу против основ капиталистической системы и против буржуазного государства. В условиях чрезвычайного обострения классовых противоречий, даже стачки, возникающие на чисто экономической почве, приобретают важное политическое значение и даже непосредственно перерастают в классовые политические забастовки. Применение зверских фашистских репрессий против бастующих еще больше усиливает глубокое возмущение широких рабочих масс и тем самым увеличивает возможность быстрого распространения политической массо-

вой забастовки, высшей формой которой является революционная всеобщая забастовка. X пленум ИККИ особенно подчеркивал решающее значение проблемы политической массовой забастовки для ближайшего периода. Умелое применение этого орудия «поможет компартиям вносить больше единства в распыленные экономические выступления рабочего класса, проводить широкую мобилизацию пролетарских масс и всемерно увеличивать их политический опыт, подводя их к непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата».

3. Борьба с правой опасностью, как главной опасностью.

Отставляется ли борьба за массы новой тактикой Коминтерна? Конечно, нет. Напротив, эта задача «еще более становится в центре всей работы Коммунистического Интернационала» (VI конгресс). «Надо усилить борьбу за завоевание миллионных масс рабочего класса на сторону коммунизма» (тов. Сталин, 14 мая 1929 г.). «В условиях нарастающего нового под'ема революционного рабочего движения завоевание большинства рабочего класса есть центральная задача компартии» (X пленум ИККИ).

Коминтерн не делает никаких уступок троцкизму или какому бы то ни было «левому» уклону, который мог бы повести к изолированию компартий от массы пролетариата. Во всех случаях, когда «левые» загибы затрудняют коммунистическим организациям доступ к массам, ИККИ помогает коммунистам преодолевать эти внутренние препятствия. Можно было бы привести ряд примеров этому хотя бы из последнего периода (известные важные решения КИМ'а, австрийской компартии, чехо-словацкой компартии). Но главная опасность находится не «слева», а справа.

Именно с точки зрения завоевания широких рабочих масс на сторону пролетарской революции, борьба компартий в собственных рядах против правого ликвидаторства и примиренческого отношения к нему в собственных рядах приобретает величайшее значение. «Ослаблением борьбы против социал-демократии, переоценкой ее сил и принижением роли компартии эти элементы срывают борьбу партии за завоевание большинства рабочего класса, мешают рабочим, находящимся на пути от социал-демократии к коммунистическому движению, сделать последний шаг в сторону коммунизма» (X пленум ИККИ). Таким образом, они об'ективно играют такую же роль, как «левые» социал-демократические вожди. Германские правые, например, во время рурских боев своим саботажем линии компартии играли прямо штрейкбрехерскую роль. Правая полу-социал-демократическая профсоюзная политика может привести только к неизменной капитуляции перед реформистски-фашистской профбюрократией.

«Массовая политика», правда, была знаменем всех правых ренегатов в их борьбе против линии Коминтерна, но факт тот, что все они остались без масс. Задача завоевания масс в нынешний новый период требует, прежде всего, чтобы мы шли во главе боевых выступлений рабочих масс. Она требует завоевания руководства экономическими стачками, фабзавкомами, уличными демонстрациями и т. д. Только этим путем может быть ускорен и процесс революционизирования рабочего класса, его подготовка к решающим классовым боям; только этим путем может быть обеспечена руководящая роль коммунистических партий в этих грядущих боях. Отставание компартии от темпа массового революционного движения, пассивность, половинчатость, политика правых шатаний и капитулянтства перед классовым врагом и его агентами в рабочем движении — это в настоящий период величайшая опасность.

Против этой опасности со времени VI конгресса сосредоточивается главный огонь.

Тов. Сталин неоднократно призывал коммунистические партии не тащиться в хвосте движения, не допускать, чтобы события их застигали врасполох. Он не раз предупреждал тех, которые привыкли смотреть назад, а не вперед и не видеть нового в событиях. Это приводит,—говорил он,—к отказу компартии от руководящей роли в рабочем движении. «На этом именно и срезалось руководство германской компартии во время революции в 1923 г. Поэтому, кто не хочет повторять ошибок 1923 г., тот должен будить мысль коммунистов и звать их вперед, тот должен готовиться к надвигающимся боям, тот должен принять меры к тому, чтобы коммунистические партии не оказались в хвосте событий и рабочий класс не был застигнут врасплох».

Главные бои против правых и примиренцев велись в ВКП(б), в германской компартии, в чехо-словацкой, американской и шведской компартиях; очень важна эта борьба была и во французской, польской, английской компартиях и т. д. В рамках данной статьи мы не можем, разумеется, останавливаться на многочисленных случаях этой внутренней борьбы, которые впрочем более или менее общеизвестны. Лишь некоторые важные моменты из борьбы против правого уклона в ВКП(б) и КПГ необходимо здесь выделить.

Борьба ВКП(б) против правой опасности имела важнейшее значение для Коммунистического Интернационала не только в силу руководящего положения ВКП(б) в Коминтерне (и особенно ответственного положения тов. Бухарина в ИККИ), но и в силу международного значения тех вопросов социалистического строительства в СССР, разрешение которых в том или ином направлении было предметом этой борьбы. Можно себе теперь представить, каковы были бы результаты, если бы хозяйственное развитие СССР хотя бы только в истекшем году шло по линии тов. Бухарина; вместо твердого овладения и планового руководства экономическим развитием СССР—опасный рост хаотической стихийной силы свободного рынка; вместо успешного наступления на капиталистические элементы в городе и деревне—усиление кулака и его влияние на середняка; вместо великого перелома в деле под'ема производительности труда на фронте социалистического строительства, в ускорении темпа индустриализации и разрешения гигантской задачи коллективизации и технической перестройки сельского хозяйства, вместо всего этого продвижения вперед к социализму—безусловно шаг назад. И так далее. Ясно, что означало бы такое развитие для перспектив СССР! Поэтому победа партии в борьбе против правого уклона имеет величайшее значение для пролетариата не только СССР, но и всего мира.

Мы уже упоминали раньше о правых ошибках тов. Бухарина в оценке капиталистической стабилизации и внутренних противоречий капиталистических стран. На VI всемирном конгрессе по предложению германской и русской делегации к проекту тезисов тов. Бухарина (§ 59) была принята поправка, в которой подчеркивалось, что правые уклоны «являются особенно опасными и борьба с ними должна быть поставлена на первый план, что предполагает и систематическую борьбу с примиренческим отношением к правым течениям внутри компартии». Тов. Бухарин на конгрессе заявил о своем согласии с этой поправкой. Но как он вел после конгресса борьбу против правых и примиренцев в германской компартии? Когда примиренцы и правые в КПГ в сентябре 1927 г. организовали свой внезапный наскок на революционное крыло в ЦК, чтобы устранить, прежде всего, тов. Тельмана, тов. Бухарин предложил, чтобы ИККИ санкционировал этот неслыханный переворот. И когда брандлеровцы со всей безоглядностью по-

вели свою ликвидаторскую фракционную борьбу (издание фракционной газеты, призыв к организации восстать против всех решений ЦК и т. д.), и перед партией встала задача—разгромить фракцию брандлеровцев, тов. Бухарин, как рассказал тов. Сталин на апрельском пленуме ЦК ВКП(б), все время уклонялся от участия в решении этого вопроса.

Коминтерн вынужден был, как в Германии, так и в некоторых других странах, очистить свои ряды от неисправимых правых фракционеров. Эта чистка была изображена тов. Бухариным, как «разложение Коминтерна». Некоторые германские примиренцы, противясь исключению правых, ссылались даже на речь тов. Сталина на ноябрьском пленуме (1928 г.) ЦК ВКП(б), в которой он указал, что на данной стадии развития борьбы против правой опасности внутри ВКП(б) основным методом является идеологическая борьба. Тов. Сталин в ответ на эту нелепую ссылку указал на существование большой разницы в условиях борьбы с правой опасностью в ВКП(б) и в КПГ. Во-первых, в Германии правые уже перешли к фракционным методам борьбы и к систематическому нарушению решений партруководства. Во-вторых, в Германии «возле компартии существует более сильная и довольно крепко организованная социал-демократическая партия, питающая правый уклон в германской компартии и превращающая его об'ективно в свою агентуру». В-третьих—и это особенно важно— ВКП выросла и окрепла в жесточайших боях с меньшевиками, при чем бои эти имели в продолжение нескольких лет форму прямой гражданской войны с ними. «Этим, между прочим, и об'ясняется, что нигде, ни в одной компартии в мире, традиции против открытого оппортунизма не сильны в такой степени, как в ВКП». — «Можно ли тоже самое сказать и о германской компартии?»—спросил т. Сталин.— «Вы наверно согласитесь со мной, что, к сожалению, нельзя этого сказать. Более того, мы не можем отрицать, что компартия Германии далеко еще не освободилась от социал-демократических традиций, питающих правую опасность в КПГ».

При обсуждении вопросов американской компартии (оппозиция Ловстона) на президиуме ИККИ 14 мая 1929 г., тов. Сталин в самой острой форме поставил вопрос о необходимости для секций Коминтерна очистить себя от оппортунистических элементов, без чего невозможна и подготовка к надвигающимся классовым битвам.

> «Партии большевизируются и укрепляются тем, что очищают себя от скверны. Вот в чем смысл последних событий в германской, чехо-словацкой, американской, французской и других партиях. Партийным филистерам кажется все это признаком разложения Коминтерна, потому что они ничего дальше своего носа не видят. Революционные же марксисты знают, что это есть благодетельный процесс большевизации наших братских партий, что без этого благодетельного процесса невозможно подготовить партии и пролетариат к грядущим классовым битвам».

Именно задачи надвигающейся решительной борьбы заставляют заняться делом очищения рядов не в обычном темпе, а в темпе ускоренном. «Можно было бы,—сказал тов. Сталин,—не спешить с этим делом года два назад, рассчитывая на то, что молекулярный процесс большевизации компартий постепенно откинет прочь правые или колеблющиеся элементы, всех этих Брандлеров или Тальгеймеров, всех и всяких фракционных гешефтмахеров и т. д. и т. п. Можно было не спешить, так как не было опасности опоздать. Но теперь—другое дело. Теперь медлить значит опоздать, а опоздать—значит быть застигнутым врасплох грядущим революционным кризисом».

4. Железная когорта пролетарской революции.

Невозможно вести решительной борьбы против правого уклона, не поставив совершенно строго и четко вопроса о железной партийной дисциплине. По этому вопросу VI конгресс принял следующее дополнение к проекту тезисов тов. Бухарина в том § (§ 61), где идет речь об идеологической борьбе с уклонами от ленинской линии.

> «Это не только не исключает, но предполагает всемерное укрепление железной и внутри-партийной дисциплины, безусловное подчинение меньшинства большинству, безусловное подчинение нижестоящих органов, а равно и других партийных организаций (фракции в парламенте, фракции в профсоюзах, пресса и т. д.), руководящим партийным центрам и всех секций Коминтерна его Исполнительному Комитету».

Систематический подрыв партдисциплины в практике Коминтерна совершался как благодаря правой и «левой» фракционности, так и отчасти благодаря беспринципной фракционной борьбе. От этого зла часто страдало развитие наших компартий, например, польской, югославской, и, в особенности, американской. При обсуждении последнего фазиса фракционной борьбы в рядах американской КП тов. Сталин подробно раз'яснял, в чем состоит вред фракционности в рядах компартии. Напомним его основные положения. «Франкционность ослабляет чувство партийности, притупляет революционное чутье и ослепляет деятелей партии до того, что они вынуждены в своем фракционном увлечении ставить интересы фракции выше интересов партии»... «Она мешает воспитывать партию в духе принципиальной политики»... «Подрывая железную дисциплину партии, она создает в партии такой специфический фракционный режим, при котором вся внутренняя жизнь в партии оказывается деконспирированной перед лицом классовых врагов, а сама партия становится перед опасностью быть превращенной в игрушку в руках агентов буржуазии».. «Наконец, фракционность подрывает в корне всякую положительную работу в партии... создает, таким образом, такую обстановку, при которой авторитет партии, должен неминуемо падать в глазах рабочих».

Полное преодоление фракционности—одна из необходимых предпосылок большевизации компартий. В то же время необходимо систематически воспитывать подлинный партийный коллективизм. «Умение действовать коллективно,—говорил тов. Сталин американским коммунистам,—готовность подчинять волю отдельных товарищей воле коллектива, это именно и называется у нас настоящим большевистским мужеством».

Революционный авторитет партии укрепляется путем большевистской активности, путем стойкого, непоколебимого участия в классовых боях пролетариата и правильного руководства этими боями. С этой целью наши партии во всех капиталистических странах должны особенно серьезно сосредоточить внимание на дальнейшей большевизации своих кадров». «Надо» произвести отбор лучших элементов из старых кадров, пополнить их новыми силами, выдвигающимися в процессе классовых боев снизу, из массы, планомерно и систематически развертывать самокритику, являющуюся важнейшим орудием революционного перевоспитания и большевистской закалки партийных кадров». (X пленум ИККИ). Ту же самую задачу тов. Сталин следующими словами выразил во время прений по американскому вопросу:

> «Надо усилить борьбу за выковку действительно революционных кадров партии и за отбор действительно революционных лидеров партии, людей, способных итти в бой, вести за собой пролетариат, людей, которые не сдрейфят перед бурей и не будут метаться в панике, а пойдут навстречу буре».

Таким образом уже на основании революционной практики коммунистического движения со времени VI всемирного конгресса, можно видеть, из каких основных элементов складывался новый курс Коммунистического Интернационала, соответствующий условиям и требованиям настоящего нового периода. Сюда относится: отчетливое и резкое выявление компартиями собственного революционного лица, обостренная борьба против буржуазии и социал-демократии, в особенности против ее «левого» крыла; большевистское руководство экономическими и политическими частичными боями пролетариата; борьба против правой опасности, как основной опасности внутри партии; выковка партийной организации в железную когорту пролетарской революции.

Вот важнейшие составные части того «великого дела подготовки рабочего класса к грядущим классовым битвам, которое составляет теперь основную задачу кампартий всего мира» (Сталин).

П. Горин

О роли пролетариата в революционном движении Украины.

(К предстоящей украинской конференции историков-марксистов).

Оценка роли пролетариата в классовой борьбе XX века неслучайно за последнее время стала предметом дискуссии среди украинских историков-марксистов. Это действительно альфа и омега историка новейшего времени, задача которого состоит в том, чтобы проследить, как пролетариат Украины, ведущий в настоящее время борьбу за социализм, постепенно осуществлял роль гегемона в революционном движении XIX и XX в. Напомнив при этом неоднократно повторяемое М. Н. Покровским положение, что история—это политика, опрокинутая в прошлое, мы поймем, какая большая политическая ответственность лежит перед каждым историком. Неслучайно борьба вокруг схемы истории Украины среди украинских историков приняла острые формы. Борьба за марксистскую схему Украины новейшего времени — это, в основном, борьба за правильную оценку исторической роли пролетариата Украины.

«Признание» пролетариата в украинской историографии весьма интересный момент, вполне могущий быть темой специального исследования. Напомним только, что если в работах реакционных украинских историков Липинского, Дорошенко и других пролетариат Украины замалчивается или изображается случайным лицом в истории, то уже в работах мелкобуржуазных историков, например, Грушевского или Винниченко, пролетариат Украины обращает их внимание, но, конечно, не как претендент на современное руководство государством. Когда же этот «непрошенный гость» в 1917 году попытался помешать господам Грушевским и Винниченко установить национально-буржуазную республику, то Грушевский не нашел ничего остроумнее, как об'явить пролетариат Украины чужеродным телом, представителем не украинской демократии» [1]). Следует однако отметить, что, к сожалению, иллюзии реакционных, мелкобуржуазных историков Грушевского, Винниченко, Гермайзе и др. не нашли еще достаточного разоблачения со стороны наших историков-марксистов Украины. Только этим в первую очередь и возможно об'яснить, почему ряд ошибок, защищаемых представителями украинской реакционной, мелкобуржуазной литературы, попадается и в работах украинских историков-марксистов. В значительной мере это обстоятельство об'ясняет такое обилие ошибок и в работах М. Яворского [2]). Их грубая политическая ошибочность, конечно, отнюдь не должна умаляться, если даже автор искренне желает притти к марксизму.

---

1) См. его работу «Улюстрирована історія України». Кіев. 1918 г. Сч. соотв. места о Центр. Раде.

2) Нельзя не отметить, что только в последнее время тов. Яворский вступил на путь частичного признания своих ошибок. До последнего времени он их горячо защищал.

Мы упомянули только М. Яворского, хотя он не одинок в своих ошибках и находит поддержку среди ряда других украинских историков. Можно сослаться, напр., на статью М. Свідзінского «Селяннські спілки на Україні в революції 1905 року» («Летопись революции» за 1928 г., № 6). Однако среди ряда других украинских историков М. Яворский заслуживает особого внимания: по его учебникам, рекомендованным Наркомпросом Украины, учатся сотни тысяч школьников. М. Яворского мы видим в качестве руководителя двух основных научных учреждений: кафедр истории Украины при Украинском институте марксизма и Украинской Академии Наук.

М. Яворский имеет ряд работ и учебников по истории Украины, которые, как мы увидим, поражают обилием ошибочных положений. Знакомясь с ними, невольно приходится удивляться, с какой легкостью М. Яворский может отказываться от своих положений, развиваемых в ранее вышедших работах, чтобы сделать ряд новых ошибок в последующих изданиях. Солидаризация его в ряде основных моментов истории XX в., с положениями защищаемыми также представителями украинских мелкобуржуазных историков, позволяет многим историкам-коммунистам рассматривать работы М. Яворского, как попытку приспособления схемы Грушевского и Винниченко к марксистской схеме истории Украины. Действительно в работах М. Яворского мы находим столь грубые методологические ошибки, что марксистская ценность их весьма сомнительна.

В наш период бурных успехов марксизма-ленинизма, являющегося единственным методом научного изучения, вообще говоря, нередки попытки кастрировать марксизм, сводя его только к признанию экономического фактора и признания классовой борьбы. Само собой разумеется, такое толкование марксизма недостаточно, и характерно для меньшевистской трактовки. Напомним хорошо известное ленинское понимание вопроса, данное им в «Государстве и Революции».

> «Главное в учении Маркса,—пишет он,—есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это не верно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма» [1]).

Это ленинское положение, определяющее революционного марксиста, абсолютно бесспорно и для историков, изучающих XX в., задача которых показать, как шло формирование рабочего класса, как пролетариат превращался в гегемона революции, как он осуществлял руководство борьбой широчайших крестьянских середняцко-бедняцких масс, чтобы вместе с ними завершить задачи Октябрьской революции. С этой точки зрения работы тов. Яворского по истории революции на Украине содержат в себе ряд грубейших ошибок.

И, действительно, основной вопрос истории, роль пролетариата Украины в XX в. в работах М. Яворского не получил своего разрешения. Умаление роли пролетариата Украины в революционном движении XX века

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 323. (Разрядка Ленина. *П. Г.*).

М. Яворским достигается очень «оригинальным» приемом—преувеличением революционной роли буржуазии и зажиточного крестьянства.

Как известно русская и украинская буржуазия в революциях 1905 года и 1917 года была контрреволюционной силой, выступавшей против рабочего класса и крестьянства. Контрреволюционность буржуазии ярко выявлена Лениным, тем не менее М. Яворский утверждает о революционной роли буржуазии, которая по его словам,

> «В 1904 году кричала на все стороны о революционном переустройстве России и о создании республики» [1]).

Что это не случайная ошибка М. Яворского можно судить хотя бы по тому, что и в другой его работе мы находим утверждение, что

> «в 1905 году против правительства открыто выступает уже и буржуазия, требуя созыва Всероссийского Учредительного собрания, которое должно было бы выработать конституцию для России. Правительство должно было уступить и в августе 1905 года об'явило созыв «Государственной Думы» [2]).

И в той же книге мы находим поразительную по незнакомству с фактами оценку роли буржуазии в Февральской революции:

> «и вот, чтобы предупредить революцию рабочих и крестьян,— пишет М. Яворский — буржуазия сама в марте 1917 года, по-новому стилю произвела революцию».

Но было бы наивно об'яснять после работ Ленина это положение Яворского только невежеством автора. Подчеркиванием революционной роли буржуазии М. Яворский одновременно умаляет роль пролетариата, как гегемона революции. Оставляя однако в стороне разбор этого столь очевидно всем ошибочного положения М. Яворского (кстати сказать не разделяемой даже гг. Винниченко и пр.), посмотрим, как М. Яворский разрешает проблему участия в революции рабочих и крестьянских масс, как им показана гегемония пролетариата в революционном движении на Украине в XX веке.

Подчас ловко используя моменты особенностей исторического развития Украины в XX в., М. Яворский хочет показать особенность расстановки классовых сил на Украине, в смысле революционности украинского кулачества. Этим самым естественно удельный вес украинского пролетариата принижается, так что даже Октябрьская революция на Украине в изображении М. Яворского выглядит не как результат классового соотношения сил борющихся на Украине, а как нашествие русского пролетариата на Украину. Было бы, конечно, смешно отрицать особенности исторического развития Украины. Наоборот украинские историки-марксисты должны конкретно выявить специфические моменты в развитии Украины. Однако специфичность исторического процесса на Украине ни в какой мере не исключает в основном однородности классовых процессов происходивших в XX в. на Украине и в России [3]). Украинский пролетариат совместно с русским вели долгую и упорную борьбу с царизмом, на своих плечах они вынесли борьбу с белогвардейщиной и дружными усилиями ведут борьбу за социалистическое строительство. Игнорирование этого не только ошибочно, но и политически вредно. Также совместно украинские и русские кулаки пополняли ряды контрреволюции, чтобы разгромить республику Советов. М. Яворский однако с этим не согласен. Отдавая в лагерь контрреволюции русского кулака, он всемерно не только обеляет украинское кулачество, но делает его руководителем всего крестьянского движения. Это утверждение М. Яворский стремится достигнуть защитой теории «дво-

[1]) М. Яворский. Історія України в стислому нарисі. Держ. вид. України 1928 г., стр. 257.

[2]) М. Яворский. Краткая история Украины. Харьков, 1926 г.

[3]) См. Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 48, 50, 221 и др.

куркульства», т.-е. защитой положения о наличии двух типов кулака на Украине: феодального и фермерского. Эта теория им обстоятельно изложена в его последней работе «Історія України в стисломy нарисі» и специальной статье «Проблема української національ-демократичної революції у 1917 році [1]). Так характеризуя движущие силы буржуазно-демократической революции на Украине М. Яворский пишет:

«Это были те силы, что раньше развивались на двух путях проблемы капитализации украинского земледелия,— то был с одной стороны феодальный кулак, что стремился через голову помещика врасти в капитализм и добиться в нем собственной гегемонии, то был с другой стороны, мелкий украинский-буржуа, мечтавший о национализации (земли) и «самостоятельной свободной крестьянской Украине, стране высоко развитого интенсивного фермерского сельского хозяйства». Это была, наконец, сзади этого националистического авангарда, вся серая и голодная до земли крестьянская масса, жадно протягивавшая руки к землям казны и помещиков» [2]).

Кроме того оказывается, что украинский кулак-фермер был не только революционной силой, но и руководителем всего крестьянского движения.

«Это не удивительно — пишет М. Яворский,— что народившийся и рождающийся сельский буржуа, новой и чистой породы, фактически был у нас движущей силой в сельских выступлениях. Хотя не всюду и не везде он выступал впереди, хотя чаще он шел позади массы жаждущей земли, но на деле он был мозгом и нервом и на деле был автором крестьянских чаяний об уничтожении частных собственников и обыкновенно был автором крестьянских дум о национальной независимости в будущей республике» [3]).

Теория «двоекулачества» в русской литературе не нова. Она вытащена из архива борьбы Ленина с реакционным народничеством. Еще в «Развитии капитализма» Ленин решительно разделался с этими реакционными предрассудками.

«Обычное народническое воззрение, по которому «кулак» и «хозяйственный мужик» представляют из себя не две формы одного и того же экономического явления, а ничем между собою не связанные и противоположные типы явлений,— это воззрение решительно ни на чем не обосновано. Это — один из тех предрассудков народничества, которое даже никто и не пытался никогда доказать анализом точных данных. Данные говорят обратное [4]).

Невольно напрашивается вопрос, зачем же М. Яворскому понадобилось вытаскивать этот народнический хлам и обстоятельно обновлять его в наши дни? Прав т. Рубач, рассматривающий эту вылазку М. Яворского как ревизию большевизма [5]). Эта ревизия М. Яворскому понадобилась для того, чтобы опровергнуть ленинское положение, что пролетариат в XX в., 1905 и 1917 годах был гегемоном революции и руководителем движения широких середняцко-бедняцких масс. Так продолжая дальше свои рассуждения, М. Яворский пишет:

«А. между этими тремя силами (т.-е. кулак, фермер и бедняк. *П. Г.)* в качестве идеологического цемента разливалась украинская интеллигенция со своим лозунгом политической свободы, политического самоопределения. Пролетарские массы Украины за небольшим исключением, оставались в стороне от этой чарующей музыки национального экстаза. Аграрный вопрос большей частью их не интересовал в разрезе крестьянских требований» [6]).

[1]) См. журнал «Червоний Шлях», 1927 г., № 1—4. Изд. Харьков.
[2]) Журнал «Червоний Шлях», № 4, стр. 96, 1927 г. (Перевод здесь в дальнейшем наш. *П. Г.).*
[3]) М. Яворський. Історія України в стисломy нарисі. Стр. 257.
[4]) Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 139. По этому вопросу см. также т. IX, стр. 349, 599 и т. д.
[5]) См. ст. М. Рубач. «Ревізія більшовицкої схеми рухомих сил», в «Більшовик України», 1929 г., № 17—18.
[6]) Журн. «Червоний Шлях», № 4, стр. 96, 1927 г.

С подобными искажениями роли пролетариата, как гегемона крестьянской борьбы за ликвидацию крепостнических отношений, свидетельствующими о полном непонимании М. Яворским ленинского положения о разграничении движущих сил и характера революции, мы еще встретимся неоднократно. Сейчас хотелось бы только отметить, что утверждением «двокуркульства» и признанием украинского кулака движущей силой и и руководителем революционного крестьянского движения М. Яворский искажает подлинную борьбу крестьянства в революциях 1905 и 1917 года, и в этой части скатывается к позиции националистической мелкобуржуазной историографии. Чтобы не быть голословным приведем цитату из книги Винниченко «Возрождение нации», в которой он утверждает, что

«нашей главной силой было крестьянство, но не деревенская беднота, а по большей степени зажиточное крестьянство, как более развитое и национально сознательное» [1]).

В концепции В. Винниченко такое утверждение, конечно, вполне логично. Он сам же признает, что он и его последователи «в своей деятельности были только республиканцами и демократами, а не социалистами». История, как известно, зло посмеялась над «республиканцами и демократами» типа г. Винниченко и мысли о наступлении в 1917 году эры буржуазной демократии быстро отцвели, не успев и расцвести. В революцию 1917 г. бедняцко-середняцкий массив деревни приобрел решающее значение в крестьянской борьбе и под руководством пролетариата принял активное участие в Октябрьской революции. Само собою разумеется, насколько политически реакционно искажение классовой борьбы в деревне, допущенное М. Яворским, кстати сказать признающего себя первым марксистским историком Украины [2]). В действительности же защита М. Яворским теории «двокуркульства» и признание украинского кулака-фермера главной движущей силой и гегемоном крестьянской революции, это давно отжившие бредни реакционного народничества и открытие М. Яворского не более как повторение задов гг. Н.—она, Винниченко и др. Реставрирование же народнических ошибок, сданных историей в архив, понадобилось автору для определенных целей—опровергнуть, что пролетариат был гегемоном революционной борьбы в XX в.,—о чем М. Яворский говорит довольно определенно. Так в ответ на утверждение его критиков, что на Украине, как и в России пролетариат был гегемоном революции, М. Яворский, нисколько не смущаясь, это основное ленинское положение об'являет... троцкизмом [3]). Насколько М. Яворский искажает основные положения марксизма доказывать, повидимому, не приходиться. Напомним М. Яворскому, что еще задолго до революции 1905 года положение, что среди двух основных движущих сил революции—пролетариата и крестьянства — гегемония принадлежит пролетариату, было краеугольным камнем большевизма. Еще, напр., в 1902 году Ленин в критике народничества в статье «Революционный авантюризм» ясно заявлял, что

«весь современный социализм, начиная с «Коммунистического манифеста», покоится на той несомненной истине, что единственным действительно (курсив Ленина *Г. П.)* революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционными, лишь отчасти и лишь при известных условиях» [4]).

[1]) В. Винниченко. «Відродження нації», гл. IV, стр. 96.
[2]) «Мой почин,— пишет М. Яворский,— стал на Украине первым опытом (разрядка самого Яворского. *П. Г.)* марксистской концепции украинского исторического процесса» (газ. «Коммунист», от 5 сентября 1929 г.).
[3]) См. его последние статьи «Донкихотство и руссотяпство» в журн. «Прапор Марксизму», 1929 г., № 2, стр. 211.
[4]) Ленин. Собран. соч., т. V, 2 изд., стр. 153.

Ход исторических событий революции 1905 и 1917 года целиком подтвердили это ленинское положение в XX в. Мы видим, что пролетариат бывш. царской России является главной революционной силой и гегемоном революционного движения середняцко-бедняцких масс деревни. И силой этого союза определился и успех Октябрьской революции. М. Яворский фактически пытается оспаривать это положение для Украины. Убедительных доводов этого положения он, однако, не приводит.

Напрасно М. Яворский жалуется, что до него не было марксистских работ по истории Украины. Если бы он прочитал статьи Ленина, касающиеся революционной борьбы на Украине, то это в значительной мере дало бы ему канву и для конкретно-исторического изучения Украины XX в. У Ленина действительно мы не находим специальных исследований по истории рабочего движения на Украине: об'ясняется это преимущественно тем, что движение пролетариата Украины было органически связано с общероссийским рабочим движением. Но это обстоятельство никак не должно умалять удельного веса пролетариата Украины. Разве слабостью пролетариата Украины можно об'яснить его борьбу на протяжении десятилетий, имевшую огромное значение для общероссийского революционного движения. Достаточно, например, будет напомнить те оценки, которые давались Лениным первомайской харьковской демонстрации 1900 г., всеобщей стачке на Украине и Кавказе в 1903 г., событиям 1905 г., и не говоря уже о позднейших датах, чтобы убедиться в нелепости утверждения, будто пролетариат Украины не был гегемоном в революционном движении. Исторические факты никак не могут подтвердить положение М. Яворского о пролетариате Украины, как «рабочей силе» революции, не имевшей своей политически-принципиальной линии, и какой фальшью звучит его утверждение, будто в 1905 году «сам пролетариат наш стал колебаться в своей боевой готовности, стал колебаться вокруг того, за какую революцию ему бороться, за кем итти, кого поддерживать, чего добиваться [1]).

Умаляя роль пролетариата, Яворский в то же самое время непомерно раздувает удельный вес мелкого буржуа-фермера. И в статье, помещенной в «Черновом Шляхе», М. Яворский даже фактически договаривается до признания гегемонии в революции мелкой буржуазии.

«Украинский мелкий буржуа... пишет он — в распоряжении которого была вся крестьянская масса, часть рабочих и даже войска» [2]).

Основное положение М. Яворского, что в революционном движении пролетариат и крестьянство—две самостоятельные силы, красной нитью проходят через все его работы. На первый взгляд, как будто правильно отмечая, что несоединение пролетарской и крестьянской революции было причиной поражения в 1905 году, М. Яворский в это положение, однако, вкладывает не ленинское понимание. Когда большевики говорят, что крестьянство отстало от рабочей революции, то они говорят о тактическом разрыве, об опоздалости выступления. М. Яворский же утверждает о двух самостоятельных революционных силах: пролетариат с одной стороны, крестьянство с другой, и они не смогли об'единиться. Иными словами он пытается протащить положение ничего общего не имеющее с ленинской концепцией.

Это искажение роли пролетариата в историческом процессе в XX в., и логически приводят его и к другим многочисленным ошибкам. Так, непонимание роли пролетариата не случайно привело М. Яворского и к неверному изложению зарождения большевизма на Украине. До сих пор марксистская историческая наука считала основоположниками марксизма группу «Освобождение Труда». По М. Яворскому же основоположником

[1]) М. Яворський. Історія України в стислому нарисі. 1928 г., стр. 262.
[2]) Журн. «Червоний Шлях», № 4, стр. 109.

марксизма не только на Украине, но и во всем общероссийском движении были Зибер и Подолинский. Это выдвижение Зибера и Подолинского [1]) неслучайно, так как обнаруживает непонимание автором сущности революционного марксизма и его беспомощность разграничить революционный марксизм 70—80 гг. от эволюционистского понимания классовой борьбы. В этом отношении М. Яворский также возвращается к прошлым иллюзиям о Зибере, вскрытым П. Орловским в книге «К истории марксизма в России» и др. [2]). Идеализация М. Зибера повидимому понадобилась М. Яворскому, как прикрытие для реабилитации Драгоманова, учение которого якобы было синтезом революционного народничества и начального марксизма, т.-е. другими словами одним из марксистских учений 70 г.г. Исторически это не верно. Ошибочность этой точки зрения М. Яворского была уже в свое время вскрыта историком коммунистической партии Украины Н. Н. Поповым, который категорически заявляет, что, когда

«Драгоманова изображают в качестве моста между народничеством и марксизмом, то впадают в большую ошибку... (Драгомановщина) это была эволюция от народничества к демократическому либерализму, а ни в коем случае не к марксизму» [3]).

Но эта ошибка М. Яворского, в определении драгомановщины, кстати сказать, защищаемая также и О. Гермайзе [4]), не случайна. Повторяем она целиком покоится на непонимании сущности революционного марксизма, на непонимании основ ленинизма и потому неоднократно проявляется, когда автор переходит к оценкам РУП (революционная украинская партия—мелко-буржуазная партия. *П. Г.),* как рабочей партии. Оказывается к 1903 г.

«РУП стала теперь рабочей партией, стала партией, которая ставит своей задачей пропагандировать марксизм среди сельского населения, так и среди городского пролетариата» [5]).

Насколько РУП, была революционной марксистской организацией можно судить по тому, что на своем 2-м с'езде РУП приняла эрфуртскую программу германской с.-д., в которой, как известно, отсутствует положение о диктатуре пролетариата. Как правильно отмечает Н. Попов, «проявленная здесь своеобразная западная ориентация дала очень скверные плоды».

Мы уже не говорим, что со стороны этой партии пользовались полной поддержкой национал-оппортунистические взгляды Бунда.

Само собой очевидно, что изображение РУП, как украинской рабочей организации, предшественницы КП(б)У, исторически абсолютно неверно (в особенности это выявляется, поскольку М. Яворским работа РСДРП(б) на Украине смазывается). Мы хотели бы при этом обратить внимание на политический вред исторического искажения большевизма. В наших условиях, когда изучение истории большевизма имеет не только академическое, но и актуально-политическое значение, подобная фальсификация истории абсолютно нетерпима [6]). Она не только принижает подлинную борьбу большевизма, но извращает его, превращая большевизм фактически из револю-

[1]) См. М. Яворський. Нарисі з історії революційної боротьби на Україні, том II, ч. 1, 1928 г., стр. 80, 81, 82, 89, 90.
[2]) См. также Ленин. Собр. соч., том. II, стр. 652. Примечание тов. И. Товстухи.
[3]) Н. Н. Попов. Очерк истории К. Партии (б) Украины. Изд. «Пролетарий», стр. 22, 1929 г.
[4]) О. Гермайзе. Нариси з історії револ. руху на Україні.
[5]) М. Яворський. Історія України в стислому нарисі. 1928 г., стр. 246.
[6]) Кстати сказать, подобное замазывание ошибок различных мелкобуржуазных организаций Бунда, Паолей-Цион, Белорус. Соц. Громада и т. п., и подчас даже попытки изображения их как национал-большевистские организации, мы встречаем в исторической литературе, выходящей в Белоруссии. Само собой разумеется, что задача историков-марксистов беспощадно вскрывать эти фальсификации истории.

ционного учения в приглаженный реформизм. И в этой фальсификации истории М. Яворский—не одинок. Его намеки о большевизме крестьянского союза в 1917 году нашли, например, полное сочувствие его ученика М. Свидзинского, который в ряде своих статей о крестьянских союзах в 1905 году, помещенных в «Летописях Революции», открыто договаривается, что это были настоящие большевистские организации. Несмотря на богато использованный им архивный материал, автор оказался совершенно беспомощным уловить характерную черту в жизни крестьянского союза, что, по мере обострения классовой борьбы, крестьянский союз, как общекрестьянская организация, распадался на свои составные части. Это было вполне естественно в условиях обострения классовой борьбы в деревне. Также не случайно идея крестьянского союза, как общекрестьянской организации, потерпела полное поражение и в 1917 г. Идеализируя мелкобуржуазные организации М. Яворский, повидимому, не по странной случайности, забывает о роли в развитии большевизма на Украине, например, о Южной конференции 1904 г. (созванной бюро комитета большинства), которая в праве, как это отмечает т. Н. Попов, может считаться первой большевистской конференцией на Украине. Насколько не случайна ошибка М. Яворского, в игнорировании преемственности КП(б)У и ранее существовавших на Украине большевистских организаций, можно судить хотя бы по тому, что он решительно заявляет, что «не годится забывать факт основания КП(б)У, не годится ставить знак равенства в организационном смысле между КП(б)У и ранними большевистскими комитетами на Украине. Забывать это—значит ничегошеньки не понимать в истории революции и партии большевиков на Украине» [1]). Оказывается, вот почему забыты и деятельность социал-демократических кружков 90 гг. Киева, Харькова, Екатеринослава и др. Весьма странное впечатление производит и скромная роль (в изображении М. Яворского о роли даже трудно говорить), какая выпала на долю Донбасса—сердца Украины — в деле пропаганды марксизма и борьбе за гегемонию пролетариата.

Как видим, непонимание и недооценка роли пролетариата Украины в свою очередь привели М. Яворского к искажению истории большевизма и не могли не привести его к непониманию национального момента в истории революционного движения.

Основное ленинское положение, что национальный вопрос не является внеклассовым фактором, М. Яворским не понято. Не понято требование Ленина, что «мы не хотим приспособлять социализм к национализму». Национальный же фактор в работах Яворского, наоборот, часто приобретает внеклассовое значение. Эта попытка изобразить национальный момент внеклассовым фактором, как известно, широко использовалась и используется буржуазией. В 1913 году Ленин предостерегал рабочий класс, что:

> «поднимает голову буржуазный национализм (наряду с великодержавным. *П. Г.*) других наций (польской, еврейской, украинской, грузинской и т. п.), стараясь о т в л е ч ь рабочий класс национальной борьбой за национальную культуру от его великих мировых задач. Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со стороны всех сознательных рабочих... Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевичем, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение и неравноправность наций, развращает рабочих националистическими лозунгами» [2]).

Насколько прав был Ленин, можно судить хотя бы потому, что великорусская, украинская и проч. буржуазия в 1917 — 1921 гг. широко использовала националистические лозунги для развращения пролетариата и для затушевывания подлинных целей рабочего класса в революции. В этом откро-

[1]) Журн. «Прапор Марксизму», № 2, 1929 г., стр. 209.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 28. Ст. «Рабочий класс и национальный вопрос» (курсив Ленина).

венно сознается и сам Винниченко, когда говорит, что они в Центральной Раде в 1917 году:

> «сознательно откладывали надолго разрешение остро-социальных вопросов, потому что боялись, что недостаточно укрепленное установленное национальное единство, может встретиться и разбиться от неполадок в области социальных отношений» [1]).

В анализе классовой природы Центральной Рады, историка-марксиста не должен смущать ряд «дружелюбных» актов Центральной Рады, в отношении рабочих масс (см. закон о 8-часовом рабочем дне). Эти «дружеские» акты Центральной Рады в отношении к пролетариату отнюдь не были продиктованы желанием признать гегемонию пролетариата, а являлись лишь тактическим маневром с целью использовать рабочий класс для осуществления задач Центральной Рады. Только этими соображениями можно об'яснить, почему Центральная Рада, незадолго до Октября заигрывавшая с пролетариатом и даже праздновавшая Октябрьскую революцию в Ленинграде, вдруг выступает таким решительным противником Советской власти на Украине и становится организатором контрреволюционных сил. Кокетничанье Центральной Рады с пролетариатом до Октябрьских дней, как известно, еще в 1917 году, не помешало тт. Ленину и Сталину дать должную оценку классового лица Центральной Рады. «Мы за украинскую республику,— писал тов. Сталин,— но мы против того, чтобы под флагом республики прикрывали врагов народа, монархистов, Каледина и Родзянко» и дальше тов. Сталин блестяще вскрыл задачи, которые ставила себе Центральная Рада. «Генеральный секретариат Рады,—писал он,—поставил себе целью осуществить программу Корнилова и Каледина, Алексеева и Родзянко о разоружении советов» [2]).

Казалось бы, имея ясный, установленный взгляд на Центральную Раду, М. Яворскому необходимо было, иллюстрируя конкретным материалом, вскрыть классовое лицо Центральной Рады, показать, как, спекулируя на национальном моменте, Центральная Рада являлась организацией национальной буржуазии, выяснить причины подлинной неспособности Центральной Рады осуществить освобождение украинских трудящихся масс не только от социального, но и политического гнета. То положение, что пролетариат Украины был единственным классом, который в союзе с широкими бедняцко-середняцкими массами мог на деле реализовать подлинно-демократическую, т.-е. Украинскую Советскую республику, М. Яворскому не понятно.

Роль пролетариата, как единственно революционного класса, способного уничтожить национальный гнет, у М. Яворского смазана.

Ошибка М. Яворского в данном случае заключается не в незнании им материалов, а в н е п о н и м а н и и и н е д о о ц е н к е к о н т р р е в о л ю ц и о н н о й р о л и м е л к о б у р ж у а з н ы х у к р а и н с к и х п а р т и й и и х н е с п о с о б н о с т и л и к в и д и р о в а т ь н а ц и о н а л ь н ы й г н е т.

Неправильный, неленинский подход к изучению национального момента в истории революции на Украине не позволил ему вскрыть их подлинное классовое лицо, как это не удалось сделать Яворскому, в частности в оценке украинских меньшевиков [3]). Недаром тов. Сухино-Хоменко указал т. Яворскому, что «нельзя в истории классовой борьбы говорить, что исход-

[1]) В и н н и ч е н к о. Відродження нації. Київ, віденъ 1920 г., ч. 1.

[2]) Из письма т. Сталина к украинцам тыла и фронта, опубликованного в журн. «Летопись Революции», № 2, за 1925 г. О деятельности Ц. Р. см. также ценную статью тов. В. Манилова «Из истории взаимоотношений Ц. Р. с Времен. правит.», опубл. в журн. «Летопись Революции», за 1927 г. в № 24—27.

[3]) См. М. Яворський. Історія України в стислому нарисі, стр. 296, 300 и др

ным пунктом ее является национальная проблема, что она имеет основное исходное значение»... [1]).

М. Яворский оказался не в состоянии оценить и огромную помощь, которую оказали в борьбе с украинской буржуазией русские рабочие и крестьяне. Местами революция на Украине смахивает у него на революционную оккупацию. Это достигается часто даже помимо воли самого автора, поскольку общий ход изложения революционной борьбы на Украине автор пытается дать вне связи с русским революционным движением. Проблема интернационального воспитания украинских масс вообще выпала из поля внимания автора. Само собой разумеется, что искусственное разграничение украинского и русского рабочего движения, искажающее таким образом прошлую историческую действительность, окажет сомнительную пользу украинскому пролетариату. Историк-марксист Украины не может исходить из положения, что все, что не «чисто» украинское, то не имеет отношения к большевизму Украины. Нельзя ни на одну минуту забывать ясных слов Ленина, бичующих и великодержавный шовинизм и украинский национализм.

«Если украинский марксист, — писал он, — даст себя увлечь вполне законной и естественной ненавистью к великороссам-угнетателям до того, что он перенесет, хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно также и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но черносотенного, если он забудеть хоть на минуту требования полного равноправия украинцев и их право на образование самостоятельного государства» [2]).

Подведем некоторый итог. В настоящей статье мы, конечно, ни в какой мере не претендовали на освещение всех ошибок М. Яворского в изучении XX в. Мы только старались показать, что непонимание роли пролетариата Украины, как гегемона революции, неизбежно приводит и к ошибкам в изложении истории большевизма на Украине, и не может не сказаться и при рассмотрении истории и роли национального вопроса на Украине в этой истории. Дискуссия, бывшая в среде историков-марксистов Харькова, весной текущего года, правильно разоблачила грубейшие ошибки М. Яворского и нужно совершенно четко признать, что схема М. Яворского—это попытка примирить большевизм с мелкобуржуазным украинским национализмом. И эта попытка должна быть разоблачена беспощадно.

[Мы уже отмечали, что т. Яворский не хочет признавать последовательно и до конца своих ошибок. Это не случайно. Смешно было бы допустить, что М. Яворский мог забыть о главном брошенном ему обвинении—в фактическом непризнании гегемонии пролетариата в революции на Украине, которое он обходит молчанием. Все это говорит за то, что в украинской исторической науке борьба по разоблачению мелкобуржуазных, националистических ошибок, привнесенных извне в украинскую марксистскую историческую литературу, еще недостаточно закончена. Весенняя дискуссия показала, что на Украине мы имеем очень сильную группу подлинно-революционных, воинствующих историков-марксистов. Мы уверены, что задача дать подлинно-марксистскую историю Украины будет в таких условиях разрешена. Не думаем, что бы тяжелая борьба украинских товарищей, отягченная вдобавок еще сильными пережитками великодержавного и местного национализма, сбила их с верного ленинского пути. Украинская же конференция историков-марксистов должна действительно явиться крупным этапом в жизни украинской исторической науки, чтобы, покончив с ошибками, наметить вехи ленинской истории Украины.]

---

[1]) В. Сухино-Хоменко. На маркиститському історичному фронті, журн. «Більшовик України», № 19, за 1929 г.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 51. (Курсив Ленина. *П. Г.*).

Ф. Корнюшин.

Проблема мяса.

По количеству голов мясного скота Советский Союз занимает первое место в мире и вместе с тем наша страна сейчас переживает острый недостаток в мясе и мясопродуктах. Основной причиной переживаемых мясных затруднений является чрезмерное отставание крестьянского животноводства от общего темпа строительства социализма, его раздробленность, примитивность, а отсюда и низкая его товарность.

К настоящему времени мы не только восстановили довоенные размеры стада, но даже несколько их превысили. По крупному рогатому скоту это превышение составляет примерно 10—13%. Но одновременно в еще большем размере по сравнению с довоенным временем возросло потребление мяса основными массами трудящихся. Особенно возросло потребление мяса сельским населением. Так, например, в 1928/29 году оно превышало свой довоенный уровень на 51%. Потребление городского населения за это время возросло, примерно, на 15—18%. Следует помнить, что, несмотря на такой большой относительный рост, абсолютный рост потребления мяса и мясных продуктов в стране все еще находится на весьма низком уровне.

Развертывающееся социалистическое строительство, рост индустриального населения, рост материального благосостояния основных классов нашей страны пред'являет все новые растущие требования на повышение уровня потребления мяса и мясных продуктов. Здесь характерно отметить, что потребление мяса в царской России систематически снижалось, даже в Москве это снижение в 1913 г. составляло 8% по отношению к предыдущему — 1912 году. Рост потребностей на мясо и мясопродукты в условиях ограниченных производственных возможностей раздробленного бедняцко-середняцкого индивидуального хозяйства по выращиванию скота, с одной стороны, и при почти полном отсутствии крупного государственного и общественного животноводства (в 1928/29 г. этот сектор составлял только 1% во всей товарной мясной массе),— с другой, является основой переживаемых страной мясных затруднений. Между тем, мясо составляет после хлеба самый ценный и необходимый предмет питания рабочего класса, а расходы на мясо и мясные продукты занимают первое место (30%) во всех расходах рабочей семьи на питание. Это обстоятельство ставит вопросы мяса во главу угла всей продовольственной работы партии и Советской власти.

«После зерновой проблемы, на пути решения которой партия добилась первых серьезных успехов, мясная проблема является важнейшей задачей экономической политики партии и Советской власти, без разрешения которой не могут быть устранены затруднения в деле снабжения рабочего класса». (Разрядка наша. *Ф. К.*).

Так формулирует эту задачу Центральный Комитет нашей партии в своем специальном декабрьском постановлении о мероприятиях по разре-

шению мясной проблемы. Это решение ЦК есть документ крупнейшей политической и хозяйственной важности. Он имеет крупнейшее историческое значение, так как впервые ставит вопрос не только социальной, но и технической (качественной) реконструкции всего нашего животноводства в масштабах, которых не знала история животноводства в России. Решение ЦК ставит, как боевую задачу перед партией и рабочим классом, в кратчайший срок перестроить все мясное дело страны на основе новейших достижений советской и иностранной науки и техники, обеспечив одновременно решающий перевес социалистическому сектору в этой важнейшей части народного хозяйства.

Изживание текущих мясных затруднений возможно только на путях разрешения мясной проблемы в целом. Этого нельзя ни на минуту забывать. Именно так ставит вопрос постановление Центрального Комитета партии. Разрешение же мясной проблемы лежит только на пути усиленного строительства крупных животноводческих государственных и общественных хозяйств. Мы должны немедленно по-революционному, большевистскими темпами развернуть усиленное строительство животноводческих совхозов и колхозов. Темп этого строительства должен быть таков, чтобы уже в 1929/30 хозяйственном году поднять удельный вес социалистического сектора в товарном мясном скоте до 35—40%, вместо 1% в 1928/29 г. На пути социалистической реконструкции животноводства, мы неизбежно встретимся с еще большим сопротивлением, чем это было в зерновой проблеме, разных «ученых авторитетов» и правых уклонистов на практике, которые будут всячески тормозить выполнение этой крупнейшей работы. Не следует забывать, что тут мы встретимся не только с носителями кулацкого развития животноводства, но и носителями старых, дореволюционных традиций в сельском хозяйстве царской России в отношении развития животноводства вообще. Несмотря на то, что по абсолютному количеству стада мы занимаем первое место среди главнейших стран мира, в отношении же плотности мясного скота на душу населения и на гектар посева, мы занимаем самое последнее место среди этих стран. Этот факт помимо прочих, исторических, причин является результатом так называемого одностороннего зернового развития сельского хозяйства в дореволюционной России, когда животноводство систематически отодвигалось на второй план, вследствие чего плотность стада на душу населения из года в год систематически падала, а качество скота в лучшем случае было стабильным. Носители традиций такого направления в развитии сельского хозяйства перешли отчасти в наследство и в наш советский аппарат.

Превзойдя намного свои довоенные размеры и перегруппировавшись в социальном отношении, наше стадо мясного скота почти не претерпело по сравнению с дореволюционным временем никаких изменений в отношении плотности. Тенденция падения плотности скота сохранилась еще и в нашем животноводстве. То обстоятельство, что до самого последнего времени у нас чрезвычайно мало уделялось внимания животноводству и совершенно не отводилось специального внимания мясному животноводству и тот факт, что и партия и Советская власть должны были отдать сперва максимум внимания разрешению зерновой проблемы, — все это способствовало укреплению указанных выше взглядов на односторонность нашего сельскохозяйственного развития в практике работы нашего аппарата, работающего по с—ьскому хозяйству. Опыт показывает, что такого рода настроения не редки даже в совхозной и колхозной работе, они всячески противодействуют бурному развертыванию животноводства в социалистическом секторе. Прикрываясь зерновой проблемой, эти люди фактически игнорируют животноводческую проблему как самостоятельную крупную хозяйственную задачу, тоесть, оказываются в об'ятиях официальных традиций старого проклятого

времени в отношении животноводства. Сломать, уничтожить эти традиции есть одна из важнейших задач работы на мясном фронте. Они по существу тот же правый уклон, только наизнанку. С такого рода настроениями и практикой должна вестись самая жестокая борьба. Без решительного разоблачения такого рода настроений и беспощадной борьбы с ними мясную проблему разрешить нельзя.

За дело разрешения мясной проблемы должна взяться сама партия точно так же, как она это сделала в отношении зерновой проблемы. К активной борьбе за мясо, должны быть широко привлечены силы и опыт миллионных масс рабочих, колхозников, бедняцко-середняцких масс, точно так же, как они привлекались к борьбе за хлеб. Всемерное развитие и укрепление социалистического сектора в мясном деле, во всех его стадиях, вытеснение, выкорчевывание капиталистических элементов из этой области должно быть основной руководящей идеей в этой ответственной работе. Мясное дело более сложное дело, нежели хлебное, необходимо, чтобы партия, комсомольцы, передовые рабочие и колхозники немедленно начали учиться искусству борьбы за крупное государственное и общественное социалистическое животноводство, за крупную государственную социалистическую мясную промышленность.

Первое, с чего надо начать,— это увеличить количество скота в стране, повысить его плотность на гектар земли и на душу населения. Развернуть усиленным темпом строительство крупных животноводческих колхозов и совхозов, максимально поднять животноводство в старых совхозах и колхозах, специализировать каждое государственное и общественное животноводческое хозяйство на определенном виде скота. Обобществление стада, его максимальное увеличение должно составить одну из центральных задач во всей нашей работе по коллективизации сельского хозяйства. Необходимость добиться гигантского под'ема животноводства социалистического сектора со всей остротой ставит проблему комплектования стада. Социалистическое животноводство, должно развернуться в самостоятельную крупнейшую отрасль хозяйства, развивающегося на базе современной науки и техники. К этому должны быть приложены все усилия партии и рабочего класса. Мы не можем ждать, пока наличное стадо совхозов разовьется, так сказать, самотеком до желательных размеров, ибо в таком случае нам пришлось бы долго ждать того момента, когда социалистический сектор смог бы дать такое количество голов скота, которое от него требуется уже в 1929/30 году.

Уже в 1929/30 г. совхозы и колхозы по заданию правительства и партии должны сдать пролетарскому государству шесть с половиной миллионов голов мясного скота, что составит, примерно, пять-шесть миллионов центнеров мяса. Чтобы составить представление о размерах этого задания, следует помнить, что в истекшем 1928/29 году совхозы и колхозы отпустили только пятьдесят тысяч центнеров мяса. Совершенно очевидно, что выполнить эту задачу можно будет только при гигантском развороте совхозного и колхозного животноводства, усиленного строительства новых крупных животноводческих совхозов и колхозов. Отсюда во весь рост встает проблема комплектования мясного стада этого сектора путем максимальной коллективизации животноводства и усиленного пополнения наличного стада совхозов и колхозов. Быстрое решение этой задачи требует исключительного внимания к приплоду и молодняку всех видов скота. Ежегодно в стране убивается, примерно, свыше десяти миллионов телят, 12—13 млн. поросят и пятнадцать—двадцать млн. ягнят. Такое явление нельзя назвать иначе как хищническим истреблением скота. Сохранить от убоя этот контингент скота, сделать его резервом для укомплектования стада социалистического животноводческого сектора — это значит уже в этом году заложить прочные

основы для решения мясной проблемы. Все местные партийные и советские органы должны отдать исключительное внимание делу комплектования стада, делу сохранения и превращения молодняка в мощный резерв этого комплектования. Убой молодняка-скота должен быть прекращен. Борьба за социалистическое животноводство на данном этапе его развития предполагает и борьбу за животноводческий приплод и молодняк.

Наряду с увеличением поголовья мясного скота и социалистической его организацией не меньшее внимание должно быть уделено и технической (качественной) реконструкции мясного стада. Здесь, как и в промышленности, должна быть поставлена и в максимально короткий срок решена задача «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны.

Здесь должно быть прежде всего уделено внимание усиленному разведению скороспелых видов мясных животных (свиньи, овцы, кролики и др.), так как в этом отношении мы далеко отстали от стран капитализма.

Процент убойного контингента в стаде рогатого скота САСШ составляет 25%, у нас — он только 17%, это при хищническом уничтожении приплода, которого не знает Америка. Еще хуже обстоит дело со средним убойным весом туши. В САСШ средний убойный вес туши в 1927 г. был равен 222 килограммам, у нас этот вес в 1927/28 году составлял только 70 килограммов. Низкое качество скота, отсутствие одновременно скороспелых пород скота, почти полное отсутствие организованности стада—резко снижают мясной эффект нашего животноводческого поголовья по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Особенно ярко это видно на примере общего выхода мяса. Северо-Американские Соединенные Штаты, располагая в 1927 году стадом крупного рогатого скота в количестве 57 млн. голов, получили в том же году от этого стада 3 с лишним млн. тонн мяса. Советский же Союз, располагая в 1927/28 году поголовьем крупного рогатого скота в количестве 67 млн. голов, получил за этот же год от этого стада один миллион с небольшим тонн мяса, т.-е. располагая поголовьем крупного рогатого скота большим, чем САСШ, на 18%, мы получили от этого поголовья в три раза меньше (кругло) мяса, нежели САСШ получили от своего стада. Налицо огромнейшие народнохозяйственные потери. Эти потери равны по нашим современным ценам на мясо одному миллиарду двустам млн. рублей в год. Отвоевать эту колоссальную потерю у нашей животноводческой отсталости, у проклятого старого рутинного царского наследия есть крупнейшая революционная задача.

Понятно, что победа на этом участке будет обеспечена только тогда, когда вся партия, рабочий класс, все трудящиеся массы страны отдадут этому делу максимум сил и внимания. При этом условии задача может быть решена успешно в течение первых пяти лет. Только социалистическая реконструкция советского животноводства позволит ликвидировать мясные затруднения и обеспечит полное и планомерное мясное снабжение рабочего класса и трудящихся. Только это позволит догнать и перегнать передовые страны капитализма. Этой основной задаче должна быть подчинена и вся текущая работа по преодолению текущих мясных затруднений.

В связи с этим основным условием проведения всех вопросов мясного снабжения страны должно быть не только сохранение нормального прироста стада в стране, но возможно большее увеличение его.

Решить эту задачу можно только при широкой постановке работы по откорму и нагулу мясного скота, при решительном прекращении убоя молодняка. Для этой цели должны быть использованы все кормовые средства, имеющиеся в государственных и общественных организациях, не занимающихся животноводством. Отходы пищевой промышленности (сахарная, мельничная, маслодельная, винокуренная и др.) и общественного питания могут составить серьезную основу для крупнейшей производственно-хозяйственной работы по откорму скота, что даст возможность при одном и том же поголовьи получить крупнейший привес мяса. По плану Наркомторга откормочные и нагульные операции скота должны дать в 1928/29 году привес на заготовленное поголовье 500 тысяч тонн мяса. В настоящее время эти кормовые отходы фактически не используются. Так, например, в настоящее время Сахаротрест почти все отходы своего производства, так называемого «жома», составляющего прекрасное кормовое средство для скота, раздает плантаторам или им откармливают собственный скот служащие и рабочие сахарных заводов. Количество отходов жома ежегодно составляет, примерно, 25—30 млн. центнеров. Еще хуже обстоит дело с отходами других видов пищевой промышленности и особенно с отходами общественного питания, которые просто выбрасываются. Запроектированный Наркомторгом привес скота реален, но для его осуществления необходимо вынести задачу откорма, особенно свиней, из рамок ведомств и сделать ее важнейшей политической и хозяйственной задачей широчайших рабочих, партийных и комсомольских масс. Пятьсот тысяч тонн мяса — это по нашим ценам 300 миллионов рублей. В поход за это дело должны быть направлены ударные бригады рабочих, работниц, комсомольцев, колхозников. Руководство этим важнейшим делом должны взять на себя партийные организации.

Успешное выполнение всех мероприятий по мясному снабжению страны в 1929/30 г. требует полного вытеснения частника с заготовительного мясного рынка. Частник ведет рваческую работу в мясном деле, ведущую к хищническому уничтожению стада. Между тем в 1928/29 году удельный вес частников в мясозаготовках страны в среднем составлял 33—35%, доходя в ряде районов до решающего перевеса над социалистическим сектором.

Реконструкция животноводства требует неотложного строительства крупной мясной промышленности, организованной на базе достижений современной техники и науки. В настоящее время эта промышленность находится в кустарном состоянии, в результате чего убой скота в стране носит примитивный, граничащий с хищничеством, характер, при котором отходы убоя фактически не используются, а обработка мясной продукции такова, что ценность ее теряется в значительной степени. Все это влечет, конечно, колоссальные потери средств и валюты на возможностях экспорта переработанных отходов убоя.

Развитие крупной мясной промышленности есть важнейшая гарантия успешной и скорой социалистической реконструкции всего мясного дела страны. Решение ЦК уделяет этому вопросу исключительное внимание. Строительство мясных комбинатов, боен, холодильников, консервных, колбасных, утилизационных и прочих заводов мясной промышленности должно развернуться в крупнейшую народно-хозяйственную работу. В текущем году в мясное дело страны должно быть вложено около 300-х миллионов рублей. Сумма этих вложений будет, несомненно, возрастать из года в год. Делу строительства предприятий мясной промышленности, откормочных и приемочных пунктов и скотных мясопромышленных баз партийные и советские организации должны отдать такое же внимание, как и делу животноводства и взять это дело под свое непосредственное руководство. Мы должны в текущем году вложить в новое строительство мясной промышленности около ста миллионов рублей, тогда как в прошлом году это вложение едва превысило десять млн. рублей. Все это требует от нас особого внимания к этой отрасли работы. Нам необходимо в минимальный срок создать социалисти-

ческую мясную промышленность, догнать, а потом и перегнать передовую в этом отношении капиталистическую страну Америку, использовать в этом деле достижения американской и европейской техники.

Одновременно с новым строительством необходимо решительно взяться за реконструкцию существующих боенских и других мясных предприятий, за рационализацию мясной промышленности, решительно и смело изгоняя из этого производства еще глубоко коренящиеся в нем традиции примитивности, рутинности, традиции отживших дедовских порядков. Реконструкция мясной промышленности требует и соответствующей перестройки работы транспорта. Решение ЦК требует ограничения перевозки скота в живом виде двухдневным пребыванием в пути. В настоящее время скот в пути при перевозках по железной дороге находится от 5 до 16 дней, вследствие чего теряет в весе от 5 до 20%, не говоря уже о нерациональном использовании габарита, вагонов и пр. Переход снабжения основных потребляющих районов на мороженое мясо вызовет не только массовое строительство холодильников и мясных комбинатов, но и потребует соответствующей реконструкции транспорта, как-то: усиленного строительства изотермических вагонов, пароходов-рефрижераторов, организации ледохранилищ, создания изотермического автотранспорта, увеличения скорости перевозок скота в живом виде и др. Все эти мероприятия должны быть осуществлены в кратчайший срок. Проблема мяса, поставленная Центральным Комитетом партии может быть в целом решена только при условии создания соответствующего кадра работников мясного дела. Для этой цели партийные организации должны выделить на мясную работу лучших проверенных на боевой работе людей. Одновременно необходимо широко развернуть работу по подготовке и переподготовке кадров работников мясной промышленности. Организация специальных курсов, конференций, посылка за границу на практику для использования и перенесения на советскую почву лучших образцов западно-европейской и американской техники в мясном деле, привлечение лучших иностранных инженеров и техников как для постоянной работы, так и для консультации, — все это должно быть широко развернуто в практике решения мясной проблемы. Вместе с тем необходимо организовать новые и реорганизовать существующие высшие и средние учебные заведения по подготовке квалифицированных работников мясного дела применительно к новым задачам в этой отрасли хозяйства, поставленным решением ЦК партии от 20/XII 1929 г.

В настоящее время проблема кадров мясного хозяйства приобретает особое значение. Подбору, воспитанию, подготовке и организации людей, которые должны будут практически на деле решать задачу, поставленную ЦК, местные организации в животноводческих и мясопромышленных районах должны отдать свои лучшие силы. Это есть одно из серьезнейших условий, при котором проблема мяса будет решена полностью и в кратчайший срок.

Для успешного разрешения мясной проблемы ЦК партии и СТО постановили предоставить Наркомторгу СССР права общесоюзного наркомата и организовать специальное государственное всесоюзное мясопромышленное об'единение — «Союзмясо», которое концентрирует в своих руках распоряжение всем заготовленным товарным мясным скотом, всеми плановыми мясными ресурсами, весь промышленный убой скота, переработку отходов убоя и мяса и все снабжение мясом и мясопродуктами основных плановых потребителей.

Создание такой мощной организации, как единого хозяйственного мясного центра и признание мяса и мясопродуктов продуктом общесоюзного значения (на ряду с организацией крупного государственного и общественного мясного животноводства), подводит крепкую базу под мясное дело Союза и, несомненно, ускорит разрешение мясной проблемы, как этого требует решение ЦК. Местные партийные, советские, профессиональные и пр. организации должны приложить максимум усилий к тому, чтобы обеспечить выполнение в срок и полностью этого решения. Необходимо решительно бороться с местническими и ведомственными тенденциями, глубоко сидящими в мясном деле в силу его кричащей отсталости, распыленности, кустарности с тем, чтобы ускорить организацию намеченных ЦК мясопромышленных и животноводческих об'единений.

Сельскохозяйственная и потребительская системы кооперации, как пайщики государственного мясопромышленного об'единения, должны ускорить передачу своих мясопромышленных предприятий в «Союзмясо» с тем, чтобы центр своей работы перенести: с.-хоз. кооперации — на выращивание скота, а потребительской — на розничное распределение мяса и мясопродуктов и обеим системам — на заготовку мясного скота непосредственно в своих первичных звеньях, вытесняя частника с мясозаготовительного рынка. Решение Центрального Комитета ставит и требует решения мясной проблемы по-новому. Оно требует иного, совершенно нового разделения труда государственных и кооперативных организаций. Вытекающую из этого постановления перестройку работы и разделение труда необходимо как можно скорее осуществить. Мясная проблема поставлена ЦК нашей партии в центре внимания всей продовольственной работы партии, с тем, чтобы в течение пятилетия поднять мясное дело страны на уровень техники передовых капиталистических стран Европы и Америки, ликвидировать частнокапиталистический сектор и организовать все мясное дело страны на социалистической основе.

Среди крупных частей народного хозяйства мясное дело есть самая отсталая часть, решение ЦК включает и в него трансмиссию социалистической стройки.

Решение Центрального Комитета партии впервые открывает в таких грандиозных размерах совершенно новую страницу во всей истории нашего животноводства, во всем мясном деле.

Задача сейчас заключается не только в том, чтобы политически понять этот вопрос, но так же и в том, чтобы повседневной практической работой претворить это решение ЦК в жизнь. Для победы на мясном фронте должны быть брошены лучшие силы партии и рабочего класса. Мясной проблеме должно быть отдано заслуживающее всеобщее внимание. Только при этом условии будет обеспечена победа на этом важнейшем участке фронта. Для организации этой победы партийные организации должны изучить мясное дело так же, как они изучили хлебное дело, они должны отдать мясной проблеме максимум сил, как они отдают их для хлебного фронта.

Г. Сафаров.

Кризис „организованного капитализма“.

I. Биржевой крах и финансовая олигархия.

Экономический кризис в Соединенных Штатах стал фактом. Процветание, «просперити», лопнуло, как мыльный пузырь. Уже сколачиваются рекламные миллиарды для спасения «процветания», так «неожиданно» потерпевшего крушение.

В Соединенных Штатах скопилось до $^1/_3$ десятимиллиардного мирового золотого запаса, американские капиталы, вложенные за границей, достигают суммы 15 миллиардов, Америка дала пять с половиной миллиардов на стабилизацию капиталистической Европы, в руках Америки — одна шестая часть всей мировой торговли. С этой высоты катится теперь под гору американский капитализм, увлекая в своем падении младших братьев. Сказочные миллиарды не спасли от кризиса, империалистическая мощь не смогла предотвратить катастрофы!

Американское «процветание» было главным — материальным и идеологическим — оплотом прочности капиталистической стабилизации. В долларе, — с точки зрения всей мировой буржуазии и всего мирового социал-фашизма, — сосредоточилась животворная сила современного капитализма. На доллар молился весь капиталистический мир. Гильфердинговская теория «организованного капитализма», рабски перенятая и правыми оппортунистами, опиралась на американское «процветание», как на свою исходную предпосылку. Убеждение в непреоборимой силе доллара было до сих пор так широко распространено, что первые известия о биржевой катастрофе в Нью-Йорке даже некоторыми коммунистами были встречены с недоверчивым сомнением: очевидно это — только драматический эпизод на бирже, но отнюдь не предвестник надвигающегося кризиса. Еще четверть века назад Соединенные Штаты прославлялись Зомбартами и К°, как страна «без социализма и классовой борьбы». В послеоктябрьский период всемирной истории социальная гармония в Северной Америке стала символом веры всех контрреволюционных буржуа и мещан. Жалкий ренегат коммунизма, Ловстон, в своей социал-демократической теории исключительности, провозгласил «неприкосновенность» американского капитализма для классовой борьбы: если есть развитие классовых противоречий, то только не под сенью доллара; если есть борьба классов, то только не у Гувера; если есть фашистско-реформистское развращение рабочего класса, то только не в стране «цветущего» капитализма. Теория американской «исключительности» стала ходячей монетой практического и теоретического одурачивания масс.

Бесплодная немецкая буржуазная социология доставила не мало комических примеров «путешествий в Америку» [1]. Убеждение в том, что «перв

[1]) «Взять хотя бы, вышедшую совсем недавно книжку Шарлотти Люткенс «Общество и государство в Соединенных Штатах». Рьяная Шарлотта с редким

редовой» капитализм может вывести все свои противоречия за ворота, на внешнюю арену, и таким образом, обезопасить борьбу классов внутри, легло в основу право-оппортунистической теории.

Кризис в Соединенных Штатах, одновременно, и—кризис «организованного капитализма», новая полоса в развитии противоречий третьего периода, вводная глава к общему кризису капиталистической стабилизации.

Известный отчет гуверовской комиссии о «последних экономических изменениях в Соединенных Штатах» дал своеобразную философию процветания. Это был «научный» подарок на зубок новорожденному президенту. Увы! Не прошло и пары—другой месяцев, как все «философски-незыблемые» положения полетели к чорту, и многие авторы гуверовского отчета спешат убраться в кусты. Они уже не верят в успех гуверовских рецептов спасения «просперити».

> «Нам не следует ждать чудес от вашингтонских и гуверовских совещаний с главарями американского делового мира», вздыхает Лео Вольман.—Конечно, надо вернуть веру в себя американскому капиталу, но «каждый за себя, а бог за всех»: сомнительно, чтобы какой-нибудь высший Экономический Совет или американизированный госплан, при современном состоянии наших знаний (!), могли бы выдвинуть более удовлетворительную программу и достичь большего» [1]).

Создать настоящий капиталистический госплан, как увенчание «организованного капитализма»,—такова была «мечта» участников гуверовской комиссии. Кризис заставил их впасть в агностицизм.—Мы не знаем, что будет, мы не можем знать. Госплан? Такие вещи удаются только бесстрашным большевикам. Ведь этим ниспровергателям не приходится бояться за падение курса акций на бирже.—Вольманы, Митчелли и другие сподвижники гуверовского отчета буквально не говорят этого, но они уже ханжески поджали губы, они уже не верят, что американскому капитализму под силу такая же экономическая «организованность», как и большевикам. С обесцененными акциями приходится выметать в мусорный ящик и разбитые иллюзии.

Мы вправе записать это в счет наших достижений. Мы шагаем через целые исторические формации, шагаем через годы в будущее, а они боятся заглянуть на несколько месяцев вперед! У них—огромные богатства и технические возможности, доставшиеся им благодаря грабежу.

> «На каждом долларе,—писал тов. Ленин американским рабочим,—ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся первыми из душителей слабых народов всего мира» [2])

К этим гневным строкам 1918 года можно добавить: на каждом долларе—кровь и грязь 11 последующих лет, кровь венгерской коммуны и китайской революции, грязь планов Дауэса и Юнга, кровь и грязь клубка событий, приведших мир от Версальского «мира» к стабилизации с Муссо-

усердием доказывает, что, несмотря на высокий уровень технических достижений американского капитализма, последний все еще невинен, как годовалый младенец и не ведает иной диференциации, кроме... разделения города и деревни. (Немецк. изд. 1929 г.) Однако стоит ли удивляться немецким старым девам, если идея «несоответствия» технического прогресса и классового расслоения нашла свое отражение и в бухаринской теории «организованного капитализма».

[1]) «Nation». II. XII—1929.

[2]) Ленин. Т. XXIII. Изд. Инст. Ленина

лини, Цергибелями, Шоберами и т. д. Из этой крови и грязи выросло американское «просперити». Его апостолы, познавшие теперь классовую меру сил своих, публично признают это, сожалея, что уже нельзя превращать оторванные руки и ноги в мясные консервы, в corned beef.

> «Правительство, в настоящее время,— горюет Лео Вольман,— не может действовать как правительства времен войны и создавать быстро расширяющийся рынок для всех товаров и всякого рода услуг...» [1]).

Правда, Гувер стремится гарантировать свободу мировой спекуляции продовольствием в период будущей мировой бойни. Суда свиных и пшеничных королей должны быть приравнены к красному кресту! Однако гарантии на будущее еще далеки от текущего момента. А сейчас американскому капитализму приходится плохо. Для нас американский кризис представляет огромный интерес и с точки зрения общих исторических судеб капитализма, и с точки зрения особого третьего этапа развития послевоенного капитализма. Одно нельзя отделить от другого. Американский кризис—звено, отрезок нисходящей линии развития мирового капитализма. Без этого он не может быть понят. Но, с другой стороны, этот кризис—«нормальный» кризис перепроизводства в условиях третьего периода. Он соединяет в себе черты «нормально» повторяющихся экономических кризисов с особенностями, привнесенными монополистическим капитализмом, и — притом — монополистическим капитализмом 1929 — 30 г.

Конечно, биржевой кризис возможен и без промышленного кризиса. Он может быть и не связан с ним. Однако в эпоху финансового капитала нельзя ограничиваться одним этим общим положением. В эту эпоху кредит и фиктивный капитал приобретают гораздо большее значение, чем в прежнее время. Уже в III томе «Капитала» Маркс подчеркивал способность кредитной системы «развивать двигательную силу капиталистического производства, обогащение эксплоатацией чужого труда, до чистейшей и колоссальнейшей системы азарта и мошенничества» [2]). Само собой понятно, что рост финансовой олигархии раздувает это стремление до крайних пределов.

> «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала, есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров. Преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногих государств, обладающих финансовой мощью из всех остальных» [3]).

Развитие обогащения эксплоатацией чужого труда до «колоссальнейшей системы азарта и мошенничества» требует колоссального многообразия способов привлечения денежных средств в спекуляцию. Связи этого рода, широкие пути, обходные колеи и потайные тропинки охватывают весь земной шар, простираются до последней прадедовской шкатулки в каком-нибудь штате Тенесси. Зато и потрясение этих связей вызывает огромные и неожиданные последствия, миллиарды, хотя и фиктивных ценностей, перестают повиноваться. За биржевыми судорогами вскрываются промышленная заминка, а затем и приближение кризиса; происходит моментальное превращение всевластия финансовой олигархии в бессилие жалких мародеров.

[1]) «Nation», II. XII—1929.
[2]) Том III, ч. I, стр. 427.
[3]) Ленин. т. XIX. Изд. Инст. Ленина, стр. 118.

Они не могут спасти процветание и, потому, торопятся обобрать финансовую «демократию», те самые раздутые «17 миллионов акционеров», которыми так хвастался гуверовский отчет.

Нельзя отделить финансовую олигархию от спекуляции [1]). Нельзя отделить биржевой крах и начало промышленного кризиса в Соединенных Штатах от рантьерского загнивания американского капитализма, от того, что его «процветание» явилось продуктом финансового закабаления целых народов.

Биржевой крах, с отвлеченно-теоретической точки зрения,—только апельсинная корка. Однако именно на этой апельсинной корке скорее всего должен был поскользнуться американский «финансовый цезаризм», как он еще недавно величал себя [2]).

II. Перепроизводство товаров при „организованном капитализме“.

Не кто-нибудь, а председатель торговой палаты Соединенных Штатов Юлиус Бэрнс (Barnes) жалобно констатирует, что

> «Первоначальным стремлением американского делового мира никогда не было перепроизводство, он стремился лишь к поддержанию покупательной способности, которая образует рынок для продуктов промышленности. В этом—проблема сегодняшнего дня. Мы не хотим перерыва в превращении этих продуктов в предмет потребления» [3]).

Бэрнс хочет подкупить своей наивностью. Он, видите ли, только теперь столкнулся с капиталистическим перепроизводством и ему кажется, что это перепроизводство абсолютное. Однако ведь превращение продуктов промышленности в предмет потребления требует платежеспособного спроса. Таким образом, Бэрнс только притворяется: как председатель торговой палаты он должен особенно хорошо различать платежеспособный спрос от необоснованных притязаний! При капитализме, по словам Маркса,

> «границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны, напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления» [4]).

Однако это расширение границ имеет свои пределы, когда напряжение сменяется сокращением производства, кризисов.

Американский капитализм, как типичная форма монополистического капитализма, оживляет кое у кого в голове старую заезженную туган-барановщину. Технологическая или структурная безработица, вообще развитие постоянной безработицы во всех капиталистических странах, естественно, наталкивает на такое «оправдание капитализма»: машина, мол, заменяет рабочего не только в качестве рабочей силы, но и в каче-

[1]) «Уорльд Туморро», разумеется, лишь по невежеству «об'ясняет» приостановку строительства спекуляцией. Признаки «утомления» в промышленном темпе, выразившиеся в числе прочего и в приостановке строительства, должны были раздуть спекуляцию до катастрофических границ, ибо из всех видов «помещения» капитала, строительное дело — самое прибыльное.

[2]) Недаром же обнаружила роковые колебания такая показательная статья, как расходы американских туристов во Франции: они упали с 200 миллионов долларов в прошлом году, до 160 миллионов в этом году,— на одну пятую!

[3]) «Financial Chronicle», 23 XI.

[4]) К. Маркс. «Капитал». Т. III, ч. 2, стр. 21.

стве потребителя. Машина позволяет не особенно смущаться низким заработком рабочих и не бояться кризисов.

Нет нужды повторять старые доводы против туган-барановщины. Даже Юлиус Бэрнс понимает, что машина не уничтожает «проблематику рынка». В известных рамках общественное производство может обгонять общественное потребление. Однако, в конечном счете это несоответствие, как и неравномерное развитие отраслей дают знать о себе, со всей резкостью, и тогда Бэрнсы начинают клясться, что в их намерения не входило перепроизводство. Более быстрая амортизация основного капитала в результате технического прогресса делает более частыми подземные толчки кризисов, а вовсе не заменяет их нежными прикосновениями легкого ветерка в жаркий день, как склонны думать даже иные горе-коммунисты.

В самые блестящие времена «процветания» американский капитализм не мог вывести из полузастойного состояния ни свою хлопчатобумажную промышленность, все больше терпевшую от конкуренции искусственного шелка, ни свою угольную промышленность, теснимую нефтью и белым углем. Развитие производства средств производства, с одной стороны, приводит к монополиям, а с другой—усиливает неравномерность всего хода хозяйственной жизни, его неустойчивость. На первый план выдвигается тяжелая индустрия, которая с помощью всякого рода трестов собирает дань с других отраслей хозяйства, и, прежде всего, с земледелия. Недаром Нурс, в гуверовском отчете, без всяких обиняков, заявляет:

«Страна в целом (!) выиграла от цен на сельскохозяйственные продукты, слишком низких, чтобы вознаградить как следует производителя» [1].

Подводя общий итог, там же Митчель отмечает:

«отчет полон резких контрастов. Потребление в целом возросло, но потребление ряда массовых товаров сократилось. Хотя в широком смысле торговля процветала, известные отрасли были вялы, именно кораблестроение, производство железнодорожных материалов, сельское хозяйство; в несколько меньшей мере — текстиль, уголь и обувная промышленность. Заработок на заводах увеличился, но число занятых рабочих уменьшилось. Прибыли были велики, но был и ряд банкротств. Огромные массы золота притекали в страну, но оптовые цены сильно снижались за этот период. Доходы в целом росли, но важные части страны, мало выиграли от этого, а ряд профессий терпел и убытки» [2].

Эта пестрота процветания отражает его условный характер: «процветание» не устранило, но развило все противоречия капитализма.

«Увеличение рискованности [3]) связано в конце концов с гигантским увеличением капитала, который, так сказать, льется через край, течет заграницу и т. д. А вместе с тем усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов» [4]).

Это не подлежит никакому сомнению. Энгельс пророчески указывал на это:

«Ежедневно увеличивающейся быстроте, с какой ныне во всех отраслях крупной промышленности растет производство, противопоставлена постоянно увеличивающаяся медленность расширения рынка для этих умножившихся продуктов. Что промышленность создает в месяцы, то рынок едва может потребить в несколько лет. Сюда же присоединяется политика охранительных пошлин, при помощи которых каждая промышленная страна огораживает себя от всех других и в особенности от Англии и еще искусственно повышает естественное

[1]) Recent Economic Changes. Volume. II. p. 601.
[2]) Там же, стр. 841.
[3]) В приложении капитала.
[4]) Ленин. т. XIX, стр. 92.

производство. Следствием этого является общее хроническое перепроизводство, низкие цены, падающая и даже вовсе исчезающая прибыль»... [1]).

Американские капиталисты ревниво следят за всеми источниками получения сверхприбыли, предоставляя другим испытывать неприятности от «исчезающей прибыли». Но снижающиеся цены характерны для всего мирового капитализма в послевоенный период и даже американское процветание не могло прорвать этого заколдованного круга.

Вот индексы оптовых цен (в золоте):

	Соединенные Штаты (1926 = 100)	Великобритания (1913 = 100)	Япония (1913 = 100)	Канада (1926 = 100)	Индия (июль 1914 = 100)	Польша (янв. 1914 = 100)	Чехо-Словак. (июль 1914 = 100)	Германия (1913 = 100)
1926 г. . . .	100	148	169	100	168	105	139	134
1927 „ . . .	95	141	162	98	165	119	143	138
1928 „ . . .	98	140	159	97	163	120	143	140
1929 г.:								
Январь . .	97	138	157	95	166	116	139	139
Февраль . .	97	138	155	96	168	117	139	139
Март . . .	98	140	153	96	165	117	141	140
Апрель . .	97	139	152	94	161	116	141	137
Май	96	136	151	92	157	113	137	136
Июнь . . .	96	136	148	93	—	113	134	135
Июль . . .	96	137	—	—	—	—	—	138 [2])

Американская буржуазия взяла себе за правило говорить громкие фразы о «новой промышленной революции», поддевая на них г.г. Ловстонов и правых оппортунистов. Но именно технические достижения загоняют капитализм в тупик, лишают его равновесия, бросают в об'ятия кризисов, вырывая, в то же время, все более и более глубокую пропасть между классами, между эксплоататорами и эксплоатируемыми. «Конфликт между расширением производства и увеличением стоимости» растет неудержимо. Дело не только в том, что капитализм послевоенного времени «воспроизводится» на основе нищенского уровня жизни рабочего класса и при постоянной безработице (в С.-А. С. Ш. в «нормальное» время до 3 миллионов безработных) дело также в том, что прогресс производства все сильнее увеличивает разрыв между расширением производства и платежеспособным спросом, ограниченным классовым пайком и неравномерностью между различными отраслями. Приближение промышленного кризиса всегда делает тайное явным.

Приведем данные «Анналиста».

	Октябрь 1928 г.	Сентябрь 1929 г.	Октябрь 1929 г.	Ноябрь 1929 г.
Производство чугуна	111,2	119,7	112,9	103,7
„ стали	112,7	117,1	104,5	89,1
„ электроэнергии	103,1	102	102,8	—
„ угля	92,9	96	93,5	91,4
„ автомобилей	122,1	128,7	115,5	78,8
Потребление хлопка	106	103,6	108,7	90,7
„ шерсти	100,1	114,6	117,8	—
Производство сапог	100	110.1	110,1	—
„ цинка	96,7	103,7	94,2	87,8
Комбинированный индекс	103,6	105,8	103,5	93,5 [3])

[1]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 423.
[2]) Vierteljahrshefte zur Konjunkturfozschung. 4 Jahrgang. Heft 2. Teil 8. Berlin. 1929.
[3]) № от 18 декабря.

Цены на литую сталь (за тонну) в ноябре 1928 г. были 17,16 доллара, в сентябре этого года—18,06, в октябре—17,25, в ноября 15,93 [1]. К 26 октября стальная промышленность была загружена на 80%, к 7 декабря на 67%. Производство автомобилей упало с 429.514 штук в сентябре до 394.465 в октябре и 214.400 в ноябре [2]).

Сокращение доходов железных дорог шло следующим образом:

			%
4-я неделя	сентябрь	(7 дорог)	9,10
1-я "	октябрь	(8 ")	16,53
2-я "	"	(8 ")	15,58
3-я "	"	(7 ")	12,41
4-я "	"	(8 ")	19,56
1-я "	ноябрь	(7 ")	12,53
2-я "	"	(8 ")	23,18
3-я "	"	(7 ")	18,11
4-я "	"	(5 ")	24,38 [3])

Оптовый индекс цен упал с 146,2 (15 октября) до 140,9. Добыча нефти сократилась до 60%. Если, в среднем, за октябрь, по данным совершенно неудовлетворительной американской статистики труда, число работающих уменьшилось на 1,2%, то в декабре печать уже открыто заговорила о массовых сокращениях об увеличении армии безработных на 400 тысяч человек и т. д. «Hand to mouth buging», покупки на скорую руку, избавляют американский капитал от перепроизводства товаров. Производство работает на непосредственный спрос.—Так гласит одно из «открытий» гуверовского отчета. Стыдно сказать, а грех утаить находятся экономисты—марксисты и даже коммунисты, которые видят в этом «модификацию» кризисов при монополистическом капитализме. По их мнению, не происходит перепроизводства товаров, а происходит лишь перепроизводство... основного капитала. Как будто капитал в Америке работает только на заказчика, игнорируя обширные размеры внутреннего рынка и, еще более значительные, рамки мирового рынка! Как будто ему не грозит перепроизводство также и оборотного капитала, как будто американский капиталист покупает уголь с барки, а нефть в соседней нефтелавке!

Если бы было так, то цены товаров, колебания в загрузке предприятий, доходы железных дорог, и т. д. не обнаруживали бы таких скачков. Не было бы того «полета пятами вверх», который совершает на глазах у всех американское «процветание». Концентрация капитала позволяет верхушкам финансовой олигархии на известное время загонять болезнь внутрь, перекладывать на плечи рабочих и более обделенных отраслей накладные расходы, проистекающие от рассрочки кризиса. Но какое бы перераспределение производительных сил между разными отраслями ни происходило, как бы капитал ни пытался вытянуть восходящую линию конъюнктуры путем развития особо привилегированных отраслей, в конце концов все же приходит расплата по счетам. Нельзя поймать собственную тень, нельзя капитализму уйти от присущих ему противоречий, которые во время кризисов только выступают наружу в более концентрированном виде. И характерная вещь: стремительно скатываются под гору как раз те отрасли, которые перед тем испытывали особенно бурный рост; конкретно в Соединенных Штатах такими отраслями оказались железоделательная, сталелитейная и автомобильная промышленность. Своеобразные особенности нынешнего перепроизводства товаров сказались, между прочим, и в том, что

[1]) «Анналист», от 13 декабря.
[2]) «Анналист», от 6 декабря.
[3]) «Анналист», №№ от 6 и 13 декабря.

«предложение подержанных автомобилей сразу скакнуло вперед» [1]). Отягчающим товарным запасом оказалось то, что вчера еще составляло лишь предмет личного потребления.

Понять своеобразие американского кризиса необходимо для того, чтобы не скатиться в болото теорий «организованного капитализма»; для того, чтобы правильно определить тенденции развития классов и классовой борьбы в международном масштабе. Понять это своеобразие можно только с точки зрения ленинской теории,—ленинской теории империализма, в первую очередь:

> «...Монополии,—учил Владимир Ильич,—вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю» [2]).

Международное революционное значение американского кризиса вытекает уже из одного того, что это—кризис в цитадели мирового капитализма, что этот кризис—продукт неравномерности и противоречий послевоенного развития капитализма. Монополистический характер американского капитализма накладывает отпечаток на подготовительную ступень и ход этого кризиса во многих отношениях. Глашатаи теории «организованного капитализма» отделяют организационную форму,—монополистический учет производства товаров, регулирование рынка и кредита трестами и банковскими верхушками,—от частнособственнической основы этого учета и регулирования. Вот почему классовый анализ у них автоматически подменяется адвокатской защитой капитализма. В действительности, растущее обобществление производства в результате концентрации капитала не служит гарантией устойчивости буржуазного общества но, наоборот, является источником более частых и глубоких кризисов. Понижательная тенденция цен, постоянная армия безработных, увеличиваемая «технологической» безработицей, ожесточенная конкуренция, несмотря на монополию, конкуренция, принимающая характер прямой борьбы отраслей и районов народного хозяйства друг с другом, обострение борьбы на мировой арене,—все это показатели скрыто существующего хронического перепроизводства, все это доказательства легкости перехода от этого скрытого перепроизводства к явному кризису. Спекуляция ценными бумагами, в этой связи, оказывается средством обхода закона тенденции нормы прибыли к понижению. На ряду с вывозом капитала, это самовозрастание фиктивного капитала становится равноправным источником получения сверхприбылей. В этом находит свое выражение загнивание капитализма.

Второй Интернационал еще и по сию пору славословит американский капитализм, как капитализм, развивающийся по восходящей линии. Правые уклонисты подражают ему. Если взвешивать исторические факты только с точки зрения поверхностных явлений, такой взгляд еще недавно мог претендовать на некоторую убедительность. Но теперь даже и с этой точки зрения он теряет почву под ногами. При кризисах, как известно,

> «часть капитальной стоимости, находящаяся просто в форме свидетельств на получение доли будущей прибавочной стоимости, прибыли, в действительности представляющая различные формы долговых обязательств на производство, обесценивается тотчас же за уменьшением доходов, на которые рассчитана эта часть. Часть наличного золота и серебра лежит без употребления, не функционирует как капитал» [3]).

[1]) Wirtschaftsdienst, Heft 49, 6 Dezember. 1929.
[2]) Ленин, т. XIX, стр. 142.
[3]) К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, стр. 235.

Американская кредитная система еще не лопнула. Американский капитал накопил достаточно внушительное количество миллиардов, чтобы обанкротиться с первого удара. Но отлив золота в Европу происходит.

«Потеря пол-биллиона золота, безусловно, в пределах возможного; может уйти и больше». Таково мнение «Анналиста».—За неделю до 21 ноября включительно произошло 292 банкротства, каждое на сумму свыше 5.000 долл. В прошлом году к этому же времени было 270 банкротств. Соответствующие данные для Канады на те же сроки — 31 банкротство в 1929 г., 19 — в прошлом [1]).

Крах американского «процветания» очень чувствительно ударил по Южной Америке, где американский капитал играет весьма внушительную роль. Аргентина прекратила платежи золотом, в несомненной связи с тем, что Соединенные Штаты проявили желание репатриировать часть своего золота из Аргентины. «Таймс» старается быть спокойным: английскому капиталу есть что терять в Аргентине!—«Аргентина—богатая страна, и хотя сельскохозяйственные округа пострадали от засухи и господствуют низкие цены, нет оснований для беспокойства» [2]). Однако уже через один номер «Таймс» сообщает о падении аргентинских железнодорожных акций. Падение цен на хлеб, добивающее американского фермера, вносит крайнюю неустойчивость во всю хозяйственную жизнь Канады, Аргентины и Австралии. Сельскохозяйственный кризис громко стучится в ворота.

Европейские буржуа пытались сделать хорошую мину в плохой игре. Понижение ссудного процента должно, мол, оживить промышленную деятельность. Американские миллиарды снова оплодотворят недужную стабилизацию. Они как будто забыли о скрытом хроническом перепроизводстве товаров, об обострении конкуренции в результате большой «заинтересованности» американского капитала в европейских делах, о сплетении хозяйственной жизни Европы с делами американских трестов и банковских концернов. В Германии цены промышленных товаров (1913 г. = 100) снизились с 159,9 в ноябре 1928 г. до 156,5 в ноябре 1929 г., число безработных в профсоюзах в октябре этого года было 10,9%, в ноябре 13,8% [3]). В Англии, которая все топчется у довоенного уровня, не будучи в силах перешагнуть его, число безработных с 9,9% в июле дошло до 11% в ноябре,—при содействии Томаса и К°. Кризис в Польше ни для кого не составляет тайны. Столь же не блестящи дела у Муссолини. В Японии все признаки назревающего кризиса. Этот список можно было бы продолжить довольно долго, его можно было бы дополнить обстоятельным описанием развития кон'юнктуры, но это не входит в нашу задачу. Барометр мирового капиталистического хозяйства показывает дурную погоду, которая еще более резко ухудшится как только «исполнятся сроки» и влияние американского кризиса скажется с полной силой.

«Die Erde ist rund». Земля кругла. Массы прибылей со всех концов земного шара родили американские просперити и, вместе с тем, сделали неизбежным его крах. Крах просперити волнами разойдется по всей земле и действие внутренних сил сольется с потрясением мирового рынка. Недооценка международного значения американского кризиса равносильна недооценке империалистической природы американского капитализма.

[1]) № от 29 ноября.

[2]) «Таймс», от 18 декабря.

[3]) «Der Deutsche Oekonomist», 23. XII. 1929. Последние газетные известия говорят о массовых увольнениях рабочих.

III. Гуверовский фашистско-империалистский „национальный трест"

«Совещание стального треста Соединенных Штатов и Вифлеемской стальной компании, Форда и Дженераль Моторс, Стандарт Ойль и Дюпона с целью делового обсуждения рыночных перспектив,— восторгалась недавно газета «Чикаго Трибюн»,— новое событие в истории Соединенных Штатов. Собираться при участии президента, окруженного руководителями ведомств, намечать широкую программу, опирающуюся на поддержку организма, не являющегося ни законодательным органом, ни об'единением частной инициативы, брать на себя публичное обязательство руководиться его указаниями при ведении дел, все это — вещь, доселе неизвестная в американской экономической жизни. Этот организм, представляющий своего рода экономический трест Соединенных Штатов, имеет власть только в силу экономической необходимости... Президент в качестве вождя страны — с помощью министерств торговли, финансов, труда, губернаторов и Федерального банка — взялся влиять на народное хозяйство, если не прямо руководить им. Он не может осуществить этого иначе, как с помощью руководителей крупных предприятий; а последние, до сих пор враждебные всякому вмешательству Вашингтона, сейчас берутся сообща работать в Белом Доме. В качестве экономического треста комитет Гувера представляет, в конечном счете, самую могучую экономическую и финансовую силу мира. Рационализация, до сих пор находившая применение в пределах различных отраслей, сейчас распространяется на народное хозяйство в целом. Возможность расширять рынки сбыта и увеличивать емкость рынка в период процветания, ресурсы, доставляемые этим организмом в период напряжения, может быть, заставят руководителей предприятий позаботиться о постоянном сохранении связей, создаваемых сейчас. Меры этого рода сейчас уже принимаются».

Гувер спасает «процветание». До сих пор было «процветание» от избытка. Теперь будет «процветание»... по нужде. «Процветание» должно быть увековечено: рекламной шумихой по поводу гуверовских проектов полна вся американская общественная жизнь. Нью-йоркский «Уорльд» (World) перечисляет гуверовские достижения и миллиарды пляшут как марионетки.

«1. В ближайшее время обеспечено снижение налогов на 160 миллионов долларов.

2. Федеральная резервная система снизила учетный процент, облегчив тем самым условия кредита и приток капитала в производительные предприятия.

3. Правления железных дорог, говоря, видимо, от имени всей страны, намерены осуществить программу улучшений, сопряженную с тратой не менее 670 миллионов в ближайшие 6 месяцев [1]).

4. Руководители национальной промышленности согласились предпринять максимум строительных работ, общая сумма расходов на которые должна быть тотчас же определена после того, как будет подсчитано.

5. Группа предприятий общественного пользования заверила президента в своей готовности сотрудничать с ним, взяв на себя соответствующую долю для улучшения общего положения; контракты на сооружение предприятий общественного пользования в 37 штатах дали за 1928 год 1.337.931.000.

6. Американская телефонная и телеграфная компания известила президента, что в 1930 г. она намерена затратить на улучшения 700 миллионов.

7. Сталепромышленники также сообщили о предполагающихся новых сооружениях на 300 миллионов.

8 Правительственные органы ускоряют выпуск займа для нужд судостроения и предоставление почтовой субсидии, предполагающих постройку новых судов на 200 миллионов, тогда как казначейство добавляет 175 миллионов к программе общественных сооружений, доводя ее до 423 миллионов.

9. Президент обращает специальное внимание на проекты модернизации жилищно-бытовых условий. Он полагает, что работы по переделке и улучшению могут уже в ближайший год захватить миллион домов, с общей суммой расходов на 2 миллиарда долларов.

10. Представители труда договорились с руководителями промышленности об отказе от требований увеличения зарплаты, промышленники же,

[1]) До сих пор железнодорожные правления известили лишь о том, что в этом году они сокращают вдвое свои капитальные вложения и закупку материалов.

в свою очередь, согласились не сокращать зарплату, а Генри Форд об'явил об увеличении зарплаты на своих предприятиях в интересах стимулирования покупательной способности» [1]).

Американский капитализм издавна славится своим умением пользоваться рекламой. В приведенных широковещательных заявлениях явно пробивается беспокойство американского капитала за будущее. Только совсем уж безнадежные рыцари «организованного капитализма» могут брать всерьез эту американскую рекламу, которая нужна Гуверам, Рокфеллерам, Фордам и К° для того, чтобы вернуть себе уверенность в своих силах.

Трезвый «Анналист» просто бесцеремонно одергивает Гувера, провозглашающего новую эру государственного капитализма во спасение «просперити». Капиталистические дельцы знают цену гуверовским рекламным миллиардам.

«Группа руководителей делового мира может согласиться с идеей желательности политики сотрудничества, тем не менее каждому лично приходится развязываться с вполне определенными и не терпящими отлагательства денежными условиями; в подавляющем большинстве случаев каждому приходится больше подчиняться этим условиям, чем считаться с тем соображением, что эта политика была бы желательна для общества, если бы ее можно было применять в каждом данном случае. Что участниками президентских совещаний были сделаны про себя соответствующие оговорки, это — факт, — выплывший на свет в форме интервью и заявлений. Вряд ли и могло быть иначе в отношении интересов промышленности целой страны, когда у каждой отрасли промышленности свои особые проблемы и условия, которые нельзя стричь под одну гребенку. Конечно, следует избегать пораженческого отношения, но каждый делец, в отдельности, как показывает повседневный опыт, знает, что он далеко не уйдет на одних надеждах, — еще будет хуже, если он допустит улучшение общего положения за счет потери своего предприятия» [2]).

Реклама для увековечения «просперити» хороша для народа. Но капитал не хочет жить иллюзиями тем более за счет «священного принципа» частной собственности. Однако мы ошиблись бы, если бы ограничились только издевкой над несбыточностью гуверовских проектов увековечения «процветания» и просмотрели бы реальное содержание этих организованных попыток. «Анналист», споря с Гувером, лишь предостерегает капиталистов от самообмана. С гуверовским обманом масс он целиком солидарен. Американский капитал по существу дела не тешит себя мыслью, что ему удастся отвести кризис. Он стремится «рационализировать» последствия кризиса. В каком смысле? В том смысле, что весь аппарат финансового капитала, вся собирательная сила Гуверов, Морганов, Рокфеллеров и Фордов должны быть мобилизованы для того, чтобы переложить последствия кризиса на плечи угнетенных классов и менее счастливых конкурентов. (Последние понятно в свою очередь попытаются переложить на плечи рабочего класса).

Если предстоит 10 крупных банкротств, пусть лучше 5 из них произойдет в Лондоне, Берлине и Буэнос-Айресе и только 5 в Нью-Йорке. Если приходится терпеть от снижения цен, пусть максимум убытков от этого падет на плечи менее удачливых конкурентов Америки. Американские товары должны вытолкнуть их с рынка. Тяжелая индустрия находится под ударом? Пусть разорение сотен тысяч и миллионов фермеров несколько облегчит ее положение! Но, в первую очередь, расплачиваться за кризис должен, разумеется, рабочий класс Соединенных Штатов и всех стран, подвластных американской финансовой олигархии. Американский капитализм может и хочет проявить свою организованность в

[1]) Literary Digest, 7. XII—1929. Перед этим Форд рассчитал 30.000 рабочих.
[2]) № от 29 ноября.

борьбе с рабочим классом, в экспроприации фермерства (а вслед за ним, и отсталого европейского сельского хозяйства), в империалистическом соперничестве. Фашистское и империалистическое нутро капиталистических монополий выступает наружу как раз сейчас. Капитализм не в силах победить неравномерность своего развития, диспропорцию во всех частях хозяйственного организма как внутри каждой отдельной страны, так и в рамках мирового хозяйства. Величайшая наивность думать, будто американский кризис «восстанавливает» единство мирового хозяйства—на депрессионной основе. Монополистический капитализм не может стремиться к преодолению неравномерности и диспропорции в мировом разделении труда. Он сам—продукт этой неравномерности и диспропорции. Он живет ими, развивается и, в то же время, загнивает на этой основе. Но если он не может сгладить противоречия своего развития, то это вовсе не значит, что он не может ухватиться за неравномерность и диспропорциональность как за свое оружие. Наоборот, в условиях развертывающегося кризиса он по необходимости вступает на этот путь. Быстрое увеличение армии безработных,—неизбежное следствие неравномерности и противоречивости капиталистического процесса воспроизводства,—в руках фашизирующегося капитала окажется тараном против организованности и сознательности рабочих масс. Используя гнетущее давление резервной армии труда, опираясь на фабричный и полицейский террор, капитал будет пытаться подавить все проявления классовой борьбы и самостоятельного рабочего движения.

Фашизм становится твердой ногой на американской почве. Еще недавно рабовладельцы Гастонии встречали насмешки даже в буржуазной печати, как «отсталые капиталисты, не понимающие своей пользы». Теперь именно они будут задавать тон, будут учителями,—кризис расширяет—в сотни и тысяч раз расширяет—фундамент классовой борьбы, обостряет ее, обусловливает ее быстрое превращение в открытую борьбу класса против класса. Фашизм, в таких условиях, оказывается формой самозащиты капиталистических монополий. Фашизация всех методов борьбы с рабочим классом ведет с другой стороны массовое разорение мелкого фермерства, которое уже унавозило почву для «просперити». Стихийное возмущение этих масс, только что павших под ножом капиталистической гильотины,—Гуверы и К° будут стараться направлять против пролетариата, как класса бунтовщиков, мешающего делать хорошие дела. Но продукты американских тракторов и комбайнов будут так же разорять европейское крестьянское хозяйство. Они будут загонять его в гроб, работая рука об руку с европейскими капиталистическими трестовиками и банкирами, которые в свою очередь будут перекладывать тяжесть перепроизводства товаров на мужицкие плечи. Таким образом, американский кризис внесет свою долю в фашизацию буржуазной Европы. С этим процессом фашизации всех форм буржуазного господства неразрывно связано усиление процесса фашизации социал-демократии и желтых профсоюзов. Теперь он, несомненно, усилится и обострится. Английский и немецкий примеры свидетельствуют, что борьба с безработными, подавление экономической борьбы рабочих с помощью арбитража, но еще больше с помощью полиции и армии, живодерская «рационализация» рабочего движения и уровня жизни рабочего класса составляют главное призвание социал-фашизма. В Соединенных Штатах Грины из Американской Федерации Труда открыто вступают в фашистско-империалистический гуверовский «национальный трест». Хилквиты, Томасы и Тостейты—их легкая кавалерия. Капитализм будет искать выхода из положения с помощью нового рациона-

лизаторского похода на рабочий класс, он будет стремиться привести издержки производства в «соответствие» с низкими ценами. В основных, ключевых отраслях промышленности (железо, уголь, текстиль, судостроение и т. д.), в тех отраслях, которые буквально не выходят из критического состояния, эта новая волна рационализации будет настоящей попыткой подтягивания английских, немецких и др. рабочих к колониальному уровню. Социал-фашизм, следовательно, будет все плотнее и плотнее, примыкать к фашизму, все тверже и очевиднее равняться по хозяину.

Кустарный фашизм итальянского парвеню Муссолини побледнеет перед новым американским стандартом, перед фашизмом американского финансового капитала. Цергибелям и Реннерам, Макдональдам и Тома еще придется учиться у Гринов.

Мы не увлекаемся пророчествами. Нам нет надобности в этом, ибо простое сопоставление фактов подтверждает и правоту Коминтерна, правильность его оценки «третьего периода», расползающейся стабилизации, правильность тактики — класс против класса.

Крах процветания ставит на очередь дня величайшее обострение империалистического соперничества. Гуверы так громко и демонстративно толкуют о своей «самоуглубленности», о своих заботах поднять покупательную способность американского населения, чтобы отвести глаза от своих действительных планов. Империалистическая конкуренция будет решать, кто и сколько заплатит за крах американского процветания. Небольшой, но положительный факт: 9 декабря в Брюсселе собрались представители почти всех европейских автомобильных фирм для обсуждения мер борьбы с американским автомобильным нашествием на Европу.

> «Говорят»,— лениво роняет «Нью-Йорк-Таймс»,— «движение инспирировано Немецкой автомобильной торговой палатой, во главе которой стоит Вильгельм Шобер. 1929 год даст снова рекордную цифру сбыта американских легковых машин и грузовиков в Европе,— максимум сбыта приходится на Германию, Голландию, Бельгию, Испанию и Швейцарию» [1]).

Вот вам и «расширение социального об'ема мирового капитализма»: нехватает места одновременно для американских и европейских автомобилей.

Американский капитал вывозит в Европу и другие части света не только товары, но и фабрики и заводы.

«Анналист», констатируя, что «этот год был годом большого процветания британской (!) электропромышленности», неподражаемо добавляет: «без сомнения, в нее вложена хорошая доля американского капитала» [2]). Индекс цен «Экономиста» (1913 г. = 100) за ноябрь месяц—126,9, хотя еще месяц назад он был 129,6, а год назад 136,9.

Американский финансовый капитал заставит своих данников расплачиваться за крах процветания!

Естественно, что таким путем угроза новой империалистической войны надвигается еще ближе и непосредственнее.

Фашистское наступление на рабочий класс, фермерство и крестьянские массы, империалистическое наступление на Европу [3]), таковы два устоя деловой программы Гувера и К°.

Наступление на колонии и усиление борьбы против СССР — третий устой этой программы. Гаити и нота Стимсона о К.-В. ж. д. только первые ласточки.

Сейчас американский империализм—больше и острее, чем когда-либо раньше—чувствует, что СССР... его компрометирует.

[1]) 10 XII.
[2]) 29. XI
[3]) А также и Южную Америку, Канаду, Австралию.

> «В самом деле,— жалуется он устами «Анналиста»,— мало было в мировой истории экспериментов, вызывавших интерес равный пятилетке. Неужели не располагая иностранными кредитами, возможно накопить необходимые внутренние ресурсы для этой грандиозной программы? Неужели в 1933 году, мы увидим Россию промышленно-независимой страной?.. Возможности, создаваемые централизацией всех форм капитала, об'единением всех видов экономической деятельности страны, рационализацией и стандартизацией в небывалых размерах,— как это предположено пятилетним планом,—очевидны» [1])

Да, нашей социалистической пятилеткой мы бьем их «просперити», их стабилизацию, которая этим просперити подпиралась. Даже лондонский «Экономист» удивленно разводить руками по поводу успехов сплошной коллективизации [2]).

Чем больше американский и мировой капитализм будет испытывать на себе тяжелые последствия кризиса, чем больше американский кризис будет перерастать в мировой кризис, тем сильнее будет расти враждебность к стране строящегося социализма, своим примером зовущей на последний и решительный бой против капитала.

Индия и Китай раскачиваются на волнах революционного под'ема. Кризис Британской империи становится все более острым и безысходным.

Было бы ошибкой думать, что фашистско-империалистический трест Гувера—уже готовое оружие борьбы капитала, что он—выкован из одного куска. Как монополистический капитализм в целом и во всех своих деталях, он также является смесью свободной конкуренции и монополии.

Гуверовский империалистско-фашистский трест поднимает борьбу финансового капитала против рабочего класса и крестьянских масс, против колоний и против общепризнанного вождя всех угнетенных—СССР, на новую ступень.

Чем меньше у этого «треста» шансов регулировать самое течение кризиса,—а мы убедились, что их немного,—тем больше должна выпирать его фашистская и империалистическая стороны, тем больше он должен разоблачать себя попытками фашистской и империалистической перестраховки финансовой олигархии.

Открывается новая полоса открытой борьбы классов за или против капиталистической стабилизации.

Миллионы неорганизованных и безработных должны быть подняты на борьбу, должны найти своего вождя в организованном коммунистическом авангарде, рассылающем свои отряды во все стороны и со всех сторон атакующем врага, всегда готовом вывести массы на улицу, на открытую схватку. Капиталистическая стабилизация еще не кончилась. Она еще живуча. Чтобы продлить свое существование она готовит голод и смерть сотням тысяч и миллионам. Но она уже не только зашаталась, она подорвана в самом ее центре — в С.-А. С. Ш. Мертвенные тени легли на ее лицо. Американский кризис—серьезнейший удар по ней. У нее может сломиться хребет от этого подземного толчка.

Поэтому надо бить и добивать капиталистическую стабилизацию.

---

[1]) 29 ноября.
[2]) 21 декабря.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. ЛЕОНТЬЕВ.—«Закон трудовых затрат». (К анализу теоретических корней правого уклона). «Московский Рабочий», 1929 г. Стр. 101, цена 25 коп.

Рецензируемая брошюра тов. Леонтьева посвящена критике «закона трудовых затрат»,— развитого т. Бухариным в его статьях—«К вопросу о закономерностях переходного периода». Своевременность появления такой работы не вызывает сомнений. Претендуя дать ответ на вопрос о «закономерностях переходного периода» статьи тов. Бухарина, наряду с совершенно бесспорными положениями, содержат и ряд глубоко ошибочных утверждений.

Между тем, до сих пор в сколько-нибудь развернутой форме, критическому обстрелу эти ошибочные положения бухаринской концепции «закона трудовых затрат»—подвергнуты не были. Более того, как это совершенно справедливо указывает тов. Леонтьев, именно в некритически воспринятом виде эта концепция «закона трудовых затрат на много ладов излагалась и популяризировалась целым рядом экономистов».

Таким образом, если говорить о положительных заслугах т. Леонтьева в этом вопросе, то заслуга эта заключается уже хотя бы в том, что он заострил внимание на «законе пропорциональности трудовых затрат», дав первую попытку его, более или менее, развернутой критики. К сожалению, в этих критических замечаниях тов. Леонтьев сам допустил ряд серьезнейших ошибок, которые лишают возможности его критику признать за критику ортодоксальную [1]).

Но, прежде всего, в чем заключаются ошибки т. Бухарина в этом вопросе?

Совершенно бесспорно и до сих пор ни у кого из марксистов не вызывало сомнения то положение Маркса, (блестяще развитое в его письме к Кугельману), что

> «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

Именно это положение Маркса т. Бухарин и сделал отправным пунктом в своем изложении «закона пропорциональности трудовых затрат», закона надисторического, закона, который «не может быть уничтожен определенной формой общественного производства», закона, охватывающего и действительного для всех общественно-экономических формаций, в которых, в той или иной степени существует разделение общественного труда.

В дальнейшем мы остановимся на вопросе: можно или нельзя эту безусловную обязательность распределения общественного труда в определенных пропорциях, назвать «законом». Пока же мы только подчеркнем, что известная пропор-

---

[1]) В основу брошюры т. Леонтьева положена статья, присланная им в редакцию «Большевика», но редакцией к печатанию не принятая.

циональность в распределении трудовых затрат, это—условие существования и развития любой хозяйственной системы, это обязательное условие процессов производства и воспроизводства любой хозяйственной структуры. Без того и вне этого никакая хозяйственная система ни существовать, ни развиваться не может [1]).

Однако, являясь высшей ступенью абстракции, такой абстракции, в которой теряется то особенное, что отличает одну общественно-экономическую систему от другой, констатация необходимости распределения общественного труда в определенных пропорциях явно недостаточна и ничего не говорит, когда мы переходим к исследованию отдельных общественно-экономических систем и специфических законов их развития. Являясь общей для всех форм общественного производства, «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях», в различных общественно-экономических системах проявляется в различной форме, в различном количестве и качестве этих пропорций. Иначе говоря, как это совершенно правильно писали т.т. Дукор и Капитонов:

> «историческая форма осуществления пропорциональности распределения общественного труда неизбежно трансформирует как самое природу этой пропорциональности, так и конкретное количественное выражение» [2]).

Между тем, именно здесь (а это является важнейшим в понимании замечаний Маркса в его письме к Кугельману), у тов. Бухарина нет ясной и четкой постановки вопроса, именно здесь он допускает ряд прямо противоположных утверждений, делая грубейшие ошибки.

«Правильным является общее положение о том,—писал т. Бухарин,—что при капитализме пропорции были бы иные», чем у нас. И дальше: «Разве в самом деле, в различных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений такие же? Наконец, что означает громаднейшее различие в темпе развития? [3]). Таким образом, тов. Бухарин как-будто бы совершенно ясно и недвусмысленно указывает на необходимость изменения количественного выражения пропорций в различных общественно-экономических системах. Однако, в этой же своей работе, несколько дальше, тов. Бухарин, забывая о том, что он говорил несколькими страницами раньше, делает совершенно неожиданный «курбет».

> «Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том,—пишет тов. Бухарин,—что в порядке плана «цены в своей полуфиктивной функции... складываются сознательно иначе, чем они складывались бы стихийно».
>
> «Но это не в малой степени не значит, что здесь есть нечто противоречащее закону пропорциональности трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании установилось бы post festum (стр. 52).

Прежде всего несколько слов относительно того во что перерастает закон ценности.

«Закон ценности,—пишет тов. Бухарин,— не может перерастать ни во что иное, как в закон пропорциональности трудовых затрат» и «иное» перерастание» является вопиющей чепухой (стр. 38). И дальше: «Процесс победы

---

[1]) Надо отметить, что, несмотря на всю свою очевидность и бесспорность, это положение марксизма иногда пытаются «оспорить». Такую попытку, в частности, сделал и т. Рокох своей статьей в «Торгово-Промышленной Газете», отрицающий необходимость соблюдения пропорциональности трудовых затрат в советском хозяйстве на том основании, что советская система хозяйства не является «органически единой системой». Но это уже относится к области «скверных анекдотов».

[2]) «Большевик»—№ 13—14, за 1929 г., стр. 92. Курсив авторов.—К. Р.

[3]) Н. Бухарин. «К вопросу о закономерн. переход. периода», стр. 44 и 45.

социалистических, плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат» (стр. 39).

Это утверждение тов. Бухарина несомненно ошибочно. Между тем, и оно, в частности, целым рядом экономистов было воспринято недостаточно критически.

Ошибочность подобного утверждения совершенно очевидна. Необходимость разделение общественного труда в качественно определенных пропорциях—не что иное, как содержание регулятора хозяйственной жизни, принимающего, с изменением определенности пропорций, различную форму в различных общественно-экономических системах. Каким же образом,—резонно спрашивает т. Леонтьев в рецензируемой работе,— «может закон ценности перерастать... в свое собственное материальное содержание?» «Перерастание закона ценности не во что иное, как в закон трудовых затрат, представляется не совсем логичным даже с точки зрения самой концепции закона трудовых затрат».

Форма, в которой осуществляется «необходимость распределения труда в определенной пропорции» общественный механизм, которым опосредствуется эта необходимость, может сменяться другой формой, но никак не перерастать в его содержание.

И, соответственно, меновая стоимость—форма проявления «закона пропорциональности трудовых затрат», может перерастать только в другую форму его проявления и всякое иное перерастание—перерастание «закона стоимости в закон трудовых затрат» — «является вопиющей чепухой».

Во что-же в таком случае «перерастает» закон стоимости? Следуя ряду других экономистов, тов. Леонтьев пишет: «длительный процесс замены стихии плановым началом — вот что характеризует переходный период».

Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях будет осуществляться не стихийно, не через посредство рынка, не в форме меновой стоимости, а сознательной волей людей организованного общества, через план и в форме плана».

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о качестве этих пропорций, и количественном их выражении. Как мы видим, именно здесь позиция тов. Бухарина отличается вопиющей непоследовательностью. С одной стороны, он утверждает необходимость количественного изменения пропорций, в которых распределяется общественный труд в различных общественно-экономических системах, с другой же стороны, он утверждает, что при переходе от неорганизованного хозяйства к организованному, от капитализма к социализму, происходит лишь «предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании установилось бы post festum». Иначе говоря, вся «мудрость» планового регулирования заключается в том, что оно сознательно устанавливает ту пропорциональность в распределении общественного труда, которая при отсутствии планового регулирования, установилась бы стихийно. План только «предвосхищает» то, что должно было бы и без плана установиться стихийно.

Вопиющая ошибочность этого утверждения бросается в глаза.

В чем же основной порок этой концепции? Да в том, что, отрывая форму от содержания регулятора—определенности пропорций, в которых распределяется общественный труд,—эта концепция ведет нас со всей неизбежностью в болото чистейшего идеализма.

Позиция, которую в этом вопросе занял тов. Леонтьев в рецензируемой нами работе — «Закон трудовых затрат», существенно отличается от его прежней позиции.

«С точки зрения марксизма... совершенно ясно, — пишет т. Леонтьев,— что само это распределение общественного труда в определенных пропорциях представляет собою процесс, который не только по своей форме (тем более по своей форме проявления), но и по своему материальному содержанию чрезвычайно различен при различных общественно-исторических формациях» (стр. 28).

И дальше:

«Мы не только иными методами устанавливаем хозяйственные пропорции, но устанавливаем притом пропорции, которые по своему материальному содержанию существенно отличаются от тех соотношений, которые диктовались бы законом ценности». (Реценз. работа, стр. 48).

Это положение совершенно верно, и здесь тов. Леонтьев, совершенно правильно указывает, в чем суть ошибки тов. Бухарина.

И дело здесь не только в какой-то «абстрактной», «отвлеченной», теоретической ошибке. Логическое развитие этого теоретического положения (как впрочем и всякого ошибочного теоретического положения), ведет к тягчайшим политическим ошибкам, к тягчайшим ошибкам в области революционной практики. И тов. Леонтьев бесспорно прав, когда пишет, что

«Бухаринская теория закона трудовых затрат является, на наш взгляд, неот'емлемой частью и обще-теоретической базой того понимания советской экономики и протекающих в ней процессов, на котором построены современные политические выводы тов. Бухарина и руководимой им школы молодых экономистов, выступающих теоретическими оруженосцами и политическими пропагандистами правого оппортунистического уклона».

В самом деле, отличаясь от капитализма принципиально иным строем производственных отношений, социализм должен отличаться от капитализма и иными пропорциями в распределении общественного труда. Но эти новые пропорции не падают готовыми с неба, а устанавливаются, завоевываются в ожесточенной борьбе с капитализмом. С этой точки зрения переходный период от капитализма к социализму является периодом ломки старых пропорций в распределении общественного труда, пропорций, присущих и свойственных капитализму и установления количественно и качественно иных пропорций. И опять-таки с этой точки зрения борьба плана со стихией является не чем иным, как выражением борьбы, за установление принципиально иных пропорций, между капитализмом и социализмом.

Утверждение тов. Бухарина, что план есть не что иное, как «предварительная антиципация (предвосхищение), что при стихийном регулировании установилось бы post festum не может означать ничего иного, как ограничения задач планового регулирования установлением тех пропорций, которые были свойственны и присущи капитализму. Ибо стихийное регулирование, «предвосхищать» которое должен план, является выражением товарно-капиталистических отношений, а следовательно, и товарно-капиталистических пропорций в распределении общественного труда.

Эту ошибку тов. Бухарин усугубляет и развивает в следующем критическом замечании по адресу тов. Преображенского:

«Тов. Преображенский никак не может понять,—пишет тов. Бухарин,—что в данном случае речь не может итти об антагонизме по существу материального содержания закона, а что речь может итти лишь об антагонизме общественной формы. Нельзя себе представить дело таким образом, чтобы было два регулятора, антагонистических по материальному существу».

Этот отрыв формы и содержания являются нагляднейшим примером и доказательством механистичности концепции тов. Бухарина.

Ленин писал, что «Гегель требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием». (Ленинский сборник, X, стр. 39).

Общественные формы проявления закона антагонистичны,—утверждает тов. Бухарин,—а содержание этого закона по своему материальному существу—не антагонистично. Но ведь определенная форма является формой определенного содержания и, сле-

довательно, антагонизм общественных форм регулятора не может не означать антагонизма и в содержании единого регулятора. Форма материальна, содержание качественно определенно.

Что это значит? Материальным содержанием регулятора является общественный труд, распределяемый в определенных пропорциях. Но эта определенность пропорций распределения труда, равно как и форма, в которой эти пропорции осуществляются, и общественный механизм, которым они опосредствуются, различны для различных общественно-экономических систем. И содержание переходного от капитализма к социализму периода как раз и заключается в борьбе за материальное содержание регулятора, в борьбе за те пропорции, в которых распределяется общественный труд. Общественной формой проявления этой борьбы за материальное содержание регулятора является борьба социалистического плана с рыночной стихией.

Свое политическое завершение эта теоретическая концепция т. Бухарина нашла в его статье «Заметки экономиста». Указав, что наше хозяйственное развитие сопровождается «кризисами, которые «как будто «повторяют», но в вогнутом зеркале, кризисы капитализма», тов. Бухарин переходит к выяснению причин этих «кризисов».

Капиталистические кризисы, — пишет т. Бухарин, — Маркс «выводил из общей бесплановости («анархии») капиталистического производства, из невозможности при капитализме правильных пропорций между различными элементами процесса воспроизводства», «из невозможности для капитализма «сбалансировать» различные элементы производства». Эта же причина — отсутствие «правильных пропорций»—лежат в основе и наших «кризисов», с той лишь разницей, что «характер «кризисов» определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством».

И отсюда, как вывод: мы можем и должны «построить, по аналогии со вторым томом «Капитала», «схемы воспроизводства», т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собою, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия».

Тов. Бухарин решительно не понимает, что именно по аналогии со вторым томом «Капитала» мы и не можем строить «схем воспроизводства», что эти «схемы» отнюдь не имеют «надисторического» характера, что эти схемы — схемы воспроизводства капиталистического хозяйства. А это, в свою очередь означает, что мы должны следовать не капиталистическому «сочетанию различных сфер производства и потребления, а создавать иное их сочетание, которое обеспечивало бы вытеснение элементов капиталистических, переделку простого товарного хозяйства и быстрый, абсолютный и относительный, рост элементов социалистических.

Если мы хотим построить социализм, то мы должны создавать иные пропорции в распределении общественного труда, должны по-иному сочетать и различные сферы производства между собой и соотношение в производстве и потреблении. Если же требовать, чтобы «схемы воспроизводства» советского, переходного хозяйства строились аналогично «схемам воспроизводства» капиталистическим, если требовать, чтобы сочетание «различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой» было аналогично — капиталистическому, если считать, что материальное содержание регулятора в советской системе хозяйства ничем не отличается от капиталистического, а меняется лишь форма его проявления («антиципация»), то ни о каком социализме не могло бы быть и речи. Капиталистическому «содержанию» может соответствовать только и капиталистическая же «форма»!

Ошибочность всей этой концепции с неизбежностью ведет и к тягчайшим политическим ошибкам. Если у нас «правильные» («правильные с точки зрения капитализма!) пропорции нарушены, если у нас нарушено «равновесие» в хозяйственной жизни (опять-таки с точки зрения капиталистической!), то эти «правильные» пропорции, это «равновесие» должно быть во что бы то ни стало восстановлено, путем «баланса», путем восстановления «нормальной» расстановки, «правильных сочетаний основных элементов народного хозяйства», путем приспособления к требованиям и разуму рынка, сиречь к требованиям закона ценности и соответствующих ему пропорций в распределении общественного труда.

Именно из всей этой концепции, — как совершенно справедливо пишет т. Леонтьев, — следует «вывод о том, что современные нарушения равновесий в хозяйстве вызваны исключительно неправильным установлением хозяйственных пропорций вследствие чересчур быстрого темпа индустриализации страны и наступления на капиталистические элементы» «Принцип равновесия об'является высшим критерием в деле планирования. Равнение на узкие места выставляется в качестве высшей мудрости хозяйственной политики».

Но к сожалению на своих правильных позициях по вопросу о необходимости изменения пропорций распределения общественного труда т. Леонтьев не удерживается и последующими «замечаниями», «дополнениями» и «раз'яснениями» смазывает свою критику бухаринской концепции. Категоричность утверждения необходимости изменения пропорций ослабляется и превращается в «возможность». А «возможность», как известно, альтернативна — может быть, а может и не быть.

Всего лишь несколькими строчками ниже, вслед за утверждением необходимости изменения пропорции, тов. Леонтьев пишет:

> «Если наши пропорции по своему материальному содержанию могут (!?) существенно отличаться от пропорций, устанавливаемых законом ценности, то это отнюдь не означает, что они должны всегда противоречить и представлять собою полную противоположность последних. Такое представление было бы лишь неудачной карикатурой» (с. 48. Курсив мой. *К. Р.*).

Итак наши пропорции по своему содержанию только могут, но отнюдь не должны отличаться от пропорций, «устанавливаемых законом ценности», сиречь закона развития товарно-капиталистического хозяйства.

Еще дальше (стр. 49), тов. Леонтьев дает еще более ошибочную формулировку:

> «Совершенно очевидно, что советская экономическая система, благодаря особенностям своей классовой структуры, благодаря изменившемуся типу связи с внешним миром, благодаря изменившемуся характеру производственных отношений таит в себе возможности установления иных по своему материальному содержанию пропорций в хозяйственной жизни, нежели пропорции, устанавливаемые в «обычном» хозяйстве товарно-капиталистического типа». (Курсив мой. *К. Р.*).

«Таит... возможность»!? Только... «таит»!? Совершенно очевидно, конечно, что если советская система хозяйства только таит возможности изменения пропорций, но эту возможность не реализовали, не претворили в жизнь, то это не может означать ничего иного, как утверждение, что на практике, в действительности, пропорции в распределении общественного труда остались неизменными, т.-е. такими, какими они были и при капитализме. И не менее очевидно, что это находится в вопиющем противоречии с действительным положением вещей.

В самом деле, если уровень производительных сил другой, если производственные отношения иные, если расстановка классов иная, если норма прибавочного продукта — другая, если сочетание различных сфер производства и потребления — иные, если темп накопления другой и т. д., и т. п., то как можно утверждать, что пропорции только могут измениться, что

советская экономическая система только «таит возможности» установления иных пропорций?

Корень этой ошибки в том неправильном понимании соотношения формы и содержания, которая была допущена тт. Леонтьевым и Хмельницкой в работе «Очерки переходной экономики» и которую т. Леонтьев, видимо, не преодолел полностью и до сих пор.

Как мы уже указывали, глубокой ошибкой было бы думать, что изменение содержания регулятора хозяйства — пропорций, в которых распределяется общественный труд, — происходит механически, т.-е. одно качество пропорций механически сменяет другое. Процесс качественного перерождения материального содержания регулятора происходит путем борьбы противоположных тенденций внутри этого единого регулятора. Материальное содержание регулятора хозяйственной жизни в переходный от капитализма к социализму уже отлично от материального содержания регулятора капиталистического хозяйства, но еще не достигло качества социалистического общества. Иначе говоря, качественная определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, уже отлична от капиталистической, но еще не стала социалистической. В каждый момент определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд в переходном хозяйстве, представляет собой некую результанту борьбы капитализма и социализма за качество пропорций, в которых распределяется общественный труд. При чем эта результанта, по мере роста социалистических элементов в народном хозяйстве и вытеснения товарно-капиталистических, устанавливается каждый раз на иной основе. Определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, становится все меньше похожа на определенность капиталистических пропорций и все больше приближается к определенности пропорций, свойственных социалистическому хозяйству. Содержание единого регулятора трансформируется, все больше приобретая качества социалистического регулятора.

Соответственно трансформации содержания регулятора трансформируется и его форма проявления. Стоимость, представляющая собой форму проявления содержания регулятора товарно-капиталистического хозяйства, трансформируется в социалистический план—форму проявления содержания регулятора социалистического общества. Но в такой же мере, как мы имеем в переходном хозяйстве для каждого данного момента единый по своему содержанию регулятор (определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд), в такой же мере едина и форма проявления этого регулятора, — принимающая форму народно-хозяйственнного плана. И так же как определенность пропорций в каждый момент складывается в результате борьбы различных хозяйственных систем за качество пропорций, в такой же мере и народно-хозяйственный план — как форма является результатом борьбы этих же двух начал. Иначе говоря, народно-хозяйственный план, как форма проявления единого по своему материальному существу регулятора, является результатом борьбы планового и стихийного начала в экономике страны, включая в себя как моменты директивы, так и моменты предвидения, предвосхищения.

С этой точки зрения глубоко ошибочным является утверждение некоторых товарищей, что «перед законом ценности здесь (в несоциалистическом секторе советской системы хозяйства. *К. Р.*) в общем и целом открывается такое же поле деятельности, как и во всякой несоциалистической хозяйственной системе; мы бы сказали, что принципиально (курсив автора. *К. Р.*) дело не меняется, изменения заключаются лишь в том, что соседство социалистического сектора весьма существенно суживает те пространственные, если можно так выразиться, рамки, в пределах которых проявляется суверенное действие закона ценности».

Глубоко ошибочно, во-первых, потому, что такое вульгарно-механистическое «пространственное» разграничение «суверенного» действия закона ценности и, очевидно, такого же «суверенного» социалистического плана, буквально вопиет к небу. Глубоко ошибочно, во-вторых, потому, что ведет к утверждению двух регуляторов в советской системе хозяйства, что, опят-таки, вопиет к небу. Глубоко ошибочно, наконец, потому, что закон ценности существует в советской системе отнюдь не как «суверенный» владелец несоциалистического сектора, а лишь в качестве одного из противоположных «элементов» единого регулятора—народно-хозяйственного плана. Являясь «единством противоположностей», народно-хозяйственный план включает в себя и еще действующий закон ценности и уже действующий, в качестве формы проявления единого регулятора — план. Но это ничего общего не имеет с «пространственным» разграничением сферы действия «суверенных» форм регулятора — закона ценности и плана. Народно-хозяйственный план включает не «суверенно» действующий «закон ценности», а «закон ценности», урезанный, ограниченный в своем действии под влиянием методов планового регулирования. То же самое относится и к плану. Действие и возможности планового регулирования ограничиваются наличием урезанных, но не уничтоженных стихийных закономерностей.

Каким же образом будет происходить процесс «перерастания» «стихийно-рыночных законов товарно-капиталистического хозяйства, основу которых составляет закон ценности, в сознательно планомерный способ общественного управления производством?» В процессе роста социалистического сектора, переделки простого, товарного хозяйства и вытеснения элементов капиталистических содержание регулятора, — определенность пропорций, в которых распределяется общественный труд, — будет систематически изменяться, «перерастая» в определенность пропорций социалистического хозяйства. Это же «перерастание» мы будем иметь и в форме проявления этого единого (но постоянно изменяющегося) по своей материальной сущности регулятора. Закон ценности все больше будет ограничиваться в своем действии, по мере замещения простых товарных и товарно-капиталистических элементов элементами социалистическими, «перерастая» в рамках народно-хозяйственного плана в план социалистический[1]).

> «Основоположники научного коммунизма, — пишет тов. Леонтьев, — не раз заявляли с достаточной ясностью и определенностью, что переход от капитализма к социализму связан с «перерастанием» (вернее было бы сказать — заменой) стихийно-рыночных законов» «в сознательно-планомерный способ общественного управления производством».

Нам думается, что и в этом случае не стоит «заменять» формулировки «основоположников научного коммунизма». Именно слово «перерастание» характеризует суть происходящего процесса.

Особое место в брошюре т. Леонтьева занимает вопрос, как следует понимать «необходимость пропорционального распределения общественного труда» и можно ли назвать эту необходимость «законом»?

«В своем письме Маркс, — пишет т. Леонтьев, — совершенно ясно говорит о «законах природы». В данном контексте Маркс понимает под «законом природы» «необходимость пропорционального распределения общественного труда». Эта необходимость, как и необходимость труда вообще, является для общества внешней в этом смысле она может быть названа «законом природы» (с. 12). И сам же тов. Леонтьев несколькими страницами дальше указывает, что «марксисты обычно предпочитали цитировать известные слова Гете: «Нет ничего чисто-внешнего и чисто-внутреннего, потому что во вне проявляется то, что есть внутри». Следуя «обычаям» марксистов, тов. Леонтьев хотя и приводит «известные слова Гете», но смысла их так и не понял, когда «необходимость труда вообще» признал для общества внешней».

[1]) Тов. Леонтьеву не нравится слово «перерастание».

Надо сказать, что такой смысл, хотя в этом и старается уверить читателя т. Леонтьев, никак не вытекает из контекста письма Маркса. В самом деле, что пишет Маркс? «Необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства». «Измениться в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются». В товарно-капиталистическом обществе — «эта форма и есть меновая стоимость». Таким образом, если следовать логике т. Леонтьева и его пониманию выражения Маркса — «закон природы» — меновая стоимость историческая форма закона природы — внешнего для общества. С чем мы и поздравляем тов. Леонтьева!

Совершенно понятно, конечно, что говоря о «законе природы» Маркс говорил о той «естественной необходимости разделения общественного труда в определенных пропорциях», без соблюдения которой ни одна хозяйственная система существовать не может, вне зависимости от исторических форм общественного производства. А тов. Леонтьев превратил эту «естественную» необходимость в закон природы «внешний» для общества, а не закон (существования и развития) самого общества, попал в весьма незавидное и весьма конфузное положение. «Внешний» для общества закон природы принял форму... регулятора исторически-ограниченной системы хозяйства — форму закона стоимости. Законом природы «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях» является лишь в том смысле, что эта «необходимость» не может быть уничтожена определенной формой общественного производства», что соблюдение этого закона — условие существования и развития всех хозяйственных систем, в которых существует разделение труда. Эти «естественные законы человеческого общества не могут быть уничтожены со сменой «исторических условий». Изменяется форма их проявления. И в данном случае со сменой определенных форм общественного производства «необходимость разделения труда в определенных пропорциях» не уничтожается, хотя определенность пропорций, их количественное выражение и меняется.

Можно ли после этого говорить о «законе пропорционального распределения труда»? Тов. Леонтьев отвечает на этот вопрос так:

«Самый факт необходимости пропорционального распределения труда абсолютно ясен и бесспорен. Эта необходимость действует, сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы. Признание этого факта, понимание этой необходимости представляет собой абсолютно необходимое звено на определенной ступени теоретического анализа»...

Но... «законом» этот факт никак нельзя назвать.

Во-первых, потому, что его «познавательная ценность» не выше того, что нам дают классические примеры тривиальных утверждений. «Волга течет в Каспийское море; лошади едят овес». (Как же быть тогда с утверждением, что это положение «абсолютно необходимое звено» в цепи теоретического анализа?).

Во-вторых, потому, что этот «факт» есть простейшая категория, а «по совершенно недвусмысленному замечанию Маркса простейшие категории не имеют самостоятельного существования, независимо от категорий более конкретных». Так «излагает» т. Леонтьев слова Маркса о том, что «простейшая категория может исторически существовать раньше конкретной». Едва ли читатель научится марксизму в этакой интерпретации Маркса. Нельзя ли, тов. Леонтьев, поосторожнее обращаться с Марксом, и не приписывать своих утверждений, да еще в корне противоречащих Марксу — самому Марксу.

В-третьих, потому, продолжает неутомимый т. Леонтьев, что этот факт — «закон природы»; а законы природы, они, как известно, какие же «законы».

В-четвертых, какой же это «закон», ежели меняется со сменой хозяйственных систем не только его форма проявления, но и его материальное содержание. Но чего же, меняется материальное содержание. Чего же меняется форма проявления. «Факта» — ответствует тов. Леонтьев в одном случае, «закона природы», — притом «внешнего» для общества, — ответствует тов. Леонтьев в другом случае.

Очень хорошо! Соответственно этим авторитетным раз'яснениям в наших школах политграмоты, совпартшколах и вузах отныне, в учебники обществоведения, политграмоты и политэкономии будут введены следующие определения:

«Меновая стоимость есть форма проявления факта необходимости распределения труда в определенных пропорциях»...

Или:

«Меновая стоимость есть форма проявления «внешнего» для общества — «закона природы».

После столь «богатой» и «всесторонней» аргументации тов. Леонтьева — почему именно необходимость пропорционального распределения труда нельзя назвать «законом», — ни у кого, натурально, нехватит решимости позволить себе считать эту необходимость за закон. Тем более, что как авторитетно раз'ясняет тов. Леонтьев, кто позволяет называть «законом» существования и развития общества эту «необходимость распределения труда в определенных пропорциях», необходимость, которая, по словам тов. Леонтьева, «абсолютно ясна и бесспорна», необходимость, которая, по словам того же тов. Леонтьева, «сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы», — тот — правый оппортунист.

Нельзя ли, полегче на поворотах.

Можно спорить о том, назвать ли эту «необходимость» законом или нет, но отсюда еще не следуют те выводы, которые делает тов. Леонтьев.

Теоретические корни правого оппортунизма заключаются в таком понимании «необходимости распределения общественного труда в определенных пропорциях», при которых признается качественная и количественная неизменность пропорций в распределении общественного труда при смене одной хозяйственной системы другой. В таком понимании взаимоотношения формы и содержания, при котором качественно неизменное содержание на различных этапах своего количественного бытия принимает качественно различную форму. И ошибка тов. Бухарина именно в этом и заключается. Эклектизм бухаринской концепции в том и состоит, что в одном месте признает необходимость количественного изменения пропорций при смене хозяйственных систем, в другом месте т. Бухарин утверждает, что план только «предвосхищает» то, что все равно установилось бы при стихийном регулировании, т.-е. утверждает неизменность пропорций при смене хозяйственных систем. Именно из этого последнего логически и вытекает та политическая позиция, которая была занята т. Бухариным и которая нашла свое выражение в ряде право-оппортунистических статей, речей и документов.

В заключение несколько слов об оценке тов. Леонтьева письма Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 года.

«В письме к своему ганноверскому другу-гинекологу (читателю, конечно, весьма важно знать, что Кугельман был именно гинеколом, а не часовых дел мастером или портным! *К. Р.*) Маркс, как без сомнения заметил внимательный читатель, — пишет тов. Леонтьев, — направляет свои замечания по адресу лиц, о которых он отзывается с величайшим презрением: это — «полнейшие невежды», «болтуны», «несчастные». И Маркс сообщает этим «несчастным» такие вещи, относительно которых он утверждает, что их знает «всякий ребенок». Первый законный вопрос, который в этой связи возникает, заключается в следующем: неужели ключ к полному пониманию сложных проблем переходной экономики Маркс дал как раз в тех своих замечаниях, которые адресованы исключи-

тельно невеждам и содержание которых, по словам Маркса, должно быть известно всякому ребенку».

Но «отныне» эта цитата «знаменита», сообщает тов. Леонтьев, ибо то «употребление», которое из нее сделали, то значение, которое ей придали, (а какое может быть значение письма, адресованного «болтунам» и «невеждам»!), свидетельствует, что еще не перевелись эти «болтуны» и «невежды».

Мы не будем «полемизировать» с т. Леонтьевым по этому вопросу, ограничившись оценкой значения этого письма Лениным. В предисловии к русскому переводу брошюры: «К. Маркс. Письма к Кугельману» Ленин писал:

«Выдающийся интерес, с точки зрения более полного и глубокого уяснения марксизма представляет письмо от 11 июля 1868 г. Маркс излагает здесь в форме полемических замечаний против вульгарных экономистов чрезвычайно отчетливо свое понимание т. наз. «трудовой» теории стоимости. Именно те возражения против теории стоимости Маркса, которые всего естественнее возникают у наименее подготовленных читателей «Капитала» и которые всего усерднее подхватываются поэтому дюжинными представителями «профессорской», буржуазной «науки»,—разобраны здесь Марксом коротко, просто, замечательно ясно. Маркс показывает здесь, каким путем он шел и каким путем надо итти к об'яснению закона стоимости. Он учит, на примере самых обыденных возражений своему методу»... «Остается пожелать, чтобы всякий, начинающий изучать Маркса и читать «Капитал», читал и перечитывал названное нами письмо вместе со штудированием первых и наиболее трудных глав «Капитала»[1]).

Пусть делает читатель вывод о том, кто же оказался «несчастным» в этакой оценке письма Маркса к Кугельману!

Брошюра т. Леонтьева, как мы уже указывали, принесет пользу хотя бы тем, что заострит внимание на ошибках т. Бухарина в его концепции «закона пропорциональности трудовых затрат». Но эта положительная сторона брошюры весьма страдает от того, что до конца ортодоксальной критики концепции тов. Бухарина в этом вопросе она не дает[2]).

Наконец, весьма неприятно поражает тот факт, что т. Леонтьев совершенно обходит свои собственные ошибки, допущенные им в этом вопросе. («Очерки переходной экономике»). Между тем многие из теперешних его ошибок своими корнями уходят в эти прошлые ошибки.

К. Розенталь.

---

[1]) Ленин, т. VIII, стр. 190—191.

[2]) Сложность вопроса о регуляторе советского хозяйства «смутила», очевидно, редакцию газеты «За индустриализацию». Редакция этой газеты поместила в № 10 «раз'яснение» на правильную рецензию тов. Д. Меерзон, помещенную в № 301 той же газеты. Редакция не поняла, что необходимость изменения пропорций в распределении общественного труда тов. Леонтьев очень часто выводит, как это видно и из приведенной самой редакцией цитаты, не из характера производственных отношений и классовой структуры общества, а из задач социалистического строительства, противопоставляемых, таким образом, фактически классовой структуре. На самом же деле именно эта структура обуславливает необходимость изменения пропорций и диктует определенные задачи социалистического строительства.

Проблема войн и „диалектические" потуги проф. Свечина.

(О книге т. М. Рубинштейна «Империалистические войны будущего» и неверной рецензии на нее).

Можно с уверенностью сказать, что в немногих областях экономики, науки, политики мы наблюдаем за последние годы такой темп развития материального и теоретического, как в военном деле.

Дело не только в грубо-материальных достижениях в области технической подготовки войны: росте военной промышленности, ее огосударствлении, моторизации армии, экстенсивном и интенсивном росте военной авиации, химизации и т. д., но и в научно-теоретических обобщениях этих достижений.

Буржуазия не ограничивается тем, что она увеличивает потенциальные возможности своей военной промышленности, не успокаивается на том, что мобилизует сотни и тысячи инженеров, химиков, бактериологов и т. д. в явные и тайные лаборатории на предмет усовершенствования старых и изобретения новых средств уничтожения. Она мобилизует своих военных теоретиков для обобщения отдельных достижений в области методов и средств ведения войны.

И это вполне естественно. Капиталистическое государство самым энергичным образом готовится к новой войне, размеры и об'ективное значение которой будет превосходить все старые войны. Победа или поражение в этой войне (особенно поскольку она неизбежно либо начнется с войны империалистов против Советского Союза, либо переключится в нее)—будет иметь огромное значение для судьбы мирового капитализма.

Отсюда и нервность темпов и напряженность подготовки. Отсюда и стремление, как можно полнее и глубже теоретически обобщить повседневную эмпирику для лучшего предвидения.

В тесной связи с этим стоит тот огромный интерес к изучению опыта последней империалистической войны, который наблюдается за последние годы на Западе. В капиталистических государствах выпускают за последние годы немало книг, посвященных войне 1914—18 гг. Значительная часть этих книг посвящена учету стратегического опыта последней войны. Операция у Танненберга, битва на Марне, у Вердена и т. д. освещены в весьма обширной литературе. Совершенно очевидно, что здесь речь идет не об академическом интересе отдельных историков, а об учете прошлого для подготовки нового. На базе учета опыта последней войны обильно растут теории, характеризующие будущие формы войны, отображенные в обширной литературе (работы Зольдана, Фуллера, Бернет-Стюарта и т. д.).

Вполне естественно, что и у нас, в СССР, к проблемам новой войны имеется большой, вполне законный интерес. Для нас вопрос о характере новой войны, о ее формах, размерах, тактике и т. д. интересен в первую очередь в аспекте готовящейся против СССР интервенции буржуазных государств.

Несомненно, что война буржуазии с СССР будет являтся войною sui generis, что отразится и на тактике обеих сторон. Советско-китайский конфликт и басмаческие налеты на афганской границе чуть-чуть приоткрывают занавес над одной из форм такой войны или, по крайней мере, ее первой стадии.

Для того, чтобы во всей широте и полноте понять возможный размах и формы войны против СССР, надо внимательнейшим образом изучить подготовку буржуазии к новой империалистической войне вообще, к войне со своими империалистическими конкурентами. Несмотря на несомненное своеобразие форм и методов войны буржуазии против СССР, последняя будет иметь больше общего с войной 1914—18 гг., чем с нашей гражданской войной 1918—20 гг.

Приходится, к сожалению, констатировать, что, несмотря на огромную важность нового в области военной науки, изучение военных проблем остается у нас в СССР в значительной мере еще уделом лишь военных товарищей. Так называемые «гражданские товарищи»—вчерашние участники гражданской войны и завтрашние командиры и политработники в большинстве не знакомы или слабо ознакомлены не только с заграничной, но и с нашей советской военно-научной мыслью.

Дискуссии, которые время от времени разворачиваются на страницах нашей военной печати по генеральным или специальным военным вопросам, остаются неизвестными для значительной прослойки этих товарищей. Образование в последнее время военной секции при Коммунистической академии должно помочь делу приближения «гражданских товарищей» к основным, по крайней мере, проблемам современной военно-научной мысли.

Было бы однако совершенно неверно изучать военные проблемы изолированно, не связывая их с основными проблемами нашей экономики и политики. В наше время военный вопрос теснейшим образом связан со всеми проблемами народного хозяйства. Задачей нашей пятилетки является индустриализация страны, увеличение в ней абсолютного и относительного значения обобществленного сектора и т. д. Но совершенно очевидно, что все эти задачи переплетаются с проблемой увеличения обороноспособности Союза. Азбучной истиной является тот факт, что каждый наш хозяйственный работник крепит по существу оборону страны, но далеко не каждый хозяйственник представляет себе ясно и отчетливо ту роль, которую будет играть промышленность или даже та конкретная отрасль, в которой он работает, в условиях новой войны.

Характер, формы и продолжительность новой войны будут определяться рядом показателей, но несомненно, проблема экономической подготовки войны и оружия будут играть здесь решающую роль. И потому нашим товарищам, в первую очередь хозяйственникам, надо основательно подковаться, хотя бы по части изучения экономической подготовки войны у нас и за границей.

А для всестороннего изучения и осознания характера экономической подготовки необходимо иметь хотя бы общее представление об основных положениях современной тактики.

* * *

Некоторым подспорьем в деле изучения экономической стороны подготовки новой войны и тех материально-технических размеров, которые она может принять, является книга тов. Модеста Рубинштейна «Империалистические войны будущего»[1]).

Основное внимание этой книги посвящено оружию будущих войн и их экономической подготовке. Автор не останавливается на конкретных формах новой войны и комбинации сил в пределах воюющих коалиций. В предисловии тов. Рубиштейн указывает, что

> «Праздными являются попытки ответить на вопрос, что придет раньше—вооруженное нападение на СССР или военное столкновение империалистов между собой. Это такое же гадание на кофейной гуще, попытка разрешить уравнение с многими неизвестными, как попытки точно определить в настоящее время комбинации разных капиталистических стран в пределах воюющих коалиций. Кроме того, вероятно, по всем признакам неизбежным будет то или иное сочетание обоих конфликтов, перерастание одного в другой. Так или иначе, главным, основным противоречием современности является противоречие империалистического мира и Советского Союза. Главной военной опасностью—опасность нападения на СССР» (стр. 7).

Тов. Рубинштейн совершенно прав, говоря, что главная опасность новой войны сейчас лежит по линии нападения на СССР. Но это отнюдь не освобождает нас от серьезного анализа существующих капиталистических противоречий и учета на

[1]) Изд. Комакадемии. 1929. Цена 1 рубль. Стр. 192.

основании генеральных движущих сил возможных комбинаций в случае новой войны. Конечно, не может быть речи о точном определении предстоящих комбинаций. Таких гарантий ни один исследователь и даже самый информированный контрразведчик не мог бы дать. Но мы всегда имеем возможность на основании об'ективных экономических, политических и стратегических показателей делать известные предположения, строить, так сказать, рабочие гипотезы. Это необходимо делать, ибо проблема комбинации сил в новой войне имеет для СССР чрезвычайно важное значение. Конечно, тут нужно соблюсти чувство меры, не впадать в гадание на кофейной гуще, и не уподобляться достопочтенному полковнику Физл Бангспарку—герою одного из памфлетов американского юмориста и профессора политэкономии (у американцев такое совместительство возможно) Стифен Ликока. В этом памфлете Бангспарк выступает виртуозом предсказывания нелепейших комбинаций сил в новой войне.

Тов. Рубинштейн ограничивается лишь самой общей характеристикой важнейших конфликтов, определяющих географию предстоящих войн. Эта характеристика носит весьма конспективный характер и естественно не дает исчерпывающего ответа на эту весьма интересную проблему.

Автор рецензируемой книги не является военным специалистом. Он подходит к трактуемым вопросам в первую очередь, как политик-экономист. Это отражается на отдельных военных и технических деталях, но отнюдь не уменьшает интереса и полезности книги.

Первые главы книги носят вступительный характер. В них говорится об основных узлах империалистических противоречий и дается общая характеристика военной подготовки на Западе. Опираясь на Энгельса тов. Рубинштейн совершенно правильно связывает формы войны и ее подготовку с состоянием производительных сил и уровнем технического развития.

Эту абсолютно марксистскую истину в последнее время пытался оспаривать проф. Свечин в «Красной Звезде» в своей статье «У истоков оперативной мысли». В этой статье проф. Свечин, несмотря на все свои «диалектические» потуги, явно не понимает глубочайшую взаимную зависимость, существующую между производительными силами, экономической структурой общества и надстройками, в том числе и военной[1]).

Тов. Рубинштейн, повидимому, не совсем в курсе тех споров, которые происходят в рядах наших военных работников, когда пишет в своей книге о том, что положение Энгельса не вызывает по существу «никаких споров и возражений даже со стороны военных специалистов, никак не могущих быть заподозренным в приверженности к марксизму» (стр. 31).

Нередко, даже в наших советских условиях и даже авторы, называющие себя марксистами, подменяют в этой области военной науки диалектику эклектикой чистейшей воды. Тот же проф. Свечин под флагом «диалектики» пытается построить эклектическую теорию, согласно которой уровень производительных сил играет некоторую роль в войне «крупных» империалистических государств, но теряет свою силу тогда, когда война происходит между «малыми» государствами.

Тов. Рубинштейн останавливается в своей работе на появившихся в последнее время теориях замены массовых армий небольшими прекрасно вооруженными полуфашистскими или фашистскими кадрами (так наз. фуллеризм). Он разбивает эту теорию рядом достаточно убедительных доводов. По существу, вся его книга посвящена доказательству неизбежности применения в новой войне массовых армий. Всеоб'емлемость будущих войн характеризуется еще и тем, что в новой войне гражданское население становится непосредственно об'ектом военных действий.

[1]) Ко взглядам проф. Свечина мы еще вернемся ниже в связи с его рецензией на книгу т. М. Рубинштейна в «Торгово-Промышленной Газете».

В своей книге тов. Рубинштейн исходит из вполне правильной предпосылки, что для того, чтобы правильно наметить задачи революционного рабочего движения в борьбе против империалистических войн необходимо знать хотя бы в основных чертах важнейшие виды оружия будущих войн, тенденции их развития и возможность использования. С этой задачей автор в общем не плохо справляется. Он использует иностранную и русскую литературу по современной военной технике как периодическую, так и непериодическую и дает читателю довольно полное представление не только о настоящем положении военной техники но и о ее потенциальных возможностях.

Тов. Рубинштейн подробно останавливается на тех видоизменениях, которые претерпело огнестрельное оружие, в частности, пулеметы и артиллерия после мировой войны. Он сравнивает максимальную силу пулеметно-оружейного огня и боевую насыщенность фронта пулеметами к концу войны 1914—18 г.г. с теми возможностями, которые открываются в будущую войну.

Значительным сдвигом в деле военной тактики является моторизация армии. Это относится как к автотранспорту, дающему возможность производить массовые переброски армейских частей, так и к различным механизированным соединениям, в первую очередь, к танкам. Автор довольно подробно останавливается на оперативном значении танков и их совершенствовании из года в год.

Особенное внимание уделяет автор войне в воздухе. Эта часть книги им разработана особенно детально. Здесь дается подробное описание послевоенных достижений авиации как в области быстроты полетов, так и грузопод'емности самолетов. Достижения авиации значительно меняет характер новой войны, ибо вводит военную авиацию, как активный фактор крупнейших операций. Автор останавливается на перспективах военной авиации и методах борьбы с ней.

Последняя война вызвала известную переоценку роли морских вооружений. Флот в наше время приобретает несколько иной характер, чем он имел до войны. Увеличивается значение подводного флота, как весьма сильного средства в деле осуществления так называемой «широкой блокады». Автор полемизирует с «фуллеристами от авиации», которые отрицают вообще какую бы то ни было крупную роль флота в будущих войнах.

Понятно, что наибольший интерес вызывает та таинственная подготовка, которую ведут буржуазные государства для использования химии в новой войне. В прошлой войне немцы впервые стали применять газы. С тех пор методы химической войны воспроизвелись на расширенной основе. Общий рост химической промышленности вообще неразрывно связан с изготовлением отравляющих веществ, могущих быть использованы в новой войне. На методах и аппарате химической войны тов. Рубинштейн останавливается самым тщательным образом, полемизируя со сторонниками «гуманных» ядовитых газов.

Книга тов. Рубинштейна, как он указывает в своем предисловии, предназначена, в первую очередь, для рабочих капиталистических стран. Несмотря на то, что книга сейчас лишь переводится за границей, ее материалы были широко использованы накануне 1 августа рядом заграничных коммунистических газет. Давая свое описание оружия, которое подготовляет буржуазия для новой войны, автор имеет в виду, в первую очередь, показать рабочим Запада «тайну, в которой рождается война». Но все же нам представляется, что автор местами излишне увлекается военно-техническими достижениями буржуазии. Показывая ряд несомненных крупных технических достижений, в области эволюции средств нападения, автор не всегда вскрывает неизбежно параллельно растущие противодвижущие силы, диалектически заключенные подчас в самих новых средствах уничтожения или выражающихся в развитии средств защиты.

Тов. Рубинштейн останавливается на методах противовоздушной обороны, но описание этих методов получается у него куда бледнее, чем описание послевоенных достижений авиации. Между тем и в области противовоздушной обороны имеются огромные достижения, хотя бы в такой стране как Япония.

Тов. Рубинштейн вскользь останавливается на весьма серьезных формах химической войны — бактериологической войне. Он указывает, что в тиши лаборатории и научно-исследовательских институтов империалистических государств идет в настоящее время работа по изучению и подготовке нового оружия будущих войн—распространение вызывающих эпидемию бактерий. Дальше, автор полагает, что «границы военных действий этого рода совершенно неопределимы. Распространение чумы, холеры, тифа, гриппа, столбняка, желтой лихорадки и т. п., может легко оказаться обоюдноострым оружием, расширяя свое действие по обе стороны фронта». (Стр. 115). Меры же борьбы против бактерий, как-то фильтрация и хлорирование воды, тов. Рубинштейн считает несерьезным и легко преодолимым противником.

Тут совершенно очевидно, что тов. Рубинштейн сильно переоценивает роль бактериологической войны. Во-первых, пользование заразными бациллами чумы, холеры и тифа, является для противника, уже по одному тому опасным, что как при позиционных войнах, так тем более при маневренных операциях бактериологическая война может стать обоюдоострым оружием. Противник, применивший бациллы, может стать перед опасностью распространения эпидемии в своих же войсках. Тов. Рубинштейн указывал на обоюдную опасность применения этого оружия, не делает из этого, однако, соответствующих выводов.

Автор выдвигает возможность, использования авиации для бактериологической войны в глубоком тылу. Но и этот вопрос у тов. Рубинштейна не разработан. Как раз в одном из номеров немецкого журнала «Милитер Вохенблатт» (№ 9—1929) имеется статья, посвященная бактериологической войне. В этой статье указывается на то, что научное исследование вопроса об эпидемиях пришло к заключению, что как бы та или иная страна не думала вести бактериологическую войну, она бы своей цели не достигла. Применение снарядов и авиабомб, как средств распространения бацилл, привело бы, благодаря развитию при разрыве невероятно высоких температур, к умерщвлению самих бацилл. Дальше выясняется, что в распространении эпидемии бацилла не играет главной роли. Эпидемические болезни не обладают свойством распространяться в любом месте. Так, например, в 1832, 1848, 1859 и 1892 гг. в Гамбурге свирепствовала холера, а в Бремене, и в Бременском порту ее не было. Чума, напр., является бичом в Бомбее, а в Мадриде она бессильна. Затем эпидемии зависят от времени года, так, напр., дезинтерия, обычно появляется летом, брюшной тиф — осенью и т. д.

Можно не соглашаться с тем, что опасность бактериологической войны, вообще исключена, но было бы неверно освещать характер подготовки новой войны лишь в аспекте «ужасов» грядущей войны.

В своей статье «О лозунге разоружения» Ленин писал:

> «Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти проч., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние».

Тов. Рубинштейн правильно делает, что он показывает все ухищрения буржуазии в деле изобретения новых средств уничтожения, но было бы не вредно, если бы во втором издании своей книги он более подробно разработал те протимомеры, которые не менее энергично разрабатываются буржуазией.

* * *

Однако, ошибка тов. Рубинштейна не так опасна, как те в корне неправильные выводы, которые пытается сделать проф. Свечин из факта одновременного роста средств нападения и средств защиты.

Проф. Свечин полагает, что поскольку параллельно с развитием средств уничтожения идет развитие и противомер—все остается на старом месте. В своей рецензии на книжку тов. Рубинштейна проф. Свечин указывает, что новый крупно-калиберный пулемет Виккерса пробивает щиты из лучшей стали. «Но ведь этот пулемет,—восклицает проф. Свечин,—как раз и кладет предел танковому ужасу—два технических военных действия вместе взятые аннулируют друг друга» [1]). А это в свою очередь вдохновляет проф. Свечина и на следующий, еще более неверный, вывод, когда он утверждает: «Не значит ли это, что по существу здесь все осталось на старом месте?».

Это, конечно, недиалектическая постановка вопроса. Параллельный рост двух технических военных действий, особенно сейчас в процессе подготовки войны отнюдь не аннулирует друг друга, а лишь стимулирует и дальнейшее соревнование и этим самым общее развитие военной техники. Теория о том, что рост наступательной мощи парализуется развитием орудий обороны и следовательно «война теряет смысл» является премудростью весьма распространенной в империалистических военных кругах, и там это является лишь голой фразеологией на предмет успокоения боящегося «ужасов» войны мелкого буржуа.

Много внимания уделяет тов. Рубинштейн в своей книге проблеме экономической подготовки войны. Основное достоинство этой части книги заключается в том, что автор непосредственно связывает проблемы военной техники с общим развитием техники и промышленности.

> «Все эти сдвиги военной техники вызываются общими изменениями техники и организации производства, хотя в ряде случаев они их как бы опережают и во всяком случае становятся их наиболее ярким и законченным воплощением» (стр. 173).

Автор подробно освещает подготовку в ряде стран переоборудования промышленности для нужд войны, вскрывая общие тенденции военно-промышленной подготовки. Автор останавливается на своеобразной «плановости» военного хозяйства вообще и в частности в Германии. Он совершенно правильно указывает на то, что:

> «Планирование не могло и не хотело подавить или даже привести в организованные рамки стремления к максимальной прибыли отдельных капиталистических групп, дикий разгул спекуляции широчайшего слоя «шиберов» и других военных «пенкоснимателей» (169).

В свете современных дискуссий об «организованном капитализме» критика тов. Рубинштейна так называемого планового военного хозяйства является особенно интересной. Заключительная глава книги посвящена борьбе рабочего класса против империалистической войны. Эту главу можно было бы сделать несколько полнее, особенно в части учета опыта разложения старых армий, но все же у автора имеются здесь довольно интересные мысли о связи технических усовершенствований с характерами и составом новых армий.

> «Армия прошлых войн,—пишет тов. Р.,—были в основе крестьянскими армиями. Массовые армии будущих войн в основных империалистических государствах будут (кроме колониальных войск) по преимуществу городскими армиями, их основу составит промышленный пролетариат».

Таким образом, несмотря на отдельные дефекты, книга тов. Рубинштейна, несомненно, представляет собой ценный вклад в нашу военную литературу, особенно предназначенную для широкого читателя. Но это «вторжение» «штатского» человека в «святое святых» военной науки вызвало довольно резкую реакцию со стороны одного из крупных военных теоретиков Красной армии проф. А. Све-

---

[1]) По этой аристотелевой логике — пуля и убитый ею солдат тоже «аннулируют» друг друга.

чина. Профессор А. Свечин в «сокрушительном» порядке разразился на страницах «Торгово-Промышленной Газеты» весьма едкой рецензией по поводу книги тов. Рубинштейна.

В своей рецензии А. Свечин обвиняет автора в том, что последний преувеличивает значение военно-технических изобретений и, оперируя рекордами, смазывает «действительные отношения».

«Особенно вредным,—считает проф. Свечин,—пренебрежительное отношение автора к армии». «Война представляется автору исключительно, как состязание тылов». И, наконец, последнее обвинение, которое проф. Свечин бросает тов. Рубинштейну, это—недооценка возможности перепроизводства во время войны оружия, снарядов и т. д.

Проф. Свечин пишет:

> «Не может быть перепроизводства оружия, снарядов и всякого снаряжения—это основной тезис автора. А не показывает ли конец мировой войны, когда Германия располагала десятком тысяч новых орудий на складах и десятками миллионов снарядов к ним, бесчисленным количеством пулеметов и прочего добра, но не имела больше людей, желавших пользоваться на фронте этими припасами, что перепроизводство на войне имеет также место. И мы думаем, что в обстановке напряженной классовой борьбы в будущем такие случаи нередко будут иметь место, потребителей военная промышленность далеко не всегда сможет себе подыскать».

Мы считаем небесполезным остановиться на этих обвинениях, пред'являемых проф. Свечиным тов. Рубинштейну. Эти обвинения не выдуманы ad. hoc под впечатлением прочитанной книги, они логически вытекают из всей эклектической военной концепции, исповедуемой проф. Свечиным, в частности, в вопросах соотношения живой силы и техники.

Основная ошибка проф. Свечина заключается в том, что он «абстрагируется» от тех достижений военной техники, которые наблюдаются после войны в буржуазных государствах и пытается решать оперативные уравнения, игнорируя ряд весьма существенных данных из области технико-материального снабжения армии.

Свое грехопадение в области недооценки техники проф. Свечин логически продолжает и в вопросах организации современных армий. А это уже в совокупности определяет принципиально неверную установку проф. Свечина в основных вопросах современного оперативного искусства.

Только на базе полного игнорирования современных достижений военной техники (мы не рискуем сказать—незнания их) могла у проф. Свечина родиться весьма «своеобразная» теория «режима экономии» в военном промысле. В упомянутой уже выше статье в «Красной Звезде» проф. Свечин занимается арифметическими подсчетами преимущества ближнего боя над дальним. Он пишет:

> «Человекоубийственная промышленность, организованная средствами дальнего боя, обходится примерно в 20 раз дороже и требует в 20 раз больше по весу огнеприпасов, чем тот же промысел, организованный средствами ближнего боя. Дешевле всего застрелить человека из револьвера с расстояния в 10 метров; это стоит только 8 копеек и требует доставки только одного патрона весом в 20 грамм. При обработке артиллерийским огнем с 4—5 км. батальона, окопавшегося и замаскировавшегося на площади одного квадратного километра, приходится расходовать десяток тысяч снарядов, и издержки на каждого из 300—400 подстреленных бойцов достигнут 2—3 тысячи рублей; вес снарядов, приходящихся на одного выведенного из боя неприятеля, достигнет 300 кг., что почти поглощает грузопод'емность парной повозки.
>
> Конечно, тактика не может обходиться ни без дорогих и громоздких методов дальнего боя, ни без дешевых, но встречающих крупные затруднения методов ближнего боя; однако упор может делаться на артиллерию в большей или меньшей степени. Если мы потребуем от артиллерии законченной на 70 проц. работы и оставим пехоте доделать только 30 проц., то

мы переходим к системе военных действий, по крайней мере, в три раза более дорогой и громоздкой, чем в том случае, когда артиллерия будет выполнять только 30 проц. работы, а остальное делать пехота. Соответственно мы будем иметь дело или с артиллерийской операцией или с пехотной операцией. Главным родом войск будет являться или артиллерия или пехота».

Вся эта, с позволения сказать, философия не имеет, естественно, ничего общего с марксистскими методами анализа военных проблем.

Проф. Свечин выступает здесь не как стратег, а как бухгалтер бэконного завода, подсчитывающий, каким способом будет дешевле «обработать» свиную тушу. Подсчитывая «производственные затраты» на убийство одного человека, проф. Свечин пытается, повидимому, открыть новую область применения «закона трудовой стоимости». Но за всем этим жонглированием, терминами и механистическим перенесением методов политэкономии в военный промысел таится ярко враждебное всей нашей военной теории и практике концепция. Der kurze Sinn der langen Rede (короткий смысл длинной речи) проф. Свечина сводится по существу к тому, что танки и артиллерия суть буржуазные предрассудки только потому, что они дороже револьвера, и что работать дорогими и громоздкими средствами дальнего боя смогут лишь армии капиталистических государств Запада. Нам же, повидимому, остается пользоваться дешевой пехотой.

И прав поэтому тов. В. Триандофилов, когда он, полемизируя в «Красной Звезде» с проф. Свечиным («Барабан» и «Артиллерийский таран» (об истоках оперативной мысли) пишет:

> «Если человеческие жизни на войне ничего не стоят, если бойцы, повисшие на проволоке противника, стоят государству меньше, чем несколько тысяч снарядов или десятков других танков, если время, темп развития боевых действий, быстрота выполнения задачи на войне ничего не стоят, то тогда тов. Свечин прав».

Вся философия проф. Свечина, неемотря на его потрясение «диалектической шпагой, является рецидивом старой тактики поистине «очаковских времен». Проф. Свечин во втором томе своей «Эволюции военного искусства» (стр. 452) пишет, что в период турецкой войны «мы (кто это мы?!) *Дм. Б.)* стремились к большой дешевой армии».

Царская Россия пыталась компенсировать свою промышленную, а следовательно и военно-промышленную отсталость избытком дешевого пушечного мяса. И сейчас эти, по существу, реакционные взгляды проф. Свечин пытается протащить под прикрытием механистически-материальных анализов военных проблем, всячески отрицая значение артиллерийского тарана и высказываясь против «благотворительного» подхода к пехоте».

Словом, как в старом вдохновении «патриотической» музы Глинки:

> Ура... на трех ударим разом!
> Не даром же трехгранный штык!
> Ура отгрянет над Кавказом,
> В Европу грянет тот же клик!

Не говоря уже о совершенно неприемлемой для нас социальной установке проф. Свечина в вопросе о «дешевизне пехоты», свечинская «экономия» не выдерживает критики и в чисто-военном аспекте. Если та или иная операция не подготовлена предварительно соответствующими средствами «дальнего боя», если благодаря этому пехотные части понесут огромные потери, то вряд ли это поднимет боеспособность и моральное настроение армии. Совершенно верно, что пехота представляет собой ядро армии, но при всех своих «диалектических» потугах проф. Свечин не понимает, что в новой войне пехота без современного технического вооружения будет представлять собой quantite negligeable [1]), каким бы энтузиазмом и героизмом не была бы эта пехота проникнута.

[1]) Незначительную величину.

Отрицая или по крайней мере смазывая роль техники, проф. Свечин невольно повторяет основную ошибку известного интерпретатора оперативного искусства Мольтке—немца Шлихтинга. Шлихтинг ухитрился не заметить тех новых изобретений, которые значительно изменили обстановку, характерную для эпохи Мольтке, и этим самым превратили искусство Мольтке в мертвую докторину.

Обвинение проф. Свечина, брошенное им тов. Рубинштейну в том, что последний преувеличивает значение военно-технических изобретений и, оперируя рекордами, смазывает «действительные отношения»,— это обвинение ни на чем не основано. Наоборот, «действительные отношения» смазывает сам проф. Свечин, механически противопоставляя массовую армию технике.

По проф. Свечину выходит, что в грядущей интервенции империалистов против СССР возможны два варианта организации буржуазных армий. Капиталисты выставят против нас либо небольшую механизированную и моторизированную «фуллеровскую» когорту; либо массовую, но политически неустойчивую, расползающуюся по всем швам, армию. Подход проф. Свечина, мягко выражаясь, явно метафизический.

Верно, что те миллионные армии, которые буржуазия попытается бросить против Советского Союза, будут включать в себе серьезнейшие бациллы разложения, которые, однако, не обязательно должны проявиться на первых же порах военной кампании. Было бы опасным недооценивать полицейские, пропагандистские и проч. средства буржуазии, при помощи которых она будет стремиться поддерживать дисциплину, по крайней мере, в первый год войны. Нельзя, наконец, забывать о весьма серьезном оружии в агитпроповском арсенале буржуазии—о социал-фашизме, который еще ведет за собой весьма значительные массы рабочих. Мы бы совершили политическое преступление, если, ориентируясь на немедленное разложение буржуазных армий, ослабляли темп нашей военно-технической подготовки. Стать на точку зрения проф. Свечина,—означало бы, по существу, поддерживать те легкомысленные элементы в Красной армии, пытающиеся «шапками закидать» весьма серьезного противника.

Столь же безосновательно обвинение проф. Свечиным тов. Рубинштейна в том, что он, мол, пренебрежительно относится к армии, а войну представляет лишь как «состязание тылов».

Уважение к армии определяется отнюдь не барабанным боем в честь пехоты и превращением ее в пушечное мясо «буржуазной артиллерии». Проблему поднятия боеспособности армии нельзя отрывать от проблемы ее технического вооружения, а последнее, в свою очередь, тесно связано с развитием техники вообще, с экономическим развитием страны.

В своей статье в «Красной Звезде» проф. Свечин уверяет, что

> «развитие производительных сил, оставаясь глубинным источником прогресса военного искусства, действовало далеко не равномерно, толчками, порой тормозило и дергало эволюцию его назад *(?! Дм. Б.)*. Поэтому практически одно развитие производительных сил различных государств отнюдь не дает еще ключа к уразумению современных стратегических и оперативных доктрин».

Это положение проф. Свечина лишний раз иллюстрирует его непонимание глубочайшей связи, имеющейся между современными техническими сдвигами, развитием массового производства и военными проблемами.

Можно привести огромное количество цитат из Энгельса, на которые так часто любит ссылаться проф. Свечин для опровержения установки последнего. В своей статье «Перспектива войны Франции против священного союза» Энгельс указывает, что:

> «Предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы. Предпосылкой каждого нового усовершенствования в ведении войны должны быть также новые производительные силы».

Кто этого не понимает и вместо конкретного уяснения связи между техническими усовершенствованиями в военном промысле и производительными силами издевается над «войной тылов», тот не способен осознать подлинного характера новой войны. Вопросы тыла, и в частности материально-технического обеспечения армии, представляют собою задачу не менее, если не более, важную в подготовке обороны страны, чем подготовка армии.

В «Эволюции военного искусства» сам же проф. Свечин пишет: «Пока тыл работает исправно, современные армии проявляют удивительную живучесть» (т. II, стр. 544).

Совершенно прав тов. Ворошилов, когда он в своем выступлении на IV Всесоюзном с'езде советов говорил:

> «*В особенности подготовка промышленности к обороне должна стоять перед нами, как актуальнейшая задача сегодняшнего дня, без разрешения которой все разговоры относительно обороны нашего государства будут в значительной своей части разговорами мало реальными*».

Проф. Свечин в своей рецензии обвиняет тов. Рубинштейна в том, что:

> «Современная подготовка бойца рисуется ему, как маленькое натаскивание и успех подготовки в каком-нибудь фашистском союзе отнюдь не меньше, чем в постоянной армии».

В этом тоже проф. Свечин видит «оскорбление мундира» армии и переоценку тыла. Но сам же проф. Свечин в выше цитированной книге указывает, что: «существующая в мирное время армия обращается лишь в авангард собирающегося выступить вооруженного народа». Ведь неоспоримым фактом является развертывание во время войны 3½ миллионов американской армии при предварительном наличии 68.000 организованных офицерских резервов.

В новой войне понятие фронта и тыла будет устранено. Прошли времена, когда противопоставлялись тыл—фронту и наоборот. Это только войны 18 столетия характеризовались тем, что «мирный горожанин не должен даже замечать, что нация сражается» (Фридрих). Клаузевиц писал о войнах 18 столетия: «Война не только по своим средствам, но и по своей цели касалась только одного войска». Эти веселые дни Аранжуэца канули в Лету и не к чему проф. Свечину их воскрешать в теоретических изысканиях.

И, наконец, последнее обвинение проф. Свечина—о недооценке тов. Рубинштейном возможности перепроизводства оружия и снарядов во время войны. Этот вопрос по существу не имеет прямого отношения к тому кругу проблем, которые мы затрагиваем в настоящей статье. Мы останавливаемся на этом лишь постольку, поскольку этим обвинением проф. Свечин в лишний раз демонстрирует свое непонимание характера и значения экономической подготовки новой войны.

Возможно ли перепроизводство оружия и снарядов на войне и не грозит ли опасность военной промышленности, что она не найдет себе «потребителя»? Не говоря уже о том, что термин «потребителя» военной промышленности у проф. Свечина весьма неточен, ибо непосредственным потребителем с[illegible]яда являются те солдаты, в которых он попадет, сама постановка вопроса сугубо схоластична.

Надо различать *два* этапа военно-промышленной подготовки. Пе[illegible] этап—это подготовка *до войны*, когда буржуазия испытывает образцы, с[illegible] предприятия, подготавливает общепромышленную базу для массового производства во время войны. Здесь, главным образом, речь идет о создании *потенциальных* возможностей, о подготовке мобилизации промышленности и, следовательно, о специфически военном перепроизводстве не может быть и речи.

Второй этап — это развертывание промышленности *во время* войны. Здесь основная задача заключается в максимальном развитии продукции даже

за счет подрыва производительных сил. Буржуазия не может рассчитать, сколько времени продлится война, и она, не считаясь ни с чем, выбрасывает на «рынок» все новые и новые массы средств уничтожения. При этом буржуазия ничем не рискует, потому что расплачивается за эту продукцию в конечном свете *все* народное хозяйство. Во время войны буржуазия весьма мало интересуется тем: не останутся ли к концу войны нерасстрелянные снаряды?

До такого «организованного капитализма» в деле планирования производства средств уничтожения во время войны буржуазия не дошла и вряд ли дойдет. Было бы в корне неверным представлять себе войну, как некоторое нормальное продолжение мирного процесса производства.

Для значительных кругов буржуазии сама война является добавочным рынком, куда она выбрасывает свою продукцию. И эту часть буржуазии, интересует сама война как процесс поглощения производимой продукции.

Проф. Свечину понадобилось вытянуть на свет проблему перепроизводства оружия лишь для того, чтобы в лишний раз посрамить сторонников необходимости технического вооружения армии. Но и эта попытка явно неудачна.

Мы не брали на себя задачу разобрать в данной статье *всю* концепцию проф. Свечина в военных вопросах. Этим делом должны были бы заняться наши военные товарищи.

Мы привели здесь лишь *часть* той философии, которую развернул проф. Свечин в своей статье и которую он в конденсированном виде продолжает и в своей рецензии на книгу тов. Рубинштейна.

Было бы чрезвычайно опасным в наше время, когда мы посвящаем все наши силы укреплению боеспособности Красной армии, мобилизуем вокруг этого внимание широчайших слоев нашей общественности, недооценивать или обходить молчанием взгляды проф. Свечина.

Надо признать, что статья проф. Свечина в «Красной Звезде «У истоков оперативной мысли» не получила должного отпора не только в нашей общей печати, но и в военной. Мы можем и должны ценить проф. Свечина как блестящего военного эрудита, талантливого военного историка. Но это отнюдь не должно нас останавливать от самой решительной критики его отдельных ошибок, особенно, если они перерастают в *систему взглядов* чрезвычайно опасную для дела укрепления Красной армии. Между тем в полемике с проф. Свечиным подлинная критика часто подменялась субординацией.

В своем примечании к статье проф. Свечина редакция «Красной Звезды» писала:

> «Помещая интересную и ценную теоретическую статью т. Свечина, приветствуя его попытку дать марксистский анализ основных проблем военного дела, редакция со своей стороны считает, что эта попытка в общем не удалась, так как *автор не овладел еще методом диалектического материализма*» (разрядка наша. *Дм. Б.*).

Интеллигентно, но отнюдь не вразумительно...

Дело не в том, что проф. Свечин *еще* не овладел методом диалектического материализма, а в классово-враждебной нам системе идей, которую вольно или невольно пытается пропагандировать упомянутый профессор. Метод «диалектовый» равно, как и «ультра-революционные» гипотезы о быстром разложении неприятельских армий являются лишь дымовой завесой, за которой проф. Свечин разворачивает колонны старых избитых доводов о том, что «русскому [illegible]у» техника не нужна, что «для российского солдата пули, бомбы—ничего».

Никаких Америк здесь Свечин не открывает: он просто перепевает, чуть-чуть подновляя довольно известные мотивы.

В 1898 году появилась об'емистая работа И. С. Блиоха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Четвертый том и несколько отделов второго тома этой работы посвящены, примерно, тем же вопросам, по которым выступает проф. Свечин. И как это ни странно, «добрые духи» как будто разных эпох мирно совпадают.

Основная идея Блиоха заключается в том, что чем слабее развито народное хозяйство страны, тем выше ее оборонительные силы. «С этой точки зрения, даже низкий уровень, на котором стоит развитие в России земледелия, увеличивает ее оборонительную силу» («Будущая война», том IV, стр. 6).

Блиох считает, что особенно тяжелые экономические затруднения вызовет война в странах с сильно развитой промышленностью и торговлей. Словом, чем выше развиты производительные силы страны, тем труднее ей воевать.

Характерно, что в своем стремлении оправдать малое значение техники для армии Блиох, как и проф. Свечин, пытается сослаться на «разложение военного аппарата». Совпадение взглядов Блиоха и Свечина наблюдается и еще в одном доводе. Блиох считает, что русская армия может сражаться чуть ли не без ружей и без пушек, ибо «Россию невозможно, как все другие государства Европы, сокрушить одним ударом, как громадны бы ни были вступившие в нее полчища противников, в силу ее территориальных размеров. Примерно в таких же тонах пишет и Свечин в рецензии на книгу Рубинштейна:

> «Несмотря ни на какие рекорды перелетов в 11 тысяч миль без посадки, центры Урала все же менее доступны в бомбардировке, чем пограничные железнодорожные узлы и благодаря нашей необ'ятной территории эффективность бомбардировки для советского тыла остается все же в 10 раз меньше, чем возможность авиационной угрозы с материка для Англии».

Все эти доводы должны обосновать, по мнению Свечина, его концепцию игнорирования техники. Но не стоило бы тратить времени и места для полемики со взглядами, которые были блестяще опровержены уже прошлой войной, если бы не попытка Свечина подновить их всяческими «диалектическими» фортелями.

Грядущая война с буржуазией будет войной не легкой. Можно вести сколько угодно академических споров о «большой» или «малой» войне на нашем западном театре военных действий, но совершенно очевидно, что во всех случаях Красная армия сможет победить отнюдь не только беззаветным героизмом, но и хорошей техникой.

Голое противопоставление «красного духа» артиллерийскому тарану является по существу предательством Красной армии. Между тем у нас имеется еще немало этаких коммунистических попов, которые полагают, что в новой войне империалистические армии распадутся на другой же день, как стены Иерихона от трубных звуков. Это ребячество, даже не левое и не правое, а просто бессмысленное. Проф. же Свечин своими сугубо-учеными изысканиями подводит «научный» базис под эти бессмыслицы и тогда глупость превращает их в социально-опасное явление.

Установка проф. Свечина в наших условиях является чрезвычайно опасной. Принять ее означало бы разоружение Красной армии в ее подготовке к грядущим боям. И наиболее странным является то, что рецензия проф. Свечина, явно смазывающая проблемы экономической подготовки обороноспособности Красной армии, печатается без примечаний в боевом органе индустриализации—«Торгово-Промышленной Газете».

Дм. Бухарцев.

№ 2 31 ЯНВАРЯ № 2

1 9 3 0